

Бердяев Н. философия неравенства filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> приятного чтения!

Н. Бердяев

Философия неравенства

Письма к недругам по социальной философии

Письмо первое

О русской революции

Письма эти, в которых я хочу подвести итог всем мыслям моим по социальной философии, обращаю непосредственно к моим недругам, людям враждебного мне духа, противного мне чувства жизни, чужих мне мыслей. Много у меня недругов, бесконечно больше, чем друзей, и очень разнообразны они, с самых противоположных сторон обступают они меня. Самые первые мои недруги – это недруги моей веры, это – отступившие в духе своем от Христа, предающие Его и восстающие на Него во имя земных идолов и богов. Мир вступает в такое трудное и ответственное время, когда должно быть религиозно изобличаемо всё двусмысленное, двоящееся, прикрытое и переходное. Не мир, но меч принес Христос. И мечом духовным должен быть рассечен мир на стоящих за Христа и против Христа. Но это основное деление не может быть механически и внешне применено к бесконечной сложности жизни. В Евангелии нет той раскрытости и полноты, которые позволяли бы непосредственно применить евангельские критерии ко всем жизненным оценкам. Всякая жизненная оценка ставит перед духом человеческим творческую задачу. В Евангелии дана лишь закваска новой жизни, лишь семя, из которого произрастает высшая жизнь духа, но нельзя видеть в нём собрание правил и заповедей. В Новом Завете нет положительного откровения христианской общественности. Проблема отношения христианства и общественности – сложная творческая проблема, поставленная перед свободным человеческим духом; она не допускает упрощенного и однообразного решения. Проблема христианской общественности всегда была великим соблазном и для верных христиан, и для врагов христианства. Христом и Евангелием очень злоупотребляли для самых противоположных целей. Самая крайняя реакционность и самая крайняя революционность одинаково готовы оправдать себя христианством. Слишком ясно, что абсолютность христианского духа не может быть так легко переведена на относительность исторического мира. Всегда остается несоизмеримость. Одинаково ошибаются и те, которые считают христианство благоприятным абсолютному цезаризму, и те, которые считают его благоприятным анархизму. Христианство так же не реакционно, как и не революционно, из него нельзя извлечь никаких выгод для мира сего.

Ныне торжествуют в мире те, которые хотели бы или совершенно опрокинуть христианство, или извлечь из него революционные выгоды, выгоды социалистические и анархические. Против этих недругов прежде всего направлена моя книга. Их хочу я изобличить, ибо в них грядущая опасность и грядущее зло. Зло прошлого, отошедшего, умершего или умирающего менее опасно. Антихрист явится в грядущем, его соблазны – грядущие соблазны человечества. В старом зле нет этой острой соблазнительности двоящихся и двусмысленных образов грядущего. Нет в мире народа, который был бы так подвержен этим соблазнам двоящихся и двусмысленных образов грядущего, образов антихристовых, как мой народ, народ русский. Нет в мире страны, которая могла бы так легко сделаться очагом этих соблазнов, как моя страна – Россия. Вам, отравившим душу русского народа страшным ядом, вам, губившим Россию, посвящаются мои письма. Вас много, вы – большинство, вы давно начали свою работу, вы начали свою работу, подтачивающую духовные основы жизни русского народа, как угнетенные, с невинной и возвышенной проповедью гуманных и прогрессивных идей. Но скоро начал обнаруживаться дух ваш, дух небытия, скоро превратились вы в угнетателей. Сначала вы были угнетателями духовными, вы овладели слабыми душами русской интеллигенции, вы стали гонителями всей высшей

духовной жизни и объявили бойкот всем, кто верил в высшие духовные реальности и духовные ценности, кто признавал религиозный смысл жизни и религиозную цель жизни. Вы оправдывали своё гонение тем угнетенным положением, в которое вы были поставлены ошибочной политикой старой власти. Но настал час, когда окончательно обнаружилась ваша природа, – вы получили возможность быть и материальными угнетателями и создали неслыханную тиранию, грозящую окончательно уничтожить человеческий образ. Вы всегда были ненавистниками свободы, всегда были гасителями человеческого духа, истребителями божественного. Вы всегда продавали человеческое первородство за чечевичную похлебку преходящих благ и временных интересов. Вы – истребители вечности, вы хотели бы вырвать из человеческого сердца чувство вечности и тоску по вечности. Это через вас время, приносящее смерть, ведет борьбу с вечностью. Я давно уж чувствовал это, давно духовно боролся с вами в меру сил своих. Ныне начинают узнавать вас и те, которые раньше были соблазнены вашим духом, все эти просветители, прогрессисты и гуманисты, оставшиеся на поверхности жизни, не ведавшие зла, прекраснотушные, невинно мечтавшие о благе народа и о счастье на земле. Мы давно уже предупреждали, давно уже вскрывали, к чему приведут те пути, по которым шло интеллигентное русское общество и на которые толкали русский народ. Говорили мы и о той страшной ответственности, которая падает на власть имевших, на классы господствующие, почти ничего не делавшие для творческого претворения этого рокового ниспадения России и русского народа в бездну. Пусть вспомнят ныне сборник «Вехи» и оценят его более беспристрастно.

План этой книги зародился в стихии русской революции. И писать её я начал в день годовщины революции. Менее всего я собираюсь писать систему социальной философии. Время таких систем прошло уже. Я хочу вскрыть духовные основы общественной мысли, дать то, что можно было бы назвать онтологической психологией или феноменологией общественности. Русская революция дает внутренние импульсы и толчки для такой работы мысли. Революция дает великий опыт и обостряет все основные проблемы социальной философии. Не сама революция обостряет и углубляет мысль. Наоборот, те, которые делают революцию и захвачены её потоком, выброшены на поверхность и теряют всякую способность различения и углубленных оценок. Люди эти оторваны от глубины, от всех источников духовной жизни и не способны ни к какому познанию. Но в духовной реакции на революцию, во внутреннем её осмысливании обостряется мысль, углубляется познание и много нового приоткрывается. Есть такие, которые думают, что революция – религиозна, и что русская революция – религиозна по преимуществу, что в ней рождается новый человек, открывается новое сознание. Такая игра в сопоставление революции и религии, такое покрытие революционной стихии пыльным одеянием религиозной фразеологии, такое мистическое её идеализирование есть духовное блудодейство. Рассудочный прозаизм настоящих революционеров, делающих революцию, а не поэтизирующих и не мистифицирующих её со стороны, в тысячу раз лучше и чище. Когда романтический, лирический поэт начал петь гимны неистовствам революции и писать статьи, оправдывавшие все её злодеяния, он обнаружил лишь разложение собственной души, потерявшей всякое различие между правдой и ложью, между реальностями и призраками, и совершил предательство Духа. Вы, люди духа и духовного творчества, призванные быть «хранителями тайны и веры», когда вы пассивно и бессильно отдавались господствующим стихиям, когда потворствовали бушующей черни, громящей величайшие святости и ценности, когда не нашлось у вас ни одного сильного слова в защиту вечности и высшей жизни духа, вы явили собой самое жалкое и низменное зрелище. В самый страшный и ответственный час жизненных испытаний, когда проявляется удельный вес всех человеческих мыслей и слов, всех человеческих верований и упований, вы оказались духовно немощными и растерянными, потеряли все критерии духа, у вас не оказалось собственных слов, добытых из духовного опыта общения с вечностью. Вы заговорили чужими словами, и шум улиц и площадей почувствовался в ваших речах и статьях. Вы не обнаружили рыцарской верности и рыцарского благородства, вы оказались плебеями духа. Вы забыли вечное различие между рыцарями духа и чернью. В вас никогда не было силы духа, вы не стяжали себе даров духа. Вы – слабые, безвольные, двоящиеся люди, неспособные к цельному избранию предмета любви, своей истины, правды и красоты. Если красота ваша, правда ваша, истина ваша зависят от дуновения ветров, от бушевания стихий, от шума и гула улиц, площадей и дорог, то у вас нет красоты, нет правды и нет истины, вы нищие, не вооруженные в час борьбы, не готовые к войне. А иные из вас любили говорить, что человек должен заковать себя в броню, надеть латы и шлем, взять щит и копье. Где же оказались ваши рыцарские доспехи в час битвы, в страшный час рокового поединка противоположных духов? Вы оказались слабыми и колеблющимися, как тростник, безоружными и беззащитными. Из малодушия

Бердяев Н. философия неравенства filosoff.org

начали вы выдумывать оправдания своей слабости перед темными силами, своего потворства духам тьмы. Но никого вы не обманули. Вы лишь унизили достоинство русского писателя, русского поэта, русского мыслителя. Имен ваших я не буду называть, меня интересуют сейчас явления духа, а не отдельные люди с их слабостями, с их загадочной судьбой. Революция никогда не была и никогда не может быть религиозной. Революция, всякая революция, по природе своей антирелигиозна, и низки все религиозные её оправдания. Но революция большого масштаба может иметь религиозный смысл, в ней можно искать знаки Промысла Божьего, «судьбины Божьей приговор». Этот смысл и эти знаки вижу я и в самой антирелигиозной из всех революций, в революции русской.

Революция есть свыше ниспосланная кара за грехи прошлого, роковое последствие старого зла. Так смотрели на французскую революцию те, которые глубже вникали в её смысл, не останавливались на её поверхности. Для Ж. де Мэстра революция была мистическим фактом, он считал её провиденциальной, ниспосланной свыше за грехи прошлого. Карлейль, написавший лучшую историю революции, видел в ней последствия неверия, потери органического центра жизни, наказание за грехи. Революция – конец старой жизни, а не начало новой жизни, расплата за долгий путь. В революции исполнятся грехи прошлого. Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения. И осуждением до революции господствовавших слоев общества бывает то, что они довели до революции, допустили её возможность. В обществе была болезнь и гниль, которые и сделали неизбежной революцию. Это верно и по отношению к старому режиму, предшествовавшему революции русской. Сверху не происходило творческого развития, не излучался свет, и потому прорвалась тьма снизу. Так всегда бывает. Это – закон жизни. Революциям предшествует процесс разложения, упадок веры, потеря в обществе и народе объединяющего духовного центра жизни. К революциям ведут не созидательные, творческие процессы, а процессы гниlostные и разрушительные. Чувство любви, порывы творчества, акты созидания никогда не приводят к революциям. На всякой революции лежит печать безблагодатности, богооставленности или проклятия. Народ, попавший во власть революционной стихии, теряет духовную свободу, он подчиняется роковому закону, он переживает болезнь, имеющую своё неотвратимое течение, он делается одержимым и бесноватым. Не люди уже мыслят и действуют, а за них и в них кто-то и что-то мыслит и действует. Народу кажется, что он свободен в революциях, это – страшный самообман. Он – раб тёмных стихий, он ведётся нечеловеческими элементарными духами. В революции не бывает и не может быть свободы, революция всегда враждебна духу свободы. В стихии революции темные волны захлестывают человека. В стихии революции нет места для личности, для индивидуальности, в ней всегда господствуют начала безличные. Революцию не делает человек, как образ и подобие Божие, революция делается над человеком, она случается с человеком, как случается болезнь, несчастье, стихийное бедствие, пожар или наводнение. В революции народная, массовая стихия есть явление природы, подобное грозам, наводнениям и пожарам, а не явление человеческого духа. Образ человека всегда замутнен в революции, затоплен приливами стихийной тьмы низин бытия. Тот светлый круг, который с таким страшным трудом образуется в процессе истории и возвышается над необъятной тьмой, в стихии революции заливаются дурной бесконечностью ничем не сдерживаемой тьмы. Дионисова стихия свергает всякое аполлоново начало, всякую форму и границу, всякий лик и образ, связанный с формой и границей. Наивно думать, что народ, попавший во власть закона революционной стихии, вошедший в магический круг революции, может быть руководим более разумными, просветленными и умеренными направлениями, жирондистами или кадетами. Нет, в революциях неотвратимо господство якобинцев или большевиков. Болезнь должна быть изжита, яд должен сам себя истребить. Руководить революцией невозможно. И напрасно вы, делающие революцию и прославляющие её, думаете, что вы руководите ею, управляете и создаете. О, как наивны, как темны и бессильны вы, думая, что вы свободны, что дух свободы действует в вас, что вы активны, что вы могущественны. Нет, вы – бессильные и пассивные рабы, рабы темных страстей, орудие темных стихий. Вы, большевики, максималисты, анархисты и т. п., – вы – самые пассивные люди, духовно бездвижные, не способные к сопротивлению стихиям, к душевному усилию, одержимые энергиями, вне вас находящимися. Не видно вашего лика и нет у вас лика. Вы – медиумы безликих стихий, в вас говорят чужие голоса, и в голосах этих нельзя разобрать голоса человеческого, а слышен лишь шум и рев элементарных природных стихий. Напрасно вы, люди революции, думаете, что вы – новые души, что в вас рождается новый человек. Вы – старые души, в вас кончается старый человек со старыми своими грехами и немощами. Все ваши отрицательные чувства – злоба, зависть, месть – приковывают вас к старой жизни и делают вас рабами прошлого. Вы

– пассивный рефлекс на зло прошлого, вы не можете освободиться от него. Но у вас нет памяти о добре прошлого, о нетленной истине и красоте в нём, у вас нет памяти творческой и воскрешающей.

Был ли Робеспьер новой душой, новым человеком? Нет, он до глубины своего существа был старым человеком, человеком старого режима, полным старых насильнических инстинктов. Французскую революцию делали старые души, и они внесли в нее все старые грехи и страсти. Новая душа родилась позже, после глубокой духовной реакции на революцию, когда Шатобриан писал своего «Ренэ» и «Гения христианства». Тогда началась новая эра, внутренне отличная от двух предшествовавших столетий. Новый человек родился в католической и романтической реакции. Это удостоверено самыми позитивными историками. Напрасно вы, делатели революции, одержимые её демонами, думаете, что вы – творческие люди и дела ваши – творческие дела. Напрасно думаете вы, что эпохи революций – творческие эпохи в жизни человечества. Вы люди, совершенно лишенные творческого духа, обделенные им, ненавидящие и истребляющие творчество. Ибо поистине творчество – аристократично, оно есть дело лучших, оно не терпит власти худших, господства толпы, которой служите вы. Есть ли творческий дух в Робеспьере или Ленине? Не истребители ли они всякого творческого порыва? Творчество не терпит равенства, оно требует неравенства, возвышения, оно не допускает оглядки на соседей, как бы не опередить их. Дух революции, дух людей революции ненавидит и истребляет гениальность и святость, он одержим черной завистью к великим и к величию, он не терпит качеств и всегда жаждет утопить их в количестве. Никогда в эпохи революций не процветало духовное творчество, не бывало религиозного и культурного возрождения, не бывало расцвета «наук и искусств». Измерение революции – плоскостное, а не глубинное. В революциях нет подлинного внутреннего движения. Революция означает остановку внутреннего движения. Революция лишь внешне динамична, внутренне же она статична. Революции никогда не ценят людей духовного движения и духовного творчества; они извергают этих людей, часто ненавидят их и всегда считают их ненужными для своего дела. Ваши бурные внешние движения, люди революции, не должны вводить в обман. В этих движениях есть безвыходное кружение. В кружении этом изживаются пустые страсти. Движение революции всегда истребляет само себя, оно не ведет к новой жизни. Это не есть движение в глубину, это есть движение на поверхность поверхности. И с поверхности оно рассеивается, как пыль. Идите в глубину, люди революции, и все ваши неистовые движения, все ваши жесты и все производимые вами шумы прекратятся. Тогда начнется и в вас, людях поверхности жизни, истинное движение, тогда, быть может, и для вас откроется возможность творчества. Начало внутреннего движения, начало творчества, духовного углубления означает конец революции, начало реакции. Котел революции выкипает. И является потребность углубленно осмыслить опыт революции, познать трагические противоречия жизни.

Революция не духовна по своей природе. Революция рождается от убыли, ущербленности духовной жизни, а не от её подъема, не от её внутреннего развития. Лица людей, захваченных революцией, говорят о падении духовной жизни. Выражение этих лиц до ужаса недуховно, и оно уже является осуждением революции. Ваши лица выражают злобу и одержимость, на них нельзя прочесть ни углубленных мыслей, ни благородных чувств. Ваши лица не одухотворены, в них чувствуется падение до самых низин материального мира. Революция отрицает значение духовной жизни. Идеология революции исходит от внешнего и материального и им всё определяет, а не от внутреннего и духовного. И потому никогда люди духа не могут одобрить ваших революций, у них свои, неведомые вам революции. Революция духа ничего общего не имеет с вашими внешними, материальными, политическими и социальными революциями. Никогда Маркс не был революционером духа. Революционером духа был Ницше. Но что общего он имеет с вашими внешними революциями? Он их презирал как восстание плебеев. Революционером духа был Достоевский. Но вы его всегда считали консерватором и реакционером. А что вам делать с пророчески настроенным Вл. Соловьевым, что ему делать с вами? Всё, что было духовно значительного в истории русской мысли и русского творчества XIX века, было не с вами, было против вас. Величайшее явление русской культуры – Пушкин – не ваш. Вы его поносили и ниспровергали, вы ему противопоставляли печный горшок и сапоги. Даже Л. Толстой не любил вас и осуждал дела ваши. С вами были лишь люди второго и третьего сорта, ни одна гениальная мысль не родилась в вашей среде, не изошла от вас, от вашего бездарного серого духа. Вы – люди революции – люди духовной середины и посредственности, люди средних, серых, популярных мыслей. И ваша ярость – ярость серой массы, завидующей всякому величию, всякой славе, всякой гениальности. Природу вашу гениально постиг Достоевский и пророчески предсказал, к чему вы придете. Лишь в состоянии полной слепоты и одержимости можно сопоставлять и

смешивать ваши революции с революциями духа. Революция духа рождается от глубокой внутренней реакции против ваших революций, против вашего отрицания всякого духа. Вы – гасители духа, вы – самые черные реакционеры в самом глубоком смысле этого слова. Вы всегда были гасителями мысли, инерция вашей мысли страшна, она производит впечатление окаменелости. Вы всегда гнали религию, философию, поэзию, эстетику жизни. Ваши революции делают не лучшее, а худшее, за революции хватаются и на них наживаются все считающие себя неудачниками и обиженными, все озлобленные, все пасынки Божии, а не сыны Божии. Революции рождаются не от благородного сознания вины сынами Божиими, а от неблагородного сознания обиды сынами праха.

Все революции кончались реакциями. Это – неотвратимо. Это – закон. И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее бывали реакции. В чередованиях революций и реакций есть какой-то магический круг. Много мрачного бывает в реакциях, – в них та же ярость и мстительность, что и в революциях. И вы, люди чистой реакции, не способные возвыситься над плоскостным движением вправо и влево, над противоположностью революции и реакции, вы тоже не способны видеть истины более полной, более далекой. Вы часто бываете обратными подобиями революционеров. Но после потрясений яростной революции реакция неотвратима, в ней есть своя правда, преломленная в темной человеческой стихии. Вы, люди банального и плоского революционного сознания, привыкли употреблять слово «реакция» в поверхностном смысле слова, исключительно отрицательном. Вы противопоставляете «реакцию» всему прогрессивному, творческому, всякому развитию, движению. Для вас реакция есть застой или движение назад, возврат к тому, что было до революции. Это – неправда. В реакциях есть иная глубина. Реакция может быть и творческой, в ней может быть и подлинное внутреннее движение к новой жизни, к новым ценностям. И никогда реакция не возвращает просто к старой жизни. Во всякой духовной реакции на революцию открывается что-то новое, неведомое старому миру, рождаются творческие мысли. Нарождается что-то третье, отличное и от того, что было в революции, и от того, что было до революции. В третьем приоткрывается что-то новое, небывшее. Пережитое столкновение двух миров обостряет сознание, изощряет мысль, дает новое чувство жизни. Этому научает духовная реакция во Франции начала XIX века против революции. Вам, идеологам революции, советую я изучать это духовное движение и вникнуть в его поучительный смысл. Быть может, главное значение французской революции нужно видеть в том, что она вызвала в начале XIX века движение католическое и движение романтическое, оплодотворившее всю мысль XIX века. Явление Жозефа де Мэстра было самым замечательным результатом французской революции, более замечательным, чем явление Марата и Робеспьера внутри революции. «Прогрессивное», творческое значение идей Ж. де Мэстра начинают признавать самые позитивные и объективные историки мысли XIX века. В глубине своего духа пережил он страшный опыт революции, и от этого произошло углубление всей католической мысли. Ж. де Мэстр был уже новым человеком, человеком пореволюционным, а не дореволюционным. Он осуждал французских эмигрантов и их внешние реставрационные замыслы. И всё французское католичество XIX века было новым, пореволюционным католичеством, очень углубленным по сравнению с католичеством XVII и XVIII веков. «Реакционер» Ж. де Мэстр шёл так далеко, что допускал возможность нового откровения, откровения Св. Духа. Также новым, пореволюционным явлением был и христианский романтизм Шатобриана. Обращение «реакционеров» начала XIX века к прошлому и искание в средневековье своих корней было творческим обращением и творческим исканием. Рационалистическое просвещение, подтачивавшее духовные основы жизни французского народа и заразившее и самое католичество, было побеждено в творческой духовной реакции начала XIX века. И после этой творческой победы возврат к рационалистическому просвещению нужно рассматривать как реакцию мысли в самом отрицательном смысле слова. Католики и романтики эпохи духовной реакции против французской революции и против отрицательного просветительства – наши духовные деды. С тех пор наша мысль ещё более изощрилась, усложнилась и обогатилась новыми испытаниями, но по духу они нам близки, и чужды нам те, которые ведут свою генеалогию от Вольтера или Дидро. Я бы с радостью повторил слова Монталамбера: «Мы внуки крестоносцев и не уступим семени Вольтера». Вы же, люди революции нынешнего дня, не имеете предков, вы люди без происхождения, ибо происхождение от Робеспьера или Маркса не является происхождением. Революционная идеология не может быть названа глубокой, она не знает древних истоков, она обречена быть поверхностной. Не глубоко в идеологии революции это рационалистическое отрицание зла, заложенного в природе человека и в природе мира, не глубок этот оптимистический взгляд на будущее. Революционный разрыв между будущим и прошлым может быть лишь отрыванием поверхности от глубины,

отхождением от духовного центра жизни. Революционизм есть всегда разрыв между сыновней и отчей ипостасью, отрицание отечества, т. е. утверждение смерти и тления вместо вечной жизни. В ваших внешних революциях нарушается вечное иерархическое начало, начало органической связи, т. е. отрицается божественный миропорядок.

Русская революция имеет типические родовые черты, характерные для всякой революции. В ней раскрывается та же стихия, которая раскрывалась во всех революциях, над ней царит рок, царивший над всеми революциями. Все большие революции имели своё неотвратимое течение, все были яростны, злобны и мстительны, во всех революциях побеждали самые крайние течения, во всех революциях отрицалась свобода и искажался образ человека. Наивны и слепы были те из вас, которые делали себе иллюзии о революции и представляли её себе идиллической. Революции не идиллии, никогда революции не были прекрасными и добрыми, никогда не торжествовали в них лучшие стороны человеческой природы. Все революции будили темную и злую стихию в человеке, древний хаос. Никогда не были революции разумны. Никогда не приносили они радости и не давали того освобождения, о котором мечтали предшествующие поколения. Никогда не былиабыет того, чего ждуг мечтатели. И в русской революции, как и во всяком историческом событии, есть неповторимо индивидуальные особенности. Это особенности народа, не похожего ни на один народ мира, и особенности исторической обстановки, не похожей ни на одну из обстановок бывших до сих пор революций. Русская революция есть событие производное от мировой войны. Она есть эпизод мировой войны. И революция эта имеет прежде всего один горестный и унижительный для русского народа смысл: русский народ не выдержал великого испытания войны. Все народы приняли участие в мировой борьбе с тем духовным и материальным багажом, который накопился у них за долгую историю. Русский народ оказался банкротом. У него оказалось слабо развитым чувство чести. Но не народная масса в том виновата, вина лежит глубже. И не об этой связи революции с войной хочу я сейчас говорить. Я хочу говорить об особенностях русского народа и о влиянии этих особенностей на русскую революцию. Русский народ непонятен западным людям. Непонятна им и русская революция. Вся ткань русской природы иная, чем ткань природы западной.

Русский народ не есть народ западноевропейский, он – в бóльшей степени народ восточноазиатский. Душа русского народа – сложная и запутанная душа, в ней столкнулись и смешались два потока мировой истории, восточной и западной. И эти две стихии в душе русского народа не были органически претворены в цельный характер, в единую волю и единый разум. Вы все, усвоившие себе верхушки западной мысли, но никогда не проникавшие в её тайники, вы, русские интеллигенты, в которых непросветленная восточная стихия соединяется с поверхностным западным сознанием, вы не способны к акту самосознания, вы бессильны постигнуть тайну России. И западники, и славянофилы не могли понять тайны русской души. Чтобы понять эту тайну, нужно быть в чем-то третьем, нужно вознестись над противоположностью двух начал – восточного и западного, и двух сознаний – славянофильского и западнического, нужно знать Восток не только по смутным переживаниям восточной стихии, и Запад – не только по поверхностному западническому сознанию. Острота познания рождается от выхода в третье из двух противоположностей. Россия есть великий и цельный Востоко-Запад по замыслу Божьему, и она есть неудавшийся и смешанный Востоко-Запад по фактическому своему состоянию, по эмпирическому своему состоянию. Вы, революционеры, – восточники по своей стихии и западники по своим учениям, вы загубили великий замысел Божий о России, вы помешали претворенью двух стихий и двух начал в высшую полноту, подлинную всечеловечность. Тайна души России и русского народа, разгадка всех наших болезней и страданий – в недолжном, в ложном соотношении мужественного и женственного начала. В тайниках России, в душе русского народа не совершилось внутреннего брака, брачного соединения мужественного и женственного начала, не был осуществлен андрогинный образ. Мужественный дух не соединился органически с женственной душой России, не овладел изнутри народной стихией. В России не произошло того, что произошло во Франции, в Англии, в Германии, у всех народов Запада. Там на известной ступени развития в национально своеобразной форме пробуждался мужественный дух и изнутри, органически оформлял народную стихию. Русская земля всё оставалась женственной, всё невестилась, всё ждала жениха со стороны. Она отдавалась многим мужьям, со стороны приходившим, но никогда не происходило от этого истинного брака. Русский народ никогда не мог из собственных недр родить мужественной власти, он искал её на стороне, призывал варягов или немецких чиновников. Русская церковь и русское государство

организовались и держались византийскими началами. Сама же русская стихия – хлыстовская, языческо-дионисическая и противокультурная. Разложение византийских начал подвергло опасности разложения и всю Россию. В строении великого русского государства, ныне сокрушенного и разделенного, был какой-то надрыв, какое-то нездоровое, ненормальное отношение народа к власти. Народ нуждался во власти над собой и чувствовал инородность этой власти. Народ был безвластен, анархичен, и народ поддерживал, санкционировал власть самодержавную, неограниченную. Неразвитость в России общественных классов и сословий и совершенно исключительное развитие начала бюрократического и было недостатком мужественности в народе, мужественной активности и самодеятельности. Русское самодержавие, как оригинальное явление русской жизни, объясняется исключительной женственностью русской души. Явлением мужественным в русском государстве был Петр. Но Петр был не столько мужем, сколько насильником. Он изнасиловал женственную душу русского народа. Законного брака русской мужественности и русской женственности не совершилось и через него. Часть народа приняла Петра за антихриста. А потом покорно подчинился народ вошедшему через Петра немецкому бюрократическому началу. Петр вздернул Россию на дыбы, он призвал Россию к великому будущему. Но в женственной русской душе осталось глухое недовольство против мужественного призвания Петра, и оно перешло в озлобление. Русская интеллигенция целые столетия готовила уничтожение и истребление дела Петра. Раскол в душе России остался непреодоленным и привел к страшной катастрофе, к падению России как великого государства. В русской истории не было рыцарства, и потому не прошла Россия через закал и дисциплину личности, через культуру личной чести.

В русской духовной жизни, в русской духовной культуре всегда было то же надрывное и болезненное соотношение между мужественным и женственным началом, что и в жизни русского государства. Духовно народ русский слишком подчинился чуждой ему Византии, и это подчинение многое исковеркало в душе его. Византизм тяжелым гнетом лег на русскую жизнь. И под этим гнетом подымалась, бушевала и трепетала русская хлыстовская стихия. В самом русском православии было какое-то неорганическое смешение византизма и хлыстовства. Русское православие – оригинальное явление русского духа, оно очень отличается от греческого. Я говорю не о Вселенской Церкви, заключающей в себе единую истину, я говорю о своеобразной религиозности русского народа. Русский народ получил иное религиозное воспитание, чем народы Запада. Русский народ религиозно воспитан в культе святых и святости. Православная церковь дала русскому народу возможность вынести его тяжелую историческую долю. Но православное религиозное воспитание не давало того закала личности, той самодисциплины души и культуры души, которые давало на Западе католическое религиозное воспитание, а по-своему и протестантское. Католичество бронировало душу, давало душе твердые очертания и ясные, кристалльные критерии добра и зла. Кристаллизованность католичества укрепляла душу, но она же и закрывала безбрежные и бесконечные перспективы, делала её недостаточно чуткой к мистическим веяниям. Русская душа оставалась в безбрежности, она не чувствовала грани и расплывалась. Темные стихии обступают русскую душу и овладевают ею, не встречая сопротивления. Поэтому русская душа восприимчива к духам, к которым мало восприимчива душа западная. Это можно назвать апокалиптичностью русской души. Но для исторической жизни, для создания культуры православие не воспитало русского человека. Западное религиозное воспитание и после отпадения от веры оставляло крепкий осадок в форме норм культуры, добродетелей цивилизации. Душа русского человека после отпадения от веры попадает во власть нигилизма. Француз бывает догматиком или скептиком; немец – мистиком или критицистом; русский – апокалиптиком или нигилистом. Самый трудный удел – удел русской души. Можно строить культуру догматически или скептически, мистически или критически. Но невозможно строить культуру ни апокалиптически, ни нигилистически. Апокалипсис и нигилизм – конец всего. Ни апокалипсис, ни нигилизм не признают срединного царства культуры. Потому так трудно русскому человеку участие в историческом процессе, в творчестве культуры. Он хочет, чтобы поскорее всё кончилось или всем или ничем. Русская народная стихия одинаково находит себе выражение и в черносотенстве, и в большевизме. Крайние правые и крайние левые у нас сходятся, как одна и та же темная стихия, та же смесь неосознанного и извращенного апокалипсиса с нигилизмом.

Россия была темным мужицким царством, возглавленным царем. И это необъятное царство прикрывалось очень тонким культурным слоем. Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя. Царь был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа. Без царя немислим народ никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого

подчинения общему и целому. Без царя для огромной массы русского народа распалась Россия и превратилась в груды мусора. Царь предотвращал атомизацию России, он сдерживал анархию. Царь же охранял культурный слой от напора народной тьмы, не нуждавшейся в высшей культуре. Или царь, или полная анархия – между этими полюсами колеблется мысль народная. С царем была связана и церковная дисциплина. Когда была вынута идея царя из души народа, душа рассыпалась, исчезла всякая дисциплина, всякая скрепа, всё показалось дозволенным. То, что создано долгой историей народа и связано с глубиной его духовной жизни, не может быть так скоро изменено. К этому все относились слишком легкомысленно, не только вы, русские революционеры, социалисты, анархисты, нигилисты, но и многие из нас. Женственная и пассивная душа русского народа подверглась разложению, когда выпала из нее дисциплинирующая мужественная идея царя. Православие много веков воспитывало русский народ в религиозной покорности царю. Самодеятельности же и самодисциплины народа православие не воспитало. Вот в чем одна из причин нашей трагедии. Это нужно признать независимо от того, какой политический идеал мы исповедуем.

Вы, русские мальчишки-интеллигенты, о которых так хорошо писал Достоевский, вы, женственные по своей природе, всегда искали духовного брака на стороне. Вы никогда не могли раскрыть мужественного духа изнутри, из собственной глубины, вы брали его на Западе, в западных мужественных учениях. В глубине вашей всегда шевелился русский, восточный хаос. Но с тем большим неистовством усваивали вы себе последние западные учения и отдавались им в каком-то исступлении. Мужественного закала духа вы никогда от этого не приобретали. Всего более искали вы мужественного оплодотворения в духе германском. Дух Маркса совершил над вашими душами самое страшное насилие. Мужественный германский дух давно уже ставил себе задачу цивилизовать женственную русскую землю, он навязывался ей в мужья. Сложными и многообразными путями действовал германский дух: и через Маркса, и через Канта, и через Штейнера, и через многих других учителей, соблазнявших нас и ослаблявших русскую волю. Исключительная власть германизма в России, в нашей государственной и духовной жизни, объясняется тем, что в душе русского народа не совершилось внутреннего брака, что мужественное и женственное начало остались разделенными. На этой почве выработалась метафизическая истерия в русском характере, склонность к одержимости. В этом нужно искать разгадку многих наших несчастий. Когда русские люди делались культурными западными людьми, когда они проникались дисциплинирующим духом, они не из себя рождали культуру, не из органических своих основ, не собственным духом овладевали своей душевной и телесной стихией, а извне брали культуру, извне прививали себе оформляющий дух. Это путь, противоположный тому, по которому фихте вел германский народ к национальному самосознанию. Зрелое национальное самосознание народа и есть таинственное соединение в нём мужественного и женственного начала, мужественного духа и женственной душевной стихии. В каждом народе это происходит совершенно оригинально и своеобразно. В России этого до сих пор не произошло. И вы, русские интеллигенты самых разнообразных направлений, не помогали, а мешали этому зрелому, мужественному национальному самосознанию, не исполняли своего национального долга. Зрелое национальное самосознание будет у нас преодолением славянофильства и западничества, которые были связаны с нашим несовершеннолетием. Русский может походить на немца в двух противоположных смыслах: он может относиться к России, как немец относится к России, и может относиться к России, как немец относится к Германии. Мы должны походить на немцев во втором смысле.

Препятствием на пути нашего зрелого национального самосознания всегда стояло русское народничество, которое в разных формах владело умами и сердцами русских людей. Было у нас народничество консервативное и народничество революционное, народничество религиозное и народничество материалистическое. Но всегда оно было капитуляцией нашего культурного слоя, призванного нести свет во тьму, перед необъятной тьмой мужицкого царства, всегда оно было выражением русской отсталости, русской экстенсивности, всегда означало недостаток духовного мужества. Народническое сознание вело к идолопоклонству перед народом, как эмпирическим фактом, как количественной массой, всегда подчиняло оно духовную жизнь материальной социальной среде, всегда подавляло творческое личное начало, погружало личность в коллектив. Это нужно сказать и про славянофильство, которое представляет своеобразный тип религиозного народничества. Но славянофильство стоит бесконечно выше того революционного и материалистического народничества, которое владело русской интеллигенцией почти целое столетие и привело к катастрофе русской революции. В славянофильстве была односторонность, были иллюзии, но была и своя правда. Левое же народничество было сплошной изменой

религиозным, национальным и культурным ценностям. Бог был подменен народом, ценности интересами, духовные реальности преходящими благами социальных классов. Вот это безбожное идолопоклонническое народничество, изменившее всем непреходящим святыням и ценностям, и подорвало Россию. Оно на протяжении столетия подтачивало духовные основы России, растлевало русскую церковь, русское государство, русскую культуру, мешало и материальному развитию России. Это вы, народники разных оттенков, гасители духа во имя призрачного блага народа, убивали Россию и губили её. Для вас не существует России как высшей реальности, как цельного замысла Божьего, для вас существует лишь народ, не народ – нация, не живое существо, не цельный организм, существующий тысячелетие, объединяющий все поколения, а народ – крестьяне и рабочие с их преходящими материальными интересами. Во имя блага народа вы убивали Россию, убивали великую нацию с великой судьбой. Во имя малого и маленьких вы восстали против великого и великих. Вы – истребители всякого величия. Вы не могли вынести величия России. Под разными обликами вы возрождались всё вновь и вновь. Вы, русские народники, плоть от плоти и кровь от крови русской тьмы и русской культурной отсталости, надевали на себя разные западные одеяния, и самые страшные, самые разрушительные деяния свои вы совершали в немецких одеждах социал-демократии. Но и в качестве социал-демократов вы остались народниками, вы были выразителями экстенсивного духа раздела, а не интенсивного духа творчества. Ведь это – исконная идея русской интеллигенции, что социальный вопрос нужно решать разделом, а не увеличением производительности, не творческим трудом. Вы, русские социал-демократы, забывшие некоторые стороны учения своего кумира Маркса, внесшие в свой социал-демократизм русскую пугачевщину и русский анархизм, произвели всероссийский погром и раздел и ввергли Россию в нищету, обрекли её на долгое бедственное существование. Так осуществили вы давние мечты народников о разделе, о всеобщем уравнивании, так низвергли вы русскую культуру в темную бездну. Русское государство и русская культура были отданы на растерзание темным массам, в которых разожгли вы самые хищные инстинкты. Так потонуло русское государство и русская культура в необъятной тьме народной, на славу и возвеличение наших врагов. Вот что совершили вы, вначале выступившие с невинными лозунгами народолюбцев, а потом превратившиеся в разъяренных зверей. Злодеяний ваших не простят вам грядущие поколения русского народа.

Вы, русские народники всех оттенков, всегда были врагами культуры, это вы всегда противопоставляли благо народа культуре. Для вас ничто никогда не обладало самоценностью, всё превращалось в утилитарное орудие. Ни религия, ни церковь, ни государство, ни национальность, ни философия, ни наука и искусство, ни нравственность и право – ничто не обладало для вас самоценностью, ничто не было подлинно, духовно реальным. Всё подчинялось благу народа, интересам людей, удовлетворению людей. И всё низвергли вы в темную бездну массовых интересов и инстинктов. Вы всегда признавали культуру буржуазной, ибо создана она господствующими классами. Но сами вы – самые низменные, самые тупые, самые убогие мещане, буржуа духа. Вы хотите мир превратить в промышленную ассоциацию, вы хотите всё общество человеческое сделать обществом потребительским. Ваш жизненный идеал – животный идеал. Но к горю нашему нужно признать, что не только народники-революционеры и материалисты, но и народники славянофильского типа, стоявшие на почве религиозной, обнаруживали враждебное отношение к культуре и её ценностям, искали правды не в культурном слое, не в творческих личностях, а в простом народе, в коллективе. Исконный русский коллективизм всегда был враждебен культуре, враждебен личному началу, всегда тянул нас вниз, всегда мешал нам выйти к свету, в мировую ширь. Этот коллективизм парализовал у нас чувство личной ответственности и делал невозможной личную инициативу. Коллективизм этот был не новый, а старой нашей жизни, остатком первобытного натурализма. Но многие у нас смешивали его с духовной соборностью, с высоким типом братства людей. На этой почве идеализировали русскую общину и т. п. явления русской жизни. С русским коллективизмом связано и отрицательное отношение к праву, смешение права с моралью. Но отрицание права, которое у русских шло справа и слева, есть отрицание личности, порабощение её коллективу. Право охраняет личность от посягательства на нее злой воли. Право делает свободу человеческой личности независимой от добродетелей и пороков других людей, от их нравственного уровня, от их произвола. Право делает возможной свободу личности даже при существовании зла, при дурной воле людей. Русские смешивают право с моралью и ставят судьбу личности в зависимость от нравственного сознания людей, от их добродетелей. Но есть свобода, которая должна быть мне гарантирована и при порочности людей, и при склонности их к насилию. Этого никогда не понимало народническое сознание, и правое, и левое. Такое отрицание права есть знак ослабления личного самосознания, есть недостаток личного достоинства, есть погруженность в безликий

Русская революция есть тяжелая расплата за грехи и болезни прошлого, за накопившуюся ложь, за неисполнение своего долга русской властью и господствующими классами, за столетний путь русской интеллигенции, вдохновлявшейся отрицательными идеалами и обманчивыми лживыми призраками. Русская революция есть гибель многих, слишком многих русских иллюзий, иллюзий народнических, социалистических, анархических, толстовских, славянофильских, теократических, империалистических и др. Традиционное мирозерцание русской интеллигенции потерпело страшный крах. Дорогой ценой покупается ныне обучение русской интеллигенции, дорогой ценой стяжается для нее познание. Россия должна была быть доведена до края гибели, чтобы обучились элементарным истинам. Близоруко и несправедливо во всем винить большевиков. Вы, более умеренные русские социалисты и русские радикалы всех оттенков, русские просветители, все вы, происходящие от Белинского, от русских критиков, от русских народников, все вы должны и на себя возложить вину. Большевики лишь сделали последний вывод из вашего долгого пути, показали наглядно, к чему ведут все ваши идеи. Многие из вас испугались, когда давно желанная вами социалистическая революция, основанная на вами же заложенном материалистическом базисе, начала истреблять вас и выбросила вас за борт жизни. Вы даже заговорили о пользе религии, которую вы всегда отрицали, и начали обращаться к церкви, которую всегда ненавидели и травили. Но слишком поздно обратились вы к помощи религии, и слишком утилитарно ваше отношение к религии. Благодать Божья не нисходит на тех, которые прибегают к ней по соображениям утилитарным, из потребности к самоохранению. Нужно было раньше думать о Боге и о духовных основах жизни. Ещё совсем недавно вы думали, что народ может существовать без духовных основ, без веры в высший божественный смысл жизни, без святынь, что для жизни народа достаточно материальных основ и рационалистического просвещения. Теперь вы увидели, что происходит с народом, когда падают святыни в его душе, когда отпадает он от веры во всё, что стоит выше его интересов. Но вы слишком долго хотели, чтобы в народе пала всякая святыня и всякая вера, и всё для этого делали. Поймите же страшную вину свою, отнеситесь поглубже к переживаемой трагедии. Перестаньте думать, что всё было бы прекрасно, если бы применена была более разумная и умеренная тактика. В такие минуты нельзя уже оставаться на поверхности. Необходимо сознание, что произошел страшный крах, не внешний только, но и внутренний крах, что изобличена ложь того духа, которому вы служили почти столетие. Позорно пала ваша земная вера, низвергнуты ваши земные идола. Произошло страшное падение истонченного русского атеизма и материализма, русского социализма и анархизма, всего, чем вы дышали, питались и жили. Час слишком легкого торжества ваших истонченных идей и был часом их страшного падения, часом жестокого изобличения их лжи и призрачности. Никогда, никогда уже вы не возродитесь духовно, никогда идеи ваши не будут иметь обаяния. Новые поколения русских людей вырастут и воспитаются в ненависти и отвращении к вашим идеям и будут проклинать те злодеяния, к которым эти идеи привели. И, вероятно, слишком далеко они зайдут в этом. Слишком многое было ложно в вашем сознании и в вашей настроенности. Ложно было ваше отношение к государству, ваше отношение к национальности, ваше отношение к жизни хозяйственной и к развитию промышленности. Ложна была ваша интеллигентская мораль, ваш морализм, соединенный с нигилизмом, ваш утилитаризм. Ложно было ваше отношение к красоте и ваше гонение на красоту. Ложна была ваша нелюбовь к познанию и ваше равнодушие к истине, которую вы всегда подвергали утилитарным расценкам. И самой первой, самой страшной ложью вашей было ваше безверие и безбожие, ваша измена духовным основам жизни, ваша оторванность от религиозных истоков жизни. Ваша иступленная жажда равенства была истреблением бытия и всех его богатств и ценностей, была жадной ограблением божественного мира и уничтожения всякого величия в мире. Дух небытия двигает вами, это он внушил вам ваши эгалитарные идеи и страсти. Закон энтропии, который ведет к смерти вселенной путем равномерного распространения тепла, действует через вас в жизни социальной. Но вы всегда не любили свободу и вам всегда было чуждо братство. В духе революционном никогда не бывает ни свободы, ни братства. В вашем царстве, в пределах вашего сознания и вашего духовного кругозора не может быть уже никакого движения. Царство большевизма было пределом движения на ваших путях, в вашем духе. Это – конец, предел, темная бездна небытия. Вы никогда не любили творчества, оно всегда казалось вам недозволенной роскошью. Творчество – аристократично. Вы давно догадались об этом. И когда начнется эра творчества, когда настанет час подлинного возрождения, вы будете устранены, как ненужности, как духовные трупы. Вы давно уже подтачивали иерархическое начало жизни. И в русской революции произошло ещё небывалое в истории разрушение иерархического

стройка, ниспровержение всякой иерархии качеств. Но разрушение всякого иерархизма есть также разрушение личности, ибо личность связана с иерархизмом. Лишь в иерархии возможны разнокачественные индивидуальности. Вы же привели всё к равенству небытия.

Духовные последствия русской революции будут огромны. Эти последствия будут не только отрицательные, но и положительные. Мы переходим в другое измерение бытия. Все традиционные оценки подвержены сомнению. Приходится переоценить все социальные ценности. Бисмарк выразил когда-то желание, чтобы нашлась такая страна, которая сделала бы опыт применения социализма, в надежде, что после этого не явится уже желания вторично производить такой опыт. Такая страна нашлась, и она произвела этот опыт в колоссальных размерах. Правда, опыт осуществления социализма в России очень напоминает грабеж и разбой. Но социальная революция и не может не напоминать грабежа и разбоя. Это окончательно вскрыла русская революция. Но это видно уже было в античном мире. Либеральная и радикальная русская интеллигенция всегда склонна была думать, что социализм очень возвышенная вещь, хотя может быть и неосуществимая в данное время. Вы, русские радикалы, всегда в глубине души думали, что нет ничего выше, как революционный социализм, что революционер-социалист представляет самый высший человеческий тип, но что вы сами по слабости своей и связанности своей житейской средой не можете стоять на этой высоте и идете на компромисс. Русский радикализм никогда не имел своей собственной идеи, он всегда жил чужими идеями, разбавленными водой. Вы, русские радикалы, многоликие и разнообразные, – самый ненужный род людей, у вас нет ничего своего. Вам наступил конец. Ныне нужно уже иметь свою идею. Отныне нельзя уже будет восторгаться социализмом со стороны, как прекрасной далью. Отныне социализм стал проблематическим, стал сложной проблемой для сознания, и всё нужно переоценить в социализме. Не время теперь и для бесхарактерного, лишённого глубокой духовной основы либерализма. Ваше время прошло, всех вас, – и социалистов, и радикалов, и либералов, и консерваторов старого типа, колеблющихся и сидящих между двух стульев. Ныне наступает страшное, ответственное время. И лишь более огненные, более глубокие идеи могут победить тьму, которой мы объаты. Новые души должны придти, новый дух должен снизойти на несчастную, исстрадавшуюся, погибающую родину нашу. Мало, слишком мало надежды, что вы, люди старого духа, инертной мысли, радикально переродитесь, сознаете вину свою, выйдете из заколдованного круга, откроете глаза свои для восприятия нового света и уши свои для звуков иного мира, непохожего на ваш затхлый, подпольный мир, мир уродливой кружковщины. Многие из вас безнадежны, вы – обреченные, вы так и умрете слепыми и глухими. Новые люди должны придти в Россию, чтобы творить новую жизнь. Вся ткань вашего существа негодна для творчества жизни. Вы – конец старого, вы – не начало нового. И также никогда не могут быть названы новыми людьми разные реставраторы и внешние контрреволюционеры.

Огромный жизненный материал дает революция для социально-философской мысли, внутренние толчки и импульсы сообщает она. Вы были всегда ленивы, неподвижны в своем мышлении. Вы любили повторять заученные мысли и излагали их своим отвратительным жаргоном в своих легковесных брошюрах. Вы носили в карманах своих маленькие катехизисы и при всех случаях вычитывали из них трафаретные мысли. Отныне нельзя уже будет этого делать. Отныне нужно сжечь все ваши катехизисы и все ваши брошюры и предать проклятию все шаблоны вашей серой, безликой мысли. Почему мысль ваша никогда не была индивидуальной? Почему у писателей ваших никогда не было своего лица? Это – не случайно. В этом – осуждение ваше. Настало время крушения всех ваших утопий земного рая, серых, безличных, пустынных утопий, утопий предельного равенства и предельного счастья в небытии. Настало время здорового социального пессимизма, более благородного, более сложного и утонченного, чем оптимизм тупых социальных фанатиков. Ныне необходимо более суровое отношение к социальной жизни, более ответственное отношение. Социальная мечтательность есть разврат. Плоды этой развратной мечтательности уже известны. Они всегда были одинаковы. Стремление к отвлеченному социальному совершенству есть нечестивое, безбожное стремление. Опыты осуществления земного рая всегда вели к аду на земле, к злобе, к ненависти, взаимному истреблению, к крови, к насилию, к оргии. Так было в эпоху реформации, когда анабаптисты создавали Новый Иерусалим. Человек не имеет права быть наивным и мечтательным в жизни социальной, не смеет распускать своей сентиментальности. Он должен быть ответственным мужем, должен видеть зло и грех, должен научиться различать духов. Слишком дорого стоила ваша мечтательность, ваша сентиментальность, ваша наивность, ваше неведение зла. Будьте суровы, будьте ответственны, познайте зло

Бердяев Н. философия неравенства filosoff.org

в огненном испытании. Будьте мужами. Русский народ должен исполнить закон, закон культуры, закон государственности, закон относительного существования на земле. Таков удел грешного человечества. Путь к высшей творческой жизни лежит через закон и искупление. Русский народ – великий, но грешный народ, полный слабости и соблазнов. И ожидание социального чуда есть одна из слабостей русского народа, один из самых больших его соблазнов. Этот соблазн был отвергнут Христом в пустыне. Русскому народу предстоит пройти через суровую дисциплину труда. Революция научает нас, что есть трагическое несоответствие и разлад между духовными вершинами русской жизни и низинной тьмой её. На вершинах давно уже происходит кризис культуры, в то время как в низинах нет ещё никакой культуры. Вы революционеры – вы люди середины. Вы не знаете ещё кризиса культуры, ибо не знаете ещё культуры. Вы – люди полупросвещения. И не вам говорить о том, что народ русский выше культуры. Вы сами ниже её. Необходимо народу русскому пройти ступени, поднимающие тьму к свету. Сложна проблема русского мессианизма, и в понимании её можно сбиться на пути самой страшной лжи. Слишком часто русские люди сбивались на этот путь лжи. И самой большой ложью является революционный мессианизм. Большевизм показал, что такое революционный мессианизм, и в этом заслуга его. И ещё имеет он заслугу изобличения лжи гуманизма, в которой целиком пребывают социалисты-революционеры. В большевизме гуманизм переходит в свою противоположность, в истребление человека. Всегда остается противоположность между большинством и меньшинством, между духовными вершинами и материальными низинами жизни. И вечной остается правда аристократии духа, древняя правда человечества, которой не могут низвергнуть никакие революции. Человеческий дух должен мужественно противиться напору эмпирии. Он не может получить от эмпирии с её стихийным хаосом и тьмой свои высшие ценности, он находит эти ценности в своей глубине. Революция ещё раз этому научает. Революция есть царство эмпирии, опрокидывающей свободу человеческого духа. Но после революций происходит переработка темных масс. В этом положительное значение революции. В письмах моих о социальной философии хочу я противопоставить свободу человеческого духа хаотической эмпирии и хаотической тьме. Моя социальная философия имеет религиозный исток, лежащий в глубинном пласте жизни. Вечная истина христианства ещё раз раскрывается в испытаниях революции, но раскрытие её в социальной философии есть вечная творческая задача. Писать я хочу не об отвлеченной, а о конкретной социальной философии.

Письмо второе

О религиозно-онтологических основах общественности

Господствующее сознание XIX века, которое мнило себя «передовым» и «прогрессивным», заменило теологию социологией. Социология стала евангелием «передовых» людей века. Бога начали искать в социальности, в общечеловечности. Ваше социологическое мироощущение и мирознание затмило для вас тайны Божьего мира, оторвало вас от жизни космической. Вы, «передовые» люди века, выпали из божественного миропорядка и утвердились на ограниченной поверхности земли. Всё сделалось у вас социальным, производным от социальных категорий, всё подчинилось социальности. Поэтому всё у вас стало поверхностным, всё лишилось глубоких основ, лишилась глубоких основ и сама социальность. Социальность ваша, общественность ваша есть абстракция из абстракций. Социологическое мирозерцание О. Конта и К. Маркса – абстрактное мирозерцание. Социологизм ваш оторвал вас не только от жизни космической, но и от жизни исторической. Отвлеченный социологизм одинаково противоположен и конкретному космизму, и конкретному историзму. Поистине, это отвлеченное социологическое мироощущение порождено глубоким уединением человека, превращением его в атом. Уединенные атомы хотят механически соединиться, чтобы не чувствовать так своей беспомощности и уединенности. Все вы, крайние общественники, проповедующие религию социальности, все вы распавшиеся атомы. Мироощущение одного из первых ваших апостолов и пророков – К. Маркса – атомистическое мироощущение, отвергающее все органические реальности, всё разлагающее на интересы. Социализм ваш есть самый крайний номинализм, есть самое крайнее отрицание реальных, онтологических общностей – церковных, национальных, культурных и др., реальностей космических и божественных. Скажите, положив руку на сердце, забыв на мгновение о социальной борьбе и социальных изобличениях, скажите перед собой, перед своей глубиной, перед высшей правдой, что для вас подлинно есть? Всё давно уже превратилось у вас в призрак и мираж, в быстротечную и обманчивую игру человеческих страстей и интересов. Обманчивый социальный покров бытия подменил у

Бердяев Н. философия неравенства filosoff.org

вас само бытие. И нет у вас, давно уже нет онтологических, бытийственных основ жизни. Ваша социальность не довела вас до добра, она опустошила ваши души. Люди прежних, более органических и реальных эпох знали более глубокие формы общения и общности. Вы – общественники по горькой нужде, из душевной пустоты. Шумлива и криклива ваша общественность, но нет в ней глубокого реализма, нет в ней связи с тайнами жизни, с тайнами человека, мира и Бога. Давно, давно уже пора вам ослабить ваше движение по поверхности и начать движение вглубь, давно пора одуматься, заглянуть в глубину души, в которой поистине должна открыться вся бесконечность мира и бесконечность Бога. Необходимо вам преодолеть замкнутость вашего социального самочувствия, необходимо ощутить общественность неотрывной частью и ступенью божественного миропорядка. Тысячи нитей связывают общественность человеческую, затерянную на небольшой точке необъятного мирового целого, с жизнью великого космоса, Божьего мира. Вечно совершается таинственный эндосмос и экзосмос между жизнью общественной и жизнью космической. Вы же захотели устроиться общественно на земле, забыв о космосе, отвернувшись от божественного миропорядка. Вы строили утопию за утопией окончательного общественного устройства и общественного благополучия, не желая знать приливов космических энергий, опрокидывающих все ваши построения, все ваши утопии, все ваши общественные земные раи. Вы захотели спрятаться в своей земной и рационалистической общественности от мира и от Бога, от таинственных сил, темных и светлых, от страшной бесконечности и от притягивающей вечности. В общественности захотели вы укрыться от ужаса смерти и тления и создавали кратковременные призраки жизни. Вы обманываете себя тем, что вы находитесь в подлинной жизни. Но вы двигаетесь в царстве смерти. Каждый миг грядущего пожирает у вас прошедшее и будет пожран мигом последующим. И ни в одной точке вашего внешнего и шумного движения не утверждается подлинная жизнь. Ибо всякая подлинная жизнь есть приобщение к вечности, победа над смертью и тлением. Древние египтяне, воздвигавшие свои пирамиды во имя вечности, лучше вас, «передовых» людей нашего века, знали тайну жизни. Эти древние строители пирамид лучше всего опровергают выдуманные вами «экономические материализмы», все ваши удушливые и поработаживающие социологические абстракции. Поистине, менее утопично было строить эти безумные пирамиды для жизни вечной, чем строить все ваши совершенные общества для жизни временной и тленной. Ваша социальная мечтательность и ваш социальный утопизм – порождение оторванности вашего социологического сознания от сознания космического. Социальный утопизм ваш есть крайний рационализм, он кончается рассудочным помешательством, самой скверной и уродливой формой из всех помешательств. Безумна ваша мечта создать совершенную и блаженную общественность в несовершенном и страдальческом мировом целом. Безумно и нечестиво ваше желание создать совершенную и блаженную общественность в мире, лежащем во зле, в мире, в котором хаос не претворен ещё в космическое состояние. Поистине совершенным и блаженным может быть лишь весь космос, лишь при космическом состоянии мирового целого возможно и совершенное общество. А это и значит, что совершенство и блаженство возможны лишь в Царстве Божьем. Общественность человеческая несет на себе все грехи и несовершенство мирового целого, на ней лежит печать мирового рабства и мировой необходимости. Нужно искупить и освободить весь мир, всю тварь, чтобы искуплена и освобождена была человеческая общественность. Вы же, безумные в своей рассудочности, в своей рациональной ограниченности, вы замыкаетесь в своем субъективном произволе, в своем общественном психологизме, так глубоко противоположном общественному онтологизму, и строите свои жалкие утопии, свои призрачные раи, пока железная поступь мировой необходимости не опрокидывает вас и не принуждает вас глубже задуматься над тайнами жизни. Если вы свободно не обратитесь к шире космической жизни, то будете принудительно обращены к ней суровой необходимостью. Ибо поистине, необходимость – великое благо для несвободных духом.

Ваше социологическое мироощущение всегда было оторвано от подлинной исторической действительности. И потому оно было рационалистично и утопично. Вы изолировали вашу общественность не только от мирового космоса, но и от космоса исторического. Вы отвлеченно, в теориях ваших подчинили человека природной и социальной среде, вы отвергли его духовную свободу и превратили его в пассивный рефлекс природного и социального круговорота. Но вы же признали, что человек от себя может произвольно и в разрыве с прошлым начать историю, согласно рассудочным своим построениям. Вы любили говорить о «скачке из царства необходимости в царство свободы», который совершит этот раб социальной среды, рефлекс природной необходимости. И потому именно, что вы не признали человека свободным духом, потому и оторвали вы его от конкретной, исторической действительности, за которой стоит живой дух народов. Всё сделалось у вас

отвлеченным – отвлеченна, рассудочна ваша необходимость, и отвлеченна, рассудочна ваша свобода, живой человек и живая история исчезли в отвлеченностях. Поистине, историческая действительность – живая, конкретная реальность, реальность своеобразная, отличная от других ступеней бытия, живущая по своему закону, знающая своё добро и зло, несоизмеримая с рассудочными критериями добра и зла. Вы отрицали эту историческую действительность, не видели в ней внутренней органической жизни и подменили её социологическими абстракциями. Применение абстрактных социологических категорий к конкретной исторической действительности умерщвляло её, вынимало из нее душу и делало невозможным живое, интуитивное созерцание исторического космоса. Вашими социологическими отвлеченностями вы разлагали историческую действительность, как иерархическую ступень космического целого, и сводили её на простейшие элементы, открываемые другими науками, предшествующими вашей социологии. Вы – упростили и смесители. Поэтому реальность ускользает от вас, не дается вам, поэтому в ваших руках остаются лишь отвлеченные ключья реальности, лишь осколки бытия. Вы давно уже совершаете погром бытия, как конкретной целостности, как иерархического лада. Этот рассудочный и иступленный погром совершаете вы и в вашей науке, и в вашей политике. Вы любите морализировать над исторической действительностью и историческим прошлым. Вы любите переносить свои ограниченные индивидуальные моральные оценки на сверхличную историческую жизнь. И вы злобно относитесь к прошлой истории своего народа и всего человечества, вы не видите в прошлом ничего, кроме зла и насилия. Вы не способны понять, что в самих насилиях, совершавшихся в истории, была своя правда, было преломление Божьего Промысла во тьме. Толстой был человеком вашего духа, когда он отвергал всю историю, как сплошное зло, когда он совершал неслыханный погром истории во имя своего индивидуалистического морализма. Но он был радикальнее и последовательнее вас. Свой последовательный индивидуалистический морализм он применил и ко всей общественности. Вы же отвергаете и поносите историю и во имя индивидуалистического морализма, и во имя общественности, которая строится вами на новых, неслыханных насилиях, на новом, небывалом порабощении человека. Вы должны признать самобытную природу исторической действительности, увидеть в ней свой закон добра, рационально несоизмеримый с законом добра действительности индивидуальной. В исторической действительности нельзя видеть лишь свершение судеб индивидуального человека – атома и масс, механически соединяющих эти индивидуальные атомы, произвольных человеческих коллективов; в ней нужно видеть свершение судеб наций, человечества, мира, как реальностей, как конкретных общностей. Общества – реальные организмы. Для вас же существуют только атомы и массы. Вы хотели бы провести всю историю через всеобщее избирательное право, и вы заранее знаете, что голосующие массы не признают истории своей. По большинству голосов история не только не могла бы совершаться, но она никогда бы и не началась. Мир остался бы в первоначальной тьме и нераскрытости, в равенстве небытия. Атомы и массы не пошли бы на те жертвы, которыми покушается история. Нельзя применить к истории всеобщего избирательного права и большинства голосов, нельзя морализировать над историей и требовать от нее уравнения атомов.

Вы, рационалисты-утописты, одержимые рассудочным безумием, не научились уроками истории, не постигли смысла ниспосланных вам испытаний. У вас была возможность многое узнать и понять после опыта французской революции. Духовная реакция против революции очень обострила познание творческих и передовых людей духа. Вы признали этих людей «реакционерами». Но они во многих отношениях оплодотворили ту науку XIX века, которую и вы принуждены признать своей. Духовная реакция против революции была также реакцией против всего рационализма XVIII века. В этой творческой реакции обретено было чувство истории и раскрылись иррациональные основы общественности. После опыта революции, одержимой рационалистическим безумием, ясно стало, что общество никогда не было и не может быть основано на чисто рациональных началах, вполне понятных малому человеческому разуму и по произволу этого разума устанавливаемых. Основы человеческого общества заложены в божественном миропорядке. Есть таинственная основа человеческого общества, столь же таинственная, как и основа всей органической природы, от которой нельзя оторвать человеческого общественного мира. Более углубленному, пореволюционному сознанию открывалось таинственное свершение истории, связь времен, и оно ограничило человеческий произвол в построении общества, произвол человеческого рассудка. Ж. де Мэстр стоял на почве религиозной и религиозно боролся с духом революции, с духом рационалистического просвещения XVIII века. Но в этой духовной борьбе сознанию его открылась закономерность общественной жизни, объективная основа общественности. Была опознана органическая, а не произвольно-искусственная природа человеческого

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

общества и государства. Так «реакционное» мышление Ж. де Мэстра и близких ему по духу в дальнейших своих последствиях породило социологический натурализм. Даже дарвинизм в социологии может быть связан с этой реакцией против рационализма XVIII века. А О. Конт прямо признавал своё родство с Ж. де Мэстром. Эспинас верно указывает, что именно к де Мэстру и теологической школе начала XIX века восходит открытие той истины, что общество есть создание природы, а не человеческого произвола, и представителей этой школы готов он признать основателями научной социологии. Тогда, хотя в частичной и ограниченной форме, но всё же была обнаружена связь человеческой общественности с совокупностью природы. Для религиозного сознания эта объективная основа общественности, эта природная в ней закономерность есть выражение греховности человеческого мира. Мир, лежащий во зле, должен быть подчинен закономерности. Иначе злой хаос опрокинет всякий миропорядок, уничтожит всякий космический лад. В этом откровении закона для природного и общественного порядка есть своя моральная правда, изобличающая первородный грех. Нельзя изнасиловать природу. Нужно искупить её грехи. Так объективная закономерность общественной жизни открывается в двух аспектах – в аспекте религиозном и аспекте натуралистическом.

Вы не только признали науку, вы обоготворили её, вы превратили её в рационалистическую утопию. Но вы никогда не были смиренными перед объективным знанием, никогда не ограничивали страстей и вожелений своих непреложными велениями знания. Вы были крайними позитивистами и материалистами, но пафос знания вам чужд. Никогда не было у вас жажды знания. Знание ваше было субъективным, а не объективным. Оно было орудием разрушения. Не знание, не наука вдохновляли вас, а отрицательное «просвещение», которое есть полупросвещение и нигилизм. Из объективной закономерности природы и общества делали вы вывод, что всё позволено и что по своему произволу вы можете перестраивать жизнь. И вас давно уже пора привести в состояние покорности суровой науке, бескорыстному знанию. Ваша наука всегда была корыстна, и потому не была истинной наукой. Вы выдумали, что существует наука «буржуазная» и наука «пролетарская», и этим убили для себя возможность всякого знания, этим истребили самую идею науки. Крупица объективной науки в марксизме была окончательно поглощена субъективно-классовым его пафосом, отдана на растерзание человеческих интересов и страстей. Смирение перед наукой, познание объективных основ общественности уменьшило бы вашу злобность и разъяренность, привело бы к катарсису ваш большой дух. Вы перестали бы повсюду видеть злую волю правительств и господствующих классов, глубже вникли бы в причины зол и бедствий человеческой жизни. Но для этого вы должны смириться не только перед наукой, но и перед религией, должны обратиться к высшему источнику света. Общество и государство могут быть основаны лишь на религиозных, духовных началах. Общество и государство атомизируются и распадаются, когда подорваны эти источники человеческого общения и властвования. Вы подымаетесь до понимания этой элементарной истины лишь тогда, когда разражается катастрофа и когда вам самим грозит гибель.

Редко, слишком редко люди вашего типа, вашего чувства жизни и вашего сознания задумываются над первоисточниками жизни, над теми первоисточниками мировой жизни, которые определяют и жизнь общественную. Вы не ищете смысла жизни. Вы ищете лишь благ жизни. Такая направленность вашего духа закрывает для вас познание тайн жизни космической и жизни общественной. В поле вашего зрения попадает лишь ограниченный отрывок природы и общественности, поддающийся рационализации в вашей бедной мысли. Говорю – в вашей мысли, потому что в действии вашем вечно бушуют иррациональные страсти и вечно приливает тьма из непонятого для вас бездонного источника. Поистине есть темный, бездонный и бесконечный источник в нашей жизни и жизни мировой. И ваш рассудочный свет бессилён осветить окружающую нас темную бесконечность. Две бесконечности обнимают нас – верхняя и нижняя, светлая и темная, хорошая и плохая бесконечность. Ни одна из этих бесконечностей не может быть постигнута вашим малым разумом. Для вашего ограниченного сознания не дана ни божественная бесконечность, ни бесконечность темная и хаотическая. Ваше сознание улавливает лишь ограниченную промежуточную сферу, поддающуюся рационализации. На этих путях невозможно никакое углубленное познание, невозможно и углубленное познание общественности. Мир человеческой общественной жизни есть целый малый мир, в котором отражены те же начала, действуют те же энергии, что и в большом мире. В мире общественном, как и в великом мире, как и во всей вселенной, борются космос и хаос. И познание общественной жизни должно помочь началу космическому победить начало хаотическое. В истинном познании есть онтологический свет, побеждающий хаотическую тьму, есть начало космологическое. Но ваш ограниченный рационализм

не в силах не только преодолеть хаотическую тьму, но не в силах и увидеть её, опознать её. Поэтому вы находитесь в её власти.

Старым германским мистикам открывалась истина о темном источнике бытия, о бездне, лежащей в его основе. Величайший из них, Я. Бёме, учил об Ungrund'e, безосновности, бездне, которая глубже Бога. И Мейстер Экхардт учил о Божестве, божественности, которая глубже Бога. Божественный свет загорается в бездонной тьме. Эта темная бездна не может быть наименована даже бытием, она лежит под всяким бытием, к ней неприменимы никакие категории, никакие определения. Этот изначально, в вечности загорающийся свет и есть теогонический процесс богорождения. Но процесс теогонический неверно было бы понимать по аналогии с эволюцией, совершающейся в этом мире; он не подчиняет вечность времени с его законом тления, с его пожиранием последующим моментом момента предшествующего. Он есть открытие света в глубине самой вечности. И малый разум наш встречается тут с неразрешимыми антиномиями, с непреодолимыми противоречиями. То, что происходит в вечности, отражается и во времени, во временном мировом процессе. В процессе космогоническом и антропогоническом загорается свет и побеждает хаотическую тьму. Темные волны приливают из бездны, и бушующий хаос должен побеждаться в мире и в человеке, чтобы образ человека и образ космоса не захлестнулись и не погибли, чтобы продолжалось дело Божьей победы над тьмой, Божьего творения космического бытия. Рождение света во тьме, переход от хаоса к космосу есть возникновение неравенства бытия в равенстве небытия. И в человеческом обществе есть не только таинственное, но и темное начало, в массе человеческой бушует хаос, и космос общественный с великим усилием создается и сохраняется. Всё новые и новые приливы тьмы, требующие новой силы преобразующего света, в истории именуется нашествием варваров, внешних и внутренних. Эти напоры варварства знал ещё древний Египет и древний Рим. Варварское, скифское начало говорит о бездне, скрытой под самой успокоенной и консервативной общественностью. Напоры варварства были полезны и поучительны для эпох слишком довольных, успокоенных, закованных и заковывающих. Человек всегда живет над бездной, и никакой консерватизм не должен закрывать этой истины. В массе, в толпе всегда есть темная бездна. И революции всегда бывали таким же приливом хаотической тьмы, как и нашествие варваров. И варвары, и революции нужны дряхлеющему миру. Нельзя отрицать значение этих исторических приливов. Но значение их не в том, в чем полагаете вы, идеологи варварства и революции.

* * *

Космическая жизнь – иерархична. Иерархична и жизнь общественная, поскольку есть в ней космический лад и не разорвана органическая связь с космосом. Вот тайна, которая непонятна людям вашего духа. Всякое разрушение космической иерархии атомизирует бытие, разрушает реальность общего и реальность индивидуального (государства, нации и др. реальные общности в такой же мере, как и личности) и сцепляет, сковывает атомы в механические коллективы. С древних времен происходила борьба в человеческом обществе начал космических, т. е. иерархических, с началами хаотическими, т. е. атомистическими и механическими. Иерархическое начало, как и всё в этом мире, может вырождаться, оно может не исполнять своей светоносной миссии и породить самые ужасные злоупотребления. Иерархическое начало может сделаться косным и инертным и ставить препятствие всякому творческому движению. Так, с древних времен иерархическая власть царя и жреца не только водила народы и вела их к свету, но и задерживала творческое движение. Слишком часто иерархия царства и священства становилась во враждебное отношение к свободному пророчеству. И всякий раз, когда слишком много грехов накопилось за началами иерархическими и не исполнялся долг излучения света его носителями, снизу подымались темные хаотические волны и грозили смести общественный космос, уничтожить всякий космический лад в общественной жизни. Иерархия царства и священства должна давать простор и свободу пророческому духу, иначе вырождается она в мертвящее законничество и получает заслуженную кару. Но необходимо отделить самый принцип, самую идею от фактического греховного состояния. Излучение света в этом мире должно происходить по ступеням. Есть вечное различие между эзотерическим и экзотерическим; оно охраняет возможность высшей творческой духовной жизни для избранной части человечества, для подлинной его аристократии. Не может быть мгновенно допущена к высшему свету вся необъятная хаотическая тьма человеческой массы. Человеческая масса выводится из царства тьмы, из плена у хаоса по ступеням, в процессе воспитания. Иерархические преграды для разлива хаотической тьмы, для мгновенного торжества количественной массы спасают источники света, охраняют светильники, защищают светоносный дух от

растерзания его душевным и материальным хаосом. Повсюду в древнем мире дух, пробуждающийся к высшему сознанию, вел борьбу с этими волнами душевного и материального хаоса в жизни народной. Все великие религии знали различие между эзотерическим и экзотерическим и создали иерархический строй, обращенный не к сокровенному миру, а к миру внешнему. Этим путем охранялось качество от растерзания его количеством и само количество велось к просветлению. В религиях древнего Востока была таинственная, сокровенная сторона, оказавшая определяющее влияние и на высшие достижения греческой культуры, в ней были подлинные откровения, упреждающие христианство. Но народная религия Египта не знала этих высших откровений, – она погружена ещё была в языческую тьму. То же было и в Греции. Волны стихийных и хаотических откровений духов и демонов непросветленной природы со всех сторон обступали Грецию и грозили затопить пробуждающийся дух. Язычество не могло освободить народы древности от страшной власти демонологии, от терзающих его демонов хаотической природы. Но всякий иерархический строй был попыткой оградить духовную жизнь от власти этой хаотической природы, создать начала оформляющие и ставящие границы стихийному разливу. Высших достижений духовной жизни Греции нельзя искать в религии Диониса, в этой народной мистике, находящейся во власти темных хаотических стихий. Их нужно искать в орфизме, в элевзинских мистериях, у Пифагора, Гераклита и Платона. В разливе дионисических оргий народ терзался демонами и искал освобождения и избавления от горестного и ограниченного бытия в приобщении к стихийному круговороту природы. Окончательное и безраздельное торжество дионисизма было бы гибелью Греции. И начало аполлоновой формы должно было ограничить эти дионисовы стихии, чтобы лик человеческий мог подняться из тьмы. Начало дионисово – демократично. Начало аполлоново – аристократично. Дионисизм дает стихийную, народную основу. Ничем не ограниченное и ничему не подчиненное торжество народной стихии, господство демократии превращается в дионисическую оргию, сметающую лик человека, погружающую дух человека в природный хаос. Дионисизм враждебен всякому иерархизму и всякому эзотеризму. Дионисизм торжествует в эпохи революций, в массовых народных движениях. Это торжество всегда подвергает опасности величайшие духовные ценности, оно отдает на растерзание величайшие духовные реальности. Начало аристократическое, начало иерархического лада, формы и предела, устанавливающее различия и дистанции, спасает высшую духовную жизнь, охраняет источники света и защищает личность человеческую от растерзания. Бытие личности предполагает различия и дистанции, формы и границы. Революционный дионисизм уничтожает все различия и дистанции, все формы и границы, и потому он глубоко враждебен личности, не признает и не опознает лика. Когда христианская церковь вела борьбу со стихийной демонологией, она охраняла лик человека, образ и подобие Божие, помогала ему стать на ноги. Во всех революциях стихийная демонология в секуляризованной форме вновь овладевает человеком и терзает его. Личное начало связано с иерархическим началом, оно раскрывается в космосе и гибнет в хаосе. Личное начало – по существу аристократическое начало, оно предполагает различие и границу. Личность не терпит хаотического смещения, плебейского стирания всех границ и различий. Личное начало есть начало качественное, оно и есть неповторимое качество, не допускающее количественных смещений. Лишь тайна Христовой любви ведет к соединению, не разрушая личности, утверждая лик в каждом. Вы же все, находящиеся во власти дионисических стихий, терзаемые демонами хаотической природы, вы не знаете личности и не знаете свободы. Ваши революции несут с собой порабощение человека, погружение его в изначальную тьму. Дух ваш погружается в коллективное душевное тело и теряет свои высшие достижения. Духовное начало – аристократично, а не демократично. Демократично – душевно-телесная стихия. Возникновение аристократического начала в мире было борьбой света с тьмой, рождением личности, освобождением духа. Ваш революционный дионисизм всегда был и будет мгновенным торжеством количества, смещающего грани ликов и образов, восстанием из тьмы безликого и безобразного плебейства. Вот почему принцип органического развития по ступеням, через свет, изливающийся сверху вниз, в исторической жизни имеет нравственное и религиозное значение, – он охраняет личность, свободу и духовную жизнь.

* * *

Многие из вас любят говорить о свободе и освобождении. Но кто освобождается у вас, о чьей свободе говорите вы, существует ли у вас субъект свободы? Освобождение хаотической стихии не есть освобождение человека, хаотическая стихия не может быть субъектом освобождения, она – источник порабощения. Человек прежде всего находится в плену у хаотической стихии. Темная бездна тянет образ

человека, лик человека вниз, мешает человеку подняться и стать во весь рост. Освобождение человека, человеческой личности и есть освобождение из плена у хаотической стихии, а не освобождение хаотической стихии в человеке и народе. Вот почему все глубокие люди понимали, что истинное освобождение предполагает момент аскезы, самодисциплины и самоограничения. Разнуздание стихийных страстей порабощает, делает рабом. Когда человек находится во власти собственного хаоса, он – раб, личность его распылена страстями, обессилена грехами. Вам, «освободителям» человека и народа, снимающим со стихии все оковы, давно уже пора глубже задуматься над проблемой личности. Почему в революциях ваших нет личности, почему отдана она на растерзание стихийных бурь, почему образ человека тонет в стихиях, которым вы поете хвалу? Вы никогда не умели не только решить, но и поставить проблему отношения личности и общества. Вы утратили реальности, для вас и личность не реальна, и общество не реально, для вас всё давно уже распылено. Ваше «революционное» миросозерцание есть крайний номинализм в социальной философии, крайний атомизм. Ваш коллективизм есть лишь обратная сторона этого номинализма и атомизма. Вы потеряли подлинные реальности и на их место хотите поставить новую, искусственную, призрачную реальность. Ваше мироощущение и миросозерцание отрицает всякий онтологический реализм. Предки ваши – софисты. Вы отвергли заложенные Платоном основы онтологической социальной философии. Слишком аристократичен для вас Платон, и вы увидели в нём источник мировой «реакции». Социализм Платона был аристократический социализм, он основан на признании иерархии онтологических реальностей. Платон признавал онтологическую реальность целого, реальность верховного блага и правды. Вы же исходите из атомизации всякого целого, начинаете с отвержения верховного блага и правды. Ваша правда – произвольная, субъективная, классовая правда, рожденная из интересов и страстей. Вы начинаете своё дело после того, как все реальности, все целостности, все общности распылены и атомизированы. Поистине, вы хотите построить своё дело ни на чем и из ничего. И это прямо сказал самый радикальный и самый смелый из вас, Макс Штирнер, хотя он и не пользуется у вас достаточной популярностью. Но и Штирнер не был до конца последовательным и радикальным. Он признал «единственного», не имея на это никакого права, без всяких на это оснований. Ибо поистине его «единственный» лишен всякой реальности, «единственный» обобран, голым и нищим пущен по миру. «Единственный» лишен реальности «я», реальности личности. Ибо личность есть онтологическая реальность, она входит в иерархию онтологических реальностей. Личность предполагает реальность других личностей и реальность того, что выше её и глубже её. Личности нет, если нет ничего выше её. В номиналистическом индивидуализме личность разлагается и распадается. В нём так же атомизируется личность человеческая, как атомизируется нация, государство, церковь, космос, Бог. Если нет никаких реальных целостностей, то нет и реальной целостности личности, она разделяет судьбу всех реальностей в мире и падает вместе с ними. Если нет Бога, то нет и личности человеческой. Личность связана с универсализмом, а не с индивидуализмом.

Гибель личности человеческой должна окончательно завершиться в вашем человеческом коллективе, в котором погибнут все реальности, в вашем грядущем муравейнике, этом страшном Левиафане. Об этом не раз ещё я буду говорить. Ваш коллектив есть лжереальность, которая должна восстать на месте гибели всех подлинных реальностей, реальности личности, реальности нации, реальности государства, реальности церкви, реальности человечества, реальности космоса, реальности Бога. Поистине, всякая реальность есть личность и имеет живую душу – и человек, и нация, и человечество, и космос, и церковь, и Бог. Никакая личность в иерархии личностей не уничтожается и не губит никакой личности, но восполняет и обогащает. Все реальности входят в конкретное всеединство. Ваш же безличный коллектив, лишенный души, оторванный от онтологической основы, несет с собой смерть всякому личному бытию. И потому торжество его было бы торжеством духа небытия, победой ничто. В революционном коллективизме нет ничего человеческого, как нет ничего и сверхчеловеческого, в нём есть что-то нечеловеческое и безбожное, есть истребление человека и Бога. Судьба человека и Бога неразрывны во веки веков. И сам диавол бессилен изменить эту предвечную общность судьбы, в середине которой сам Бог был распят на кресте, как человек.

Вы отрицаете и истребляете личность, все вы глашатаи материалистической революции, социалисты и анархисты, радикалы и демократы разнообразных оттенков, все уравниатели и смесители, провозвестники религии равенства. Вы хотели бы превратить людей в атомы и общество человеческое в механику атомов, в коллектив безличных атомов. Но поистине, человек не атом, а индивидуум, индивидуальность,

разностное существо. Каждый человек имеет свою неповторимо индивидуальную судьбу в этой земной жизни и в жизни запредельной, в вечности. Не случайно, не по внешним и бессмысленным причинам выпадает на долю каждого человека его судьба со всеми испытаниями и страданиями. Не случайно и не бессмысленно выпала на долю замученного ребёнка слезинка, о которой говорит Иван Карамазов. Бунт против слезинки ребёнка, против страданий, которыми покупается мировой и исторический процесс, есть отвержение высшего смысла жизни, неприятие божественного миропорядка. Атеист не принимает слезинки ребёнка и всех страданий жизни, он восстает против Бога во имя счастливого и блаженного удела человека на земле. Но он сейчас же готов пролить неисчислимое количество слез и причинить неисчислимое количество страданий, чтобы поскорее достигнута была счастливая и безболезненная человеческая жизнь. Таково нравственное противоречие всех революционеров. Вы, русские революционеры-интеллигенты, много всегда говорили о слезинке ребёнка, о нестерпимых страданиях народа, это была ваша излюбленная тема. Вы впадали в ложную сентиментальность и декламировали, вы обещали безболезненный рай. А когда настал час вашего господства, вы проявили неслыханную жестокость, вы превратили страну вашу в море слез и причинили народу вашему неисчислимое количество страданий. Сентиментальность часто кончается жестокостью. Предохраняет от жестокости более суровый, более жесткий взгляд на жизнь. Постигание и принятие высшего смысла всех слез и страданий жизни просветляет человека. Для всякого, у кого есть религиозное чувство и видение лица человеческого, судьба человека таинственна и не может быть решена в пределах того небольшого отрывка огромной и вечной жизни, который мы именуем земной, эмпирической жизнью человека, от рождения до смерти. Судьба каждого человека погружена в вечность, и в вечности нужно искать разгадки её смысла. Всё кажется случайным, бессмысленным и несправедливым в пределах этой кратковременной жизни. Всё приобретает смысл и получает оправдание в вечности. Но вы, бунтующие против божественного миропорядка и восстающие против вечности, вы не чувствуете и не видите лица человека, вы чувствуете и видите лишь отрывки и клочья личности, лишь преходящие её состояния, лишь временные страдания и удовлетворения. Ваше гуманистическое и сентиментальное заступничество за человека, ваше исступленное желание освободить его от страданий и есть ваше неверие в Бога и неверие в человека, ваш атеизм. И это всегда ведет к истреблению личности во имя освобождения человека от страданий. Принятие смысла страданий, смысла судьбы, которая со стороны представляется столь несправедливой и неоправданной, и есть утверждение личности, и есть вера в Бога и человека. На долю людей выпадает разная судьба, полная страданий и слез, именно потому, что человек – разностное, глубоко индивидуальное существо. Человека нужно брать конкретно, а не отвлеченно, со всей его неповторимой историей, эмпирической и метафизической, во всех его органических мировых связях. Тогда только можно хоть что-нибудь понять в его судьбе. Вы же берете человека, как атом, и все люди представляются вам равными и заслуживающими равного удела. Так хотите вы освободить человека от несправедливостей и страданий, но так вы убиваете человека. Перед вами стоит не человек, а отвлеченный атом. На эти отвлеченные атомы распыляете вы всё бытие. Для человека конкретного и неповторимо индивидуального имеет значение его связь с предками, с родиной, с историей. Не случайна и связь человека с тем или иным сословием и классом. Отвлеченный же и бескачественный человек берется вне истории, вне прошлого, вне родины, вне отцов и дедов. Но это уже не человек, не личность, а атом, абстракция абстракций. Бессмысленно и безбожно само ваше желание сравнивать страдания людей и рационально учесть, кто страдает больше, а кто меньше, чьи страдания справедливы и чьи не справедливы. Вам не дано быть судьями судебных человеческих и судебных Божиих. Вам дано лишь деятельной любовью к ближним облегчать их страдания, вносить радость в их жизнь. Но это дело любви и помощи людям не может иметь ничего общего с рационалистическим взвешиванием судебных людских, с рационалистическим сравнением этих судеб и принудительным их уравнением. Ваша революционная религия равенства и есть атеизм, отрицание высшего смысла мировой жизни. Она ведет не к творчеству лучшей и высшей жизни, а к разрушению и к унижению всех богатств бытия.

Я знаю, всё, что я говорю вам, вы назовете «реакционным» и увидите в мыслях моих оправдание социального зла. Но я давно уже перестал придавать значение всем вашим определениям. И все слова ваши звучат для меня как скверный шум. И потому меня не остановят все ваши выкрики и осуждения. Неравенство религиозно оправдано неповторимо индивидуальной судьбой человеческой личности в вечности. Это не значит, конечно, что не должно облегчать и улучшать земной удел человека. Наоборот, это облегчение и улучшение есть исполнение заповеди любви. Но это значит, что нельзя бунтовать против первооснов божественного миропорядка, разрушать их и противопоставлять свой ограниченный и произвольный смысл

божественному смыслу жизни. Неравенство есть основа всякого космического строя и лада, есть оправдание самого существования человеческой личности и источник всякого творческого движения в мире. Всякое рождение света во тьме есть возникновение неравенства. Всякое творческое движение есть возникновение неравенства, возвышение, выделение качеств из бескачественной массы. Само богорождение есть извечное неравенство. От неравенства родился и мир, космос. От неравенства родился и человек. Абсолютное равенство оставило бы бытие в нераскрытом состоянии, в безразличии, т. е. в небытии. Требование абсолютного равенства есть требование возврата к исходному хаотическому и темному состоянию, нивелированному и недифференцированному, это есть требование небытия. Революционное требование возврата к равенству в небытии родилось из нежелания нести жертвы и страдания, через которые идет путь к высшей жизни. Это и есть самая страшная реакция, отрицание смысла всего творческого мирового процесса. Пафос революции – реакционный пафос. Насильственное требование уравнивания, исходящее из низов хаотической тьмы, есть посягательство на разрушение космического иерархического строя, образовавшегося творческим рождением света во тьме, посягательство на разрушение и самой личности человеческой, как иерархической ступени, как рожденной в неравенстве. Так совершается посягательство на царственное место человека в космическом строе. Ибо место это добывается страшным неравенством и выделением. Требование равенства может быть распространено и на низшие, нечеловеческие ступени космической жизни. В уравнивательных неистовствах всегда поднимаются не человеческие, но по существу уже аристократические начала, а низшие, нечеловеческие начала в самом человеке, элементарные стихии, элементарные духи природы. Во всех коммунистических движениях масс всегда чувствовалось что-то нечеловеческое, восстание каких-то низших природных стихий, мешавших раскрытию образа человеческого в самих массах. Нужно внести наконец разделяющий свет в тьму ваших смещений. Пафос равенства есть зависть к чужому бытию, неспособность к повышению собственного бытия вне взгляда на соседа. Неравенство же допускает утверждение бытия во всяком, независимо от другого. Вы, уравниватели в небытии, любите пользоваться и христианством для своих целей, вы не прочь даже сослаться на Евангелие, в которое вы не верите и которого вы не признаете. Но в христианстве вы не можете найти для себя ничего, кроме внешних звуков и непонятных для вас сочетаний слов. Вам нет доступа внутрь христианских тайн. Христианство признает абсолютную ценность всякой человеческой души и равноценность всех душ человеческих перед Богом. Но отсюда нельзя сделать никаких благоприятных выводов для внешних механических уравнений и смещений. Христианство не произвело восстания и революции даже против рабства на известной ступени мирового развития, оно признавало лишь, что душа человека, находящегося в рабском социальном состоянии, имеет абсолютную ценность и равна перед Богом душе господина. Раб и господин могли быть братьями во Христе, и раб мог в церкви Христовой занимать более высокое положение, чем господин. Христианское равенство душ перед Богом принадлежит благодатному царству Духа и непереводаемо на социальную материальную плоскость. Для христианского сознания душа человеческая имеет абсолютную ценность, но не имеет абсолютной ценности земная, эмпирическая жизнь человека. Ценность, святость, духовная реальность имеет большее значение, чем земная эмпирическая жизнь людей, чем их благо и удовлетворение, чем самая жизнь их. Христианство не боится страданий на земле, оно принимает их и признает их значение в свершении судьбы человека. Для христианского сознания страдания и слезы очищают душу. Это сознание не учит возвращать билет Богу, как того требует атеист Иван Карамазов во имя страданий людей, из невозможности осмыслить зло жизни. С христианством вам нечего делать. Вы – отщепенцы от христианства.

Вы шумно восстали на защиту постижимых целей человеческой жизни против целей таинственных, в защиту человека против Бога. Вы восстали против жертв, которых требует всё таинственное и великое. Во имя понятного и рационального производите вы революции и восстания, во имя мещанских утопий, понятного и малого земного благополучия каждого и всех отвергаете вы величайшие святости и ценности. Человеческое благо каждого и всех противоположили вы сверхчеловеческим ценностям. И столкнулись два непримиримых мировоззрения, два непримиримых чувства жизни. Мы, люди религиозного мировоззрения и религиозного чувства жизни, религиозно принявшие божественный порядок, склонившиеся перед религиозным смыслом жизни, мы принимаем жертвы малой, близкой, понятной земной человеческой жизнью и земным человеческим благом во имя таинственных и великих целей жизни человеческой и мировой. Мы не бунтуем против истории и культуры, купленных дорогой ценой, жертвенной кровью бесчисленных поколений наших предков. Мы религиозно отвергаем, как низменную и предательскую, самую мысль о создании

благополучия и блаженства на земле, в которой схоронены все поколения наших страдавших и приносивших жертвы предков, на кладбище великих покойников и великих памятников прошлого. Неблагодарна и безбожна сама эта мысль ваша освободить от жертв и страданий поколения грядущего на счет поколений прошедших. С более глубокой, не материалистической и не позитивистической точки зрения непонятно даже, почему поколения грядущие должны для нас обладать большей реальностью и больше интересоваться нас, чем поколения прошедшие. Есть что-то низкое и безобразное в этом торжестве временного над вечным. Вы, обращенные исключительно к грядущей благополучной жизни, находитесь во власти духа смерти, а не духа жизни. Как глубок был Н. Федоров, когда он поставил перед блудными сынами проблему воскрешения всех умерших предков. Это – задача более радикальная, более великая и достойная, чем ваш рационалистический и моралистический суд над историей, чем ваше истребление прошлого во имя блага грядущего. В тот день, когда окончательно восторжествовала бы точка зрения блага каждого и всех и победила бы точка зрения сверхличной и сверхчеловеческой ценности и святости, в мире невозможно было бы уже ничто великое, ничто истинно могущественное и прекрасное. Жизнь человеческая пала бы до самых низин, она стала бы элементарной и упрощенной, полуживотной жизнью.

Торжество точки зрения личного блага привело бы к падению личности. К возвышению личности ведет лишь точка зрения сверхличной ценности. Это – непререкаемый исторический факт, который требует истолкования. Личность подымается и восходит, когда в ней раскрываются и творятся сверхличные ценности. Человеческое в истинном смысле этого слова утверждается, когда в нём утверждается божественное. Всякая ценность есть лишь культурное выражение божественного в исторической действительности. Божественное требует жертв и страданий. Воля к божественному в человеке не дает ему успокоения, она делает невозможным никакое благополучие на земле, она влечет его в таинственную даль, к великому. Точка зрения личного блага каждого и всех направлена к низвержению божественного, она по существу антирелигиозна. Жажда божественного в человеческой душе действует, как пожирающий огонь, и сила этого огня может произвести впечатление демонической. Многие из вас – моралистов – видят демоническую силу во всякой исторической судьбе, в создании государств и культур, в их славе и величии. Проблему эту с гениальной остротой чувствовал К. Леонтьев, когда говорил: «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия?» Вы стали за «индивидуальное» и «коллективное» благодушествование, за серый социальный рай против Моисея и гениального красавца Александра, против акрополей и пунических войн, против апостолов и мучеников, против рыцарей, поэтов и живописцев. Прошлое величие основано на жертвах и страданиях. Вы же не хотите более жертв и страданий во имя таинственной дали, непонятной каждому в отдельности и всей массе в целом. Прошлое величие хотите вы поставить на всеобщее голосование и отдать на суд для всем понятного человеческого блага в этой краткой земной жизни. Но вы не знаете и любви к ближнему, живому в плоти и крови, конкретному существу. Человек для вас не ближний, а абстракция. Любовь к ближнему знает лишь христианство и соединяет её с любовью к Богу.

Социологию вашу вы пробовали основать на том ложном предположении, что общество должно быть однородным, упрощенным, недифференцированным, для того чтобы личность была развитой, дифференцированной и разнородной. Цветение личности и личности каждого и всех хотели вы связать с отцветанием общества, государства, нации, с переходом их в состояние, которое К. Леонтьев называл «упростительным смешением». У вас всегда было отвращение к сложному цветению культуры, к славе и величию государств, к великой исторической судьбе наций. В этом сложном цветении, в этой славе и величии видели вы угрозу для личности, для её блага. Но поистине, вы всегда заботились не столько о личности, сколько о равенстве личностей. Вы всё оглядывались на соседа каждой личности и присматривались, чтобы он не оказался выше, не расцвел бы более другого. Вас всегда интересовала безличная личность, личность всякого, уравнение личностей. Но равенство ваше пребывает в каком-то промежуточном царстве небытия, в пустоте, его нет ни в одной живой, конкретной личности. Во имя уравнения личностей готовы вы истребить всякую личность, подрезать возможность всякого её цветения. Поистине всякий творческий порыв в личности есть порыв к неравенству, нарушение равенства,

возвышение. Н. Михайловский со своей теорией борьбы за индивидуальность был выразителем того социологического учения, по которому лишь уравненное и упрощенное общество благоприятно расцвету каждой личности. Тому же учил и Л. Толстой, но учение его было не социологическое, а морально-религиозное. Моралистический индивидуализм Толстого требовал прекращения всемирной истории, упразднения всех государств и всех культур, чтобы центр тяжести жизни был окончательно перенесен в человеческую личность каждого и всех. И Толстой, и Михайловский радикально отвергают общественное разделение труда, как начало, враждебное личности. И социализм требует упрощения и смещения общества, уравнения общественной среды и от этого ждет блага для личности каждого и всех. Полярной противоположностью Михайловскому был К. Леонтьев, мыслитель более глубокий и оригинальный, чем все ваши учителя и идеологи. Сложное цветение личности связывал он со сложным цветением общества, со сложной государственностью, с великой исторической судьбой наций. Упростибельное смещение общества, которое несет с собою торжество либерально-эгалитарного прогресса, век демократии, связано с отцветанием личности, с обезличиванием, с угашением личностей творческих и ярких. Век возрождения был веком сложного цветения общества, огромных неравенств в строе общества, но он же был и веком сложного цветения личностей, расцвета гениев. Святые были ярким и необычайным проявлением личного начала, но наибольшее развитие святости бывало в эпохи великих неравенств. В век равенства и упростибельного смешения, в век торжества демократии нет уже святости и гениальности, с которыми связаны величайшие победы личного начала. Единство в разнообразии – критерий совершенной красоты культур. Романтическое учение К. Леонтьева может получить и вполне научное социологическое подтверждение. Так, Зиммель, в противоположность Михайловскому, объективно обосновывает ту истину, что дифференцированность личности не обратно пропорциональна, а прямо пропорциональна дифференцированности общества. Развитию личности благоприятно не однородное и уравненное состояние общественной среды, а дифференцированное и сложное её состояние. Без общественного разделения труда никогда личность не могла бы подняться, не могла бы выделиться из первоначального коммунизма равной тьмы. Индивидуальность, личностная человеческая не дана изначально в природном и историческом мире, она в потенциальном состоянии дремлет в хаотической тьме, в зверином равенстве и освобождается, поднимается и развивается лишь путем трагической истории, путем жертв и борьбы, через величайшие неравенства и разделения, через государства и культуры с их иерархическим строем и принудительной дисциплиной. Людям XX века, столь искушенным в познании, столь много испытавшим, не пристало уже строить идиллические теории о благодатном естественном состоянии, о природном порядке, в котором будто бы торжествует индивидуальное и личное начало, и о разрушении этого благодатного состояния и этого природного торжества индивидуальности и личности неравенством, принуждением и дисциплиной государств и культур. Всякий раз, когда свержается иерархический строй, когда хотят освободить личность от всякой дисциплины и государства и культуры, подымается звериный хаос, истребляет личность, убивает образ человека. Свобода личности всегда имеет своим коррелятивом тысячелетнюю дисциплину сложной культуры, претворяющей хаос в космос. Всякий космический мир – дифференцирован, основан на неравенствах и дистанциях. Личность утверждается и расцветает в космическом мире, в космическом ладе общественной жизни. В мире хаотическом, в массах, окончательно потерявших всякую иерархическую дисциплину, личность отцветает и погибает.

Вы не знаете личности, вы утопили её в массах. Вы потеряли чувство различий и дистанций. И связано прежде всего это с тем, что вы перестали ощущать и сознать радикальное зло человеческой природы. Зло одержало над вами победу, заставив себя отрицать. Иные из вас готовы ещё признать Бога в какой-то расплывчатой форме, но никто из вас не способен увидеть зло. Это радикальное отрицание радикального зла получило наименование гуманизма. Вы надеялись освободить человека путем отрицания зла. На этой безгрешности человеческой природы, якобы испорченной и поработанной иллюзиями религии, насилиями государства и социальными неравенствами, построили вы свои теории прогресса. В прошлом человечества вы видели много зла, но это не было радикальное зло, заложенное в метафизической глубине, это всегда было зло социальное, лежащее на поверхности общественной среды. В будущем же вы провидите одно добро. Ваша социальная философия оптимистична. Гуманизм всегда оптимистичен. Но есть ли основания для такого оптимизма, оправдывается ли он, если заглянуть в глубину жизни? Я думаю, что социальный оптимизм всегда поверхностен. Вашему гуманистическому оптимизму необходимо противопоставить пессимизм более глубокий, суровый и здоровый. Ваш социальный оптимизм и ваша социальная мечтательность

говорят об отсутствии в вас необходимого для всякого освобождения аскетизма, о распушенности вашего духа. Для духовного оздоровления необходима аскетика, воздержание от нездоровой социальной мечтательности. Розовые теории прогресса и совершенного грядущего общества слишком часто на практике вели к жестокости и к понижению уровня человека. Гуманизм имел своё значение в истории человеческой культуры и через него необходимо было пройти. Но последние плоды гуманизма, как отвлеченного начала, истребляют человека, они – самоубийственны. Это с глубокой остротой было сознано Ницше, после которого невозможен уже пафос гуманизма.

Неблагодарны и некрасивы самые духовные основы вашего социально-революционного мироощущения и мирозерцания, темен самый подпольный его источник. В основе этого мироощущения и мирозерцания лежит психология обиды, психология пасынков Божиих, психология рабов. Сыны Божии, свободные в духе своем, не могут иметь такого чувства жизни. Свободные сыны Божии, сознающие своё высокое происхождение, не могут испытывать чувство рабской обиды, не могут сознавать себя духовными пролетариями, поднимающими восстание, потому что им нечего терять и нечем дорожить. Поистине, существует не только социальная, но и духовная категория пролетария, особый духовный тип. Этот духовный тип пролетария делает все внешние революции, оторванные от глубины жизни, от мирового целого. Обида, озлобление, зависть – вот душевная стихия, вот подпольная психология духовного типа пролетария. На таком душевном основании нельзя построить прекрасного и свободного человеческого общества. Свободные сыны Божии чувствуют не обиду, а вину. Сознание вины соответствует царственному достоинству человека, оно является печатью его богосыновства. И пролетарии по своему социальному положению могут иметь это царственное, богосыновское сознание, могут раскрыть в себе свободу духа. Благородство духа человеческого не зависит от внешнего социального положения. Но когда обида, зависть и месть отравили сердце человеческое, дух перестает быть свободным, он в рабстве, он не сознает своего сыновства Богу. И потому истинные освободители человека должны призывать его к сознанию вины, а не обиды, должны пробуждать в нём сознание свободы сынов Божиих, а не рабства сынов праха, сынов необходимости. Вот почему свободный в духе своем не может исповедовать пролетарско-революционного мирозерцания.

Письмо третье

О государстве

Как слабы и беспомощны все ваши рационалистические теории государства. В XVIII веке вы хотели рационально объяснить природу государства теорией общественного договора, в XIX веке вы пробовали объяснить её из борьбы классов и факторов экономических. Но все, все объяснения, старые и новые, наталкиваются на какой-то рационально неразложимый остаток, на непостижимую тайну власти. В государстве есть мистическая основа, и эта мистическая основа должна была бы быть признана и с позитивной точки зрения, как предельный факт, не поддающийся объяснению. Начало власти – совершенно иррациональное начало. Во всякой власти есть гипноз, священный или демонический гипноз. Никто ещё и никакой власти в мире не подчинялся по рассудочным, рациональным основаниям. Власть никогда не была и никогда не может быть организацией человеческих интересов, организацией господства каких-либо интересов или равнодействующей интересов. Власть всегда есть проникновение какого-то таинственного начала в человеческие отношения, исходящего от Бога или от дьявола. Государство есть особого рода реальность, неразложимая на элементы чисто человеческие и на чисто человеческие интересы. Бытие государства есть факт мистического порядка. Государство не выводимо ни из каких человеческих интересов и расчетов, и нельзя принудить признать государство, подчиниться государству никакими рациональными доводами. На почве номиналистического и атомистического мирозерцания, которого держится большая часть позитивистов и материалистов, невозможно признать государство и не имеет смысла подчинять себя ему. Государство самым фактом своего существования свидетельствует об онтологическом реализме, о существовании реальностей иного порядка, чем те, которые признаете и видите вы – эмпирики-номиналисты разных оттенков. Вам кажется, что организация государства – рациональная организация. Но поистине безумно подчинение власти государства, и все революционные идеологии строятся во имя рационалистического восстания против этой власти. Революция всегда хочет разрушить священный гипноз власти. Но сама она немедленно же попадает во власть другого гипноза. Существует неразрушимая магия власти, которая лишь переходит из одного состояния в другое. И новая революционная

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

власть обладает магией власти, она заимствует её от магии старой власти, она пользуется старым и вечным гипнозом масс. Никакие рассудочные рациональные мотивы не могут заставить массы подчиниться государству и нести для него жертвы. Это не может быть оправдано никакими интересами. Покорность масс всякой государственной власти есть всегда безумие, есть состояние гипноза, есть трепетание народа перед реальностями, превышающими эмпирическую жизнь людей. Объективно-онтологический элемент государственной власти присутствует и действует во всех формах, как бы они ни были плохи и какому бы разложению ни подвергались. Он действует и в советской власти. Природу власти нельзя смешивать и отождествлять с какой-либо формой власти. Государство не может определяться никаким данным человеческим поколением. Государство поддерживает реальную связь времен в жизни народов, и потому оно не может стоять в такой зависимости от времени, какой хотят те, которые отдают его временному потоку. Государство не может быть создано и не может быть разрушено никаким человеческим поколением. Оно не является собственностью людей, живущих в каком-либо периоде истории. В этом смысле государство имеет сверхвременную и сверхэмпирическую природу.

Вы хотите растворить государство в обществе, отождествить его с обществом и этим рационализировать его без остатка. Но поистине государство не может быть целиком сведено к обществу и выведено из общества, в нём всегда есть иррациональный остаток, привнесённый не из общества и несводимый на взаимодействие или противодействие общественных сил. С этим остатком, несводимым на общество, и связан *specificum* государства. Этот *specificum* не связан ни с какой формой государства, он присутствует во всякой форме, если государство не упразднено и не уничтожено, он переживает революции и революционные учения о государстве. Ваши общественные учения о государстве всегда приходят к ложной конструкции власти. Эти учения видят во власти не обязанность и тяготу, а право и притязание. Они толкают по пути свирепой борьбы за власть. Этим они подрывают нравственную опору у власти и отрицают за ней нравственный смысл. При такой конструкции власти она должна быть равнодействующей интересов и обслуживающей интересы. И ищут путей для отстаивания интересов, для обеспечения за интересами надлежущей власти. На путях этих происходит атомизация государства и теряется всякая онтологическая его основа. Государство не может быть также выведено из взаимодействия личностей как единственных реальностей. Государство есть реальность *suí generis*, реальность иного порядка, чем личность. Реальность государства и реальность личности находятся во взаимодействии, они воздействуют друг на друга и нуждаются друг в друге, но могут и стлкиваться, и из столкновения их могут рождаться трагические конфликты. Государство может преступать пределы, предназначенные ему Богом, и попирает реальности другого порядка. Тогда начинается болезненный процесс в жизни государства и ему грозят большие потрясения. Но и личности, общественные группы и целые общества могут переступать свои пределы и посягать на реальность государства. Тогда тоже происходят болезненные процессы в жизни общества и государства. Нередко болезненные процессы этих порядков бывают связаны друг с другом. В революционных движениях и революциях личности, общественные группы и государства выходят из своих пределов и нарушают иерархический строй и лад.

Власть государственная имеет религиозную первооснову и религиозный исток. Этой древней истины не удалось вам опровергнуть вашими рационалистическими теориями. Истина эта представляет собой положительный факт. Власть имеет онтологическую основу, и она восходит к первоисточнику всего, что имеет онтологическую реальность. Онтология власти исходит от Бога. Это поведал всему христианскому миру гений апостола Павла, когда он сказал, что «всякая власть от Бога» и что «начальствующий носит меч не напрасно». Не случайно враждуете против апостола Павла, все вы, желающие христиански оправдать анархизм. Апостол Павел – самое большое преткновение на пути вашем. Это он не допустил превращения христианства в еврейскую революционно-апокалиптическую секту, это он ввел христианство во всемирную историю. Вы же, христиане-анархисты, христиане-сектанты, вновь хотите вывести христианство из всемирной истории. Вы хотели бы сорвать дело всемирной истории. Это – ложь, что христианство – анархично, что христианство отрицает государство.

Сам Христос учил воздавать кесарево кесарю. Но он воспретил воздавать кесарю Боже. Христос признал самобытную сферу царства кесаря, он признал значение этой сферы для царства Божьего. Вы же, христиане-анархисты, хотите обеднить царство Божье, выбросить из него окончательно большую самобытную сферу, хотите своим максимализмом довести его до минимума по объёму. Поистине, ваш максимализм есть

минимализм, он не видит и не хочет знать многообразия и богатства бытия, в нём есть иудейская бедность. Христианский анархизм мыслит христианство как маленькую секту, противящуюся всемирно-историческим судьбам человечества. И потому христианско-анархическое сознание – безответственное сознание. Апостол Павел сделал христианское сознание ответственным.

Вы, желающие соединить христианство с анархизмом, вы, отвергающие государство во имя Христовой правды, вы заглушили в себе чувство первородного греха, вы забыли, что природа человека во зле лежит. Ваш розовый оптимизм непримирим с религией Голгофы. Государство противится греховному хаосу, мешает окончательному распадению греховного мира, подчиняя его закону. Вл. Соловьев хорошо сказал, что государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад. Грешное человечество не может жить вне государства, вне онтологических основ власти. Оно должно быть подчинено закону, должно исполнить закон. Отмена закона государства для человечества, пораженного грехом, есть возвращение к звериному состоянию. Государство есть соединяющая, упорядочивающая и организующая онтологическая сила, преломленная во тьме и грехе. Принуждающая и насилующая природа государства сама по себе не есть зло, но она связана со злом, есть следствие зла и реакция на зло. Принуждение и насилие может быть добром, действующим в злой и темной стихии. Но это не значит, конечно, что всякое государственное принуждение и насилие хорошо, оно и само может быть злом и тьмой. В свете христианского сознания должны быть познаны аскетические основы государства. В природе государства есть суровость. Государственное сознание видит силу зла и слабость естественного добра в человеке. В нём нет слащавого оптимизма, в нём есть суровый пессимизм. В идее государства нет мечты о земном рае и земном блаженстве. Такая мечта всегда связывается с отрицанием государства. Государство менее притязательно, более элементарно и просто. В государственной идее есть аскетическая суровость. Мечтательное отрицание государства во имя утопии земного рая и блаженства есть разврат в жизни общественной, отсутствие аскетической самодисциплины и воздержанности. Ваша анархическая социальная мечтательность нравственно столь же предосудительна, как и сексуальная мечтательность, вечно представляющая себе любовные объятия. Будьте суровее и трезвее. Это и эстетически более привлекательно. Безбрежная социальная мечтательность антиэстетична. В ней есть антиэстетическая распущенность. Железная необходимость тяжело ударяет по этой мечтательности и обращает к действительности. И в этой необходимости есть воспитывающее начало, есть ограничение субъективного произвола. Здоровый религиозный пессимизм должен признавать суровость государства, правду закона для злой и звериной человеческой природы, природы ветхого Адама. В государстве есть правда сдержанности и самоограничения, есть своя красота аристократической холодности и оформленности. Безгосударственные утопии и мечты не знают формы, границы, расстояния, в них всегда чувствуется недостаток духовного аристократизма.

Все вы, исповедующие демократическую метафизику, восстаете против иерархической природы власти. Но поистине власть не может не быть иерархична, и низвержение всякого иерархизма есть низвержение всякой власти, т. е. возвращение к изначальному хаосу. Доныне и во всех демократиях сохранялось иерархическое начало. Последовательной демократии, низвергающей всякий иерархизм, никогда не было и быть не может. Такая последовательная демократия и есть анархия. Она возможна лишь как кратковременное переходное состояние, после которого вновь образуется власть через дифференциацию и неравенство, через восстановление иерархического начала, хотя бы и в совершенно новых формах. После французской революции и после всех революций, следовавших за французской, Европа осталась иерархической. Европа пытается сочетать иерархическое начало с демократическим. Процесс этот протекает в непрерывной борьбе, он означает в высшей степени неорганическое состояние всех европейских государств и народов. Но цивилизованные народы не могут допустить низвержения своего существования в анархический хаос и потому держатся за вечно обновляющее и возрождающее иерархическое начало. Всякое государство основано на неравенствах, на дифференциациях в строении общества, на различиях и расчленениях в народной стихии, в массе. История советской социалистической республики блестяще это доказывает. Нет государства и нет власти, пока существуют нерасчлененные, хаотически смешанные стихии и массы. В этих стихиях и массах всё тонет и исчезает, ничто не направляется и не осуществляется никакие цели. Направляющая и осуществляющая цели власть родилась лишь в тот день, когда возникло неравенство, произошло расчленение и дифференциация, выделились качественные элементы. Власть

государственная родилась в насилиях, но насилия эти были благостны и они поставили цели мирового движения в тьме, неспособной ни к каким различиям. Первый насильник, образовавший власть в хаосе, установивший различия, поставивший цели, был благодетелем человечества, и на нём почил Божье помазание. Вы же ведете процесс против этого первого насильника и против его рода, вы в нём видите источник зла, от которого хотите освободить мир. В этом ваша ошибка. Происхождение власти – монархическое, а не демократическое, она возникла из почитания героя. Вы ложно мыслите о природе человека и природе мира, вы, ни во что высшее не верующие, позитивисты, материалисты и рационалисты, вы впадаете в слащавый оптимизм и прекраснотушную идеализацию, когда заходит речь о первобытной природе человека и человеческом обществе. Вы не видите зла, не видите его в изначальной глубине человеческой природы, вы забываете о той хаотической звериности, о которой учит и признаваемая вами положительная наука, и потому зло относится к возникновению государства, социальных дифференциаций или неравенств, в которых образовывались все культуры. Один из ваших учителей, Ж. Ж. Руссо выдумал нелепую теорию общественного договора. В основе этой теории лежало прекраснотушно-оптимистическое представление о безгрешности и доброте естественного человека – предположение, прямо противоположное всему, чему учит и религия, и наука. В теории этой были разложены все органические единства, общество человеческое было атомизировано и воссоздание общества и государства поставлено в зависимость от механической суммы атомов. Не только общество и государство в этой теории потеряли органическую целостность, но и человек перестал быть органической индивидуальностью, всегда неповторимой в своем своеобразии и своей судьбе, превратился в атом. Так сначала государство ставится в зависимость от человеческого произвола, а потом человек ставится в зависимость от произвола государства. В этом есть истребляющее противоречие. То отождествление государства с обществом, которое утверждается теорией общественного договора и народного суверенитета, ведет к совершенному деспотизму. Поистине, государство менее деспотично, чем общество, возмнившее себя государством. Отрицаются религиозные истоки государства, независимые от человеческой воли и человеческого произвола, но именно потому и утверждается безграничная власть государства-общества над человеком. Учение Руссо есть самоистребление человека, самая горькая из неволь – неволя человека у людей, а не у начал высших, чем человеческие. Государство, как объективное начало, не утверждает, что ему целиком принадлежит человек, оно претендует лишь на часть человека. Общество же человеческое, произвольно создаваемое людьми, не знает границ своим притязаниям, оно готово забрать человека целиком. Государство спасает человека от коллективизма, поглощающего личность. В этом одна из миссий государства. Человек ограничивается стоящими над ним объективными началами и этим охраняется. Теория общественного договора не только религиозно и научно несостоятельна, но и ужасна по своим тираническим последствиям. Другой учитель ваш, К. Маркс, признавал объективную необходимость, он любил ссылаться на железную закономерность. Но не в этом был его пафос. Пафос объективности, природной необходимости и закономерности не пленил бы вас. Вы потому за ним и пошли, что он провозгласил беспредельный классовый субъективизм, что он обоготворил волю пролетариата. Объективную, обращенную к закономерности и необходимости сторону в учении Маркса вы никогда не могли принять до конца и быстро забыли о ней. Но вас пленяло учение о том, что государство есть организация классового господства. В этой поверхностной и жалкой теории вам понравился субъективный человеческий произвол, с которым можно низвергать одно классовое господство и заменять его другим. Для этого сознания общества и государства слагаются не из абстрактных атомов, а из абстрактных классов. Но и в том и в другом случае пафос ваш есть пафос вражды ко всему онтологическому в жизни общества, ко всему, проистекающему из большей глубины.

В общественной философии, в учениях о государстве здоровым противоядием против революционного произвола, против субъективного разложения всех объективных реальностей может быть и социологический натурализм. В социологическом натурализме есть ограниченность, он не видит последних, онтологических, духовных основ в жизни обществ и государств. Но в нём есть какая-то частичная правда против неправды социологического субъективизма, царящего во всех революционных идеологиях. Не случайно великий «реакционер» Ж. де Мэстр может быть признан одним из вдохновителей натуралистической социологии XIX века. Он дал религиозное обоснование тому учению об обществе, которое было в высшей степени благоприятно для утверждения объективной, природной закономерности общественных процессов и которое получило научное обоснование. Пафос объективной закономерности и необходимости может дезинфицировать разгоряченную революционную атмосферу, он склоняется перед непреложными и непреодолимыми реальностями. И более всего необходим он в отношении к государству. Государство есть объективная природная и

историческая реальность, которая не может быть ни создаваема, ни разрушаема по человеческому произволу. И те, которые не хотят и не могут принять этой реальности религиозно, должны принять её натуралистически, в силу принуждения научной закономерности. Объективная необходимость, железная закономерность тяжело ударяют по тем, которые добровольно и осмысленно не принимают исторических реальностей. Бунт карается законом необходимости. И если все революции кончались контрреволюциями, иногда очень жестокими и безобразными, то это были необходимые реакции исторических реальностей, реакции самой природы в её глубине, не соглашающейся быть изнасилованной, а не только злой воли людей и людских групп. Такова онтологически существенная сторона «реакций», совершенно недоступная вашему «просвещенному» сознанию, а не поверхностная их сторона, в которой всегда бывало много человечески дурного.

Нельзя отрицать значения борьбы рас и завоеваний в образовании государства. Через эти «натуралистические» пути организовалась государственная власть в первоначальных стадиях развития обществ. В суровой борьбе и войне образовалась раса правителей, происходил подбор лучших, укреплялась аристократия власти. В жизни человеческих обществ, в историческом процессе раса имеет огромное значение. Без образования расы лучших и сильнейших, расы царственной, мир человеческий никогда не вышел бы из темного нерасчлененного хаоса. В истоках истории дифференциация и качественные подборы происходили путем воинственной борьбы рас и народов, путем завоеваний и побед более сильных над более слабыми. И эти «натуралистические» способы образования и организации государств нисколько не противоречат религиозным и мистическим основам государства. В социологическом натурализме Л. Гумпловича есть несомненная доля истины, и он вполне может быть отделен от позитивизма Л. Гумпловича. Государства основывались на расовых неравенствах, на преобладании расы сильнейших и лучших. И в первоначальной истории человеческой в преобладании естественной силы есть своя правда. Если мы справедливо восстаем против преобладания силы над правом, то этим не выражена ещё последняя истина. Это идеалистическое суждение должно быть возведено к каким-то реалистическим основам и источникам. Гуманистические декламации об отношении силы и права не решают проблемы. На большей глубине сила должна быть признана источником права, но сила, имеющая онтологическую основу. Натуральная же сила на известных ступенях развития человечества может быть выражением онтологической силы, т. е. через нее может осуществляться какая-то правда. Без силы, возникающей из недр природы, не могла бы начаться и торжествовать правда в мире. Через силу, силу природы и породы, должен быть введен свет в тьму. И не могло быть гуманитарного отношения к этой тьме, не могло быть построено отношение к ней на праве бессильном. Волны первоначального хаоса, тьмы и дикости захлестнули бы человеческую цивилизацию, если бы в побеждающей силе не было подбора более высоких качеств и более светоносных начал. Все государства родились в кровавых насилиях. Первый властитель был величайшим насильником. Но так жалки все ваши декламации против этих насильий, все ваши бунты против этих царственных насильников. Поистине, ветхозаветно благостны и праведны были эти насилия, и никогда без них не поднялись бы мы из тьмы и хаоса до человеческого космического состояния. Без этих священных насильий род человеческий утонул бы в зверином хаосе у самых истоков своей истории. Вы должны подчиниться божественному миропорядку, принять внутреннюю правду водительства в истории сил, или вы будете раздавлены природными силами, которые для бунтующих принимают форму внешней закономерности и необходимости.

Самые рассудительные из вас готовы признать значение государства. Но слишком утилитарно признаете вы государство и потому хотели бы ограничить его каким-нибудь служебным минимумом. Но государство не есть способ устройства ватерклозетов. Государство есть некая ценность, и оно преследует какие-то большие цели в исторической судьбе народов и человечества. Не только с малым, но и с большим связано государство. По природе своей государство стремится к усилению и расширению. Сила государства есть ценность. Сила государства имеет не утилитарную цель, не для мещанского благополучия людей она существует, а для выполнения более высокой миссии. Государство не может потерпеть, чтобы у него были подрезаны крылья, – оно устремлено в историческую даль. Неотвратный рок влечет всякое большое государство к стяжанию себе могущества, к увеличению своего значения в истории. Большое государство не может добровольно согласиться на ограниченное мещанское существование и никогда в истории не соглашалось на это. Империализм есть рок всякого большого государства, его мечта о величии и мировой шири. Империализм есть не только реальная политика больших государств, претендующих на мировую историческую роль, но и их романтика. Империализм есть

завершение и цветение всякого большого государства, его предел. В империалистической мечте есть что-то демоническое и пожирающее. Большие государства великих исторических народов подчинены неотвратимой империалистической диалектике, через которую они достигают могущества и погибают, возносятся на вершину и ниспадают. В империализме на вершине его достижений нарушаются границы государства, государство переступает свои пределы и переходит во всемирное единство, которое уже не может быть названо единым государством, отличным от всех других государств. Империя всегда стремится быть всемирной империей. И по идее только и может быть одна, единая мировая империя. Империя с трудом терпит существование рядом с собой других империй. Такова чистая идея империи, это – идея всемирного объединения. Эмпирически же в истории идея эта не реализуется в чистом виде, она подвергается замутнению и дроблению. Империалистическая идея противоположна всякому мещанству в государственном существовании, всякой ограниченности, сдавленности и прикованности к небольшому куску земли. Вы, подымающие уличные крики против империализма и изобличающие его «буржуазность», вы – настоящие мещане и во имя мещанских идеалов бунтуете против великих и непонятных вам исторических задач. Вы хотите, чтобы государство и общество жили исключительно понятными, рассудочно осмысленными целями, малыми, близкими, ограниченными, вы бунтуете против всякой исторической дали, таинственной и иррациональной, для большинства людей непостижимой. Ибо непостижимо для большинства людей, почему Александру Македонскому с огромными жертвами нужно было образовать великую монархию и объединить Восток и Запад, почему нужна была Римская Империя, почему лучшие люди средневековья жили мыслью о всемирной монархии, о священной империи, почему Наполеон предпринял свои безумные походы в погубившую его даль, почему в наши дни разгорелась страшная мировая война и столкнулись империалистические воли к преобладанию. Все это – безумие, бессмыслица и преступление перед судом рассудочного мещанского сознания, знающего лишь благо людей и людских поколений. От неведения, от страха перед всем далеким и таинственным ведете вы ваши мещанские бунты против великих исторических сил и великих исторических задач. Вы схватились за «буржуазность» современного империализма, но вы забыли, что стиль современного империализма «буржуазен» потому, что всё в современной жизни имеет «буржуазный» стиль, на всем лежит печать современного экономизма. Как будто бы менее «буржуазен» ваш социализм, как будто бы менее «буржуазны» все ваши революции? Не «буржуазен» разве стиль вашей души, не «буржуазны» разве все ваши цели? Вы забыли в сутолоке наших дней о древних истоках империализма, забыли о существовании империализма «священного», столь непохожего по стилю своему на современный торгово-промышленный империализм. Империализм стар, как мир, он возник не в нашу буржуазно-капиталистическую эпоху. Империализм – одно из вековечных мировых начал. В древнем Египте, Ассирии, Вавилоне, Персии была уже империалистическая воля к образованию всемирной империи, к выходу за пределы мещанского государства. В образовании великих восточных монархий, всегда стремившихся к всемирному объединению, действовали, казалось бы, факторы самые натуральные и экономические. На древнем Востоке происходила естественная борьба монархий, естественная смена одной монархии другой, подбор сильнейших и гибель слабейших. Но в этой природной среде, через эти природные силы реализовались какие-то далекие, таинственные цели истории, свершался смысл истории. Древний империализм имел не только естественную, но и священную основу, и он был освящен религиозно. Величайшим достижением древнего империализма была всемирная монархия Александра Македонского. Религиозное освящение своей власти Александр Великий получил из Египта, от египетских жрецов. К всемирной монархии Александра вели все предшествующие великие империалистические образования и непосредственно империализм персидский. В ней совершилось небывалое ещё столкновение, соприкосновение и объединение двух миров – Запада и Востока. Оба мира вышли из своего замкнутого состояния, и образовалась небывалая ещё ширь и даль горизонта. Вся эллинистическая эпоха была духовным объединением и обогащением человечества на почве империалистической борьбы, империалистических достижений. В истории обычно достигается и реализуется не то, что ставилось непосредственной целью. Всемирная монархия, к которой стремился Александр Великий, оказалась очень непрочной и кратковременной. Но результаты дела Александра Великого для мира и человечества оказались неисчислимыми и вечными по своему значению, – выковывалось единство человечества. Следующий империалистический этап – Римская Империя – была величайшим достижением в истории империй, в ней достигнута была истинная всемирность. Но те римляне, которые создавали Римскую Империю, и не подозревали, что они служат более далекой и таинственной цели, чем образование великого мирового государства, что они создают естественную основу в едином человечестве для Вселенской Церкви Христовой и что дело их останется и после того, как будет разрушено созданное ими великое государство. Так всегда бывает в

истории. Ближайшие реальные цели служат лишь временным средством для далеких и таинственных исторических целей. Империализм английский преследовал довольно эгоистические торгово-морские и промышленные цели. Но послужил он делу мирового объединения человечества, выходу европейской культуры за свои пределы в мировую ширь. И состязание современных «буржуазных» империалистических воль к мировому могуществу имело какой-то высший таинственный смысл. Но вам, мещанам от демократии и социализма, сдавленным рассудочным сознанием, не дано понять этого смысла. Пора уже перестать прямолинейно морализировать над историей и переносить на историческую действительность критерии индивидуалистической морали. Морально одинаково были правы или одинаково не правы персы и греки, когда боролись за свою силу и своё преобладание, и морально одинаково правы или не правы германцы и англичане, когда они боролись за свою силу и преобладание. Борьба империалистических воль в истории не есть борьба добра и зла; это свободное состязание народов и государств, среди которых нет совершенно отверженных Богом и исключительно Им избранных. И не так уж не прав английский империалист Крэмб, когда он говорит: «Если страшному событию войны с Германией когда-либо суждено совершиться, то земля увидит столкновение, которое более чем что-либо напомнит описание великих греческих войн... И мы можем представить себе древнее могучее Божество тевтонского племени, обитающее под облаками, спокойно взирающее на землю, на столкновение своих любимых детей, англичан и германцев, ринувшихся в смертельную борьбу; Божество, улыбающееся героизму этой борьбы, героизму детей Одина, Бога войны». Бог Крэмба – языческий бог, но и христианский Бог предоставляет своим народам свободу в проявлении своей духовной и материальной мощи. Никакая побеждающая сила не может быть исключительно материальной, она всегда имеет и духовную основу, духовный источник. В историческом процессе необходим естественный подбор духовно-материальных сил. Торжество слабости вело бы к понижению уровня человечества. Вы выбросили проблему империализма на поверхность. Её необходимо рассматривать на более глубокой глубине. Тогда лишь раскроется нам двойственная природа всякого большого, сильного и возрастающего государства: с одной стороны, государство хочет быть отдельным национальным государством в ряду других, имеющих пределы и индивидуальные формы, с другой стороны оно стремится преступить пределы особого государства и стать государством мировым. Национальное государство – мещанское государство, оно может быть более спокойным и довольным. Империалистическое государство находится во власти таинственного исторического рока, который сулит ему и величие и гибель, оно вступает в историческую трагедию, из которой нет уже выхода. Но великий народ притягивают дали и пленяет слава более, чем мещанское спокойствие и довольство. Нужно, впрочем, оговориться, что в путях своей трагической исторической судьбы империализм создает и мещанское довольство, которым пользуется для своих целей. Но империализм есть лишь путь, судьба народов и государств. Он несет в себе семя смерти. На смену ему идет всемирный империалистический коммунизм. И самая идея принудительного всемирного единства и господства есть ложная и призрачная идея.

Существование государства в мире имеет положительный религиозный смысл и оправдание. Власть государства имеет божественный онтологический источник. Отрицание онтологического источника власти в наше время есть разрушение органических реальностей, нарушение космического строя. Но государство не обладает безгрешной и чистой природой, в нём может обнаружиться злое и даже дьявольское начало, оно может перерождаться и служить цели, противоположной своему назначению. Всякое начало может обращаться в свою противоположность и падать. Государство имеет не только природный, но и божественный исток. Он есть действие божественного начала в замутненной природной среде, преломление абсолютного начала в относительном. Но недопустимо обоготворение государства, недопустимо превращение его в абсолют, недопустимо воздаяние ему божеских почестей. Абсолютный империализм есть антихристова ложь. Государство не должно быть самодержавным, неограниченным, не подчиненным никаким высшим, сверхгосударственным началам. Эта высшая истина была ещё закрыта для языческого сознания. Древний, дохристианский мир не знал границ государства. Он не был способен к различениям. Божественное тонуло для него в природном и природная необходимость не ограничивалась божественной правдой. Государство было природной необходимостью, ограничивающей звериный хаос. Проблема же ограничения самого государства не могла ещё стать перед сознанием древнего мира. Все народы древнего мира стремились создать могущественную власть, которая овладела бы хаотическими стихиями, которая вывела бы из звериного состояния. Эта власть была освящаема религиозным сознанием народов древнего мира. В великих монархиях Востока царской власти придавалось божественное значение и ей воздавались

божеские почести. Древний Египет был колыбелью этого религиозного освящения царской власти. Там цари непосредственно происходили от богов. И в этом выделении царской расы из остальной расы человеческой была своя мудрость. Человеческая природа не была ещё достаточно освобождена от стихийных сил низшей природы и поднята вверх, чтобы права её могли быть противопоставлены государству и могли ограничить его власть. Через деспотии Востока человек медленно и трудно выходил из природно-хаотического, стихийно-звериного состояния. Государство не было ограниченной и очерченной сферой для людей древнего мира, оно было для них всем. И так ценили люди древнего мира защищающую от природных стихий силу государства, что даже в Греции, наиболее человеческой, гуманистической Греции не могли поставить границы государству. Этим границ не знал и сам божественный Платон.

Религиозное освящение и обоготворение царской власти на Востоке заключало в себе семя, из которого впоследствии в Риме, в иной духовной атмосфере, в ином возрасте человечества, возник культ цезарей, признание цезаря человекобогом. И тогда произошло столкновение культа римских цезарей, воздававшего им божеские почести, со светом Христовым, просветившим мир. Когда первый христианин принял мученическую смерть, потому что не пожелал воздать божеские почести цезарю, он навеки религиозно ограничил притязания государственной власти, он противопоставил им бесконечную природу человеческого духа как духовный предел. На крови мучеников созиждилась церковь Христова и образовалось новое царство духовное, противоположное языческому царству кесаря и его безграничным притязаниям. Духовное самодержавие государства кончилось. Открылся новый духовный источник правды, от государства независимый. Лишь христианскому сознанию впервые открылись границы власти государства, лишь для него стало впервые возможно различие и разделение двух царств. От слов Христа «воздайте кесарево кесарю и Божье Богу» началась новая эра в истории государств в мире. «Царство кесарево» и «Царство Божие» различаются и вступают в очень сложные, полные драматизма соотношения. Драматическое взаимодействие и столкновение «царства кесаря» и «Царства Божьего» не прекратилось и доньше, оно будет существовать до конца времен и лишь вступает в новые фазисы. Христианское сознание отвергло всякое самодержавие государственной власти, будь то самодержавие кесаря или самодержавие народа. Оно поставило предел всякой человеческой власти, власти одного, многих или всех. Эта христианская истина возвышается над всеми формами государственной власти и не означает ещё предпочтения той или иной формы. В христианском мире царство кесаря ограничено церковью Христовой и бесконечной природой человеческого духа, раскрывшейся лишь через Христа. Источник ограничения власти государственной – чисто религиозный, духовный. В первооснове своей это не есть ограничение государства обществом и общественными группами, требующими тех или иных конституционных гарантий, это есть прежде всего ограничение государства церковью и душой человеческой. В христианском откровении заключалась совсем особая «декларация прав» человеческой души, усыновленной через Христа Богу. В христианском мире государство не может уже претендовать на человека целиком, власть его не распространяется на глубину человека, на его духовную жизнь. Глубина человека принадлежит церкви, а не государству. Государство имеет дело лишь с оболочкой человека, оно регулирует лишь внешние отношения людей. И в мире христианском государство слишком часто переступает свои пределы, вторгается не в свою область, насилует душу человеческую. Но это уже грех государства, уклонение его от правого пути. Духовно государству положены пределы на веки веков и признаны права человеческой души. Это верно и по отношению к самодержавным монархиям, которые не ограничены обществом и общественными группами, но ограничены церковью и правами человеческой души. Поскольку же самодержавие переступило пределы национально-исторической формы монархии, религиозно священной, но не обоготворенной, и склонялось к обоготворению кесаря, оно изменяло Христовой правде и вступало на путь культа человекобога. Этот уклон всегда сильнее был на Востоке, в Византии и России, чем на Западе. На Западе, в католичестве, с особой силой был признан и установлен предел власти государства, царства кесаря. Культ кесаря из Рима вернулся на свою родину, на Восток. На Западе сильнее были почуствованы права человека. И вы все, отступившие от христианства, забывшие свою духовную родину, вы требуете освобождения человека и ограничения власти государства над ним, не ведая, откуда идет это освобождение и ограничение. Вы утратили религиозное знание отцов ваших и беспомощно, искаженно, в секуляризованном виде выражаете старую христианскую истину. Всякое ограничение притязаний государства и всякое утверждение прав человека имеет своим источником христианскую церковь и христианское откровение о богосынстве человека. Это забыли люди нашего времени. И потому, когда они в революциях хотели освободить

человека и утвердить его право, они создавали новую и более страшную тиранию – самодержавие общества и народа. Они расковывали старый хаос, и тогда старая правда государства вступала в свои права.

Но утверждение мистичности государства, религиозного характера власти не означает непременно теократической концепции государства и власти. Теократия есть прежде всего начало древнееврейское. Христианская теократия, западная – папистская и восточная – цезаристская, означала преобладание ветхозаветных начал внутри христианства. Большая правда была не в папской теократической идее и не в царской теократической идее, а в дуалистической концепции Данте, который был не только выразителем духа средневековья, но и провозвестником новых времен. Священный смысл империализма не означает непременно теократической его концепции. В империализме есть напряжение человеческой воли, воли народов, и в этом историческом напряжении человеку и народу предоставлена значительная свобода. Задача создания великой империи не может быть простым выполнением религиозного закона, религиозной заповеди, как хотело бы теократическое обоснование империалистической идеи. Империалистическая воля всегда переходит за пределы закона. Героями империалистической идеи были Александр Великий, Юлий Цезарь, Петр Великий, Наполеон, Бисмарк – люди демонической воли. Теократический империализм – слишком гладкая концепция, стирающая глубочайшие и трагические противоречия человеческой души. Антиномия «царства кесаря» и «Царства Божьего» никогда не может быть замирена и преодолена в пределах земной эмпирической жизни. Государство и церковь не могут быть ни окончательно соединены, ни окончательно разделены, – они находятся в антиномическом взаимодействии, они и помогают друг другу, и противятся друг другу. Христианство оправдывает и освящает государство, но в строгом смысле слова «христианское государство» невозможно. В природе государства всегда будут если не антихристианские, то во всяком случае внехристианские, языческие элементы. Государство не может быть до конца христиански благочестивым. Государство не есть откровение христианской любви и благодати, братства людей в Духе. Государство – явление порядка природного, а не благодатного. И во всех построениях христианского государства чувствуется фальшь и ложь. Царство Божие есть благодатное, сверхприродное царство, и в нём нет уже принудительного государства. Но ошибочно было бы видеть в государстве необходимый минимум, необходимое зло, наименьшее зло для греховного человечества, которое отменяется, когда человечество подымается на более высокую ступень. Так думают многие из вас, сочувствующих христианскому анархизму. Нет, вам не удастся загнать государство в темный угол. Государство имеет положительные задачи, оно стремится к максимуму. Империалистическая идея вечно волнует государство. «Царство кесаря» есть самобытная сфера, необходимая для богатства и мощи Божьего мира, в нём осуществляются какие-то творческие задачи, неосуществимые другими путями. Царство кесаря – огромная ступень иерархии бытия. Оно становится царством зла лишь тогда, когда требует себе божеских почестей, когда его обоготворяют, когда им подменяют Царство Божие, когда оно посягает на глубину человеческого духа, на бесконечную его природу. Вот почему так важно различие и разграничение двух царств, которое навеки предуказано Христом. Государство имеет религиозную основу, и разложение этой религиозной основы подвергает его опасности разложения. Имманентная основа государства – духовна, а не материальна. Но в секуляризации государства есть своя относительная правда. Государство выходит из старых, трансцендентных религиозных санкций. Оно проходит через расщепление органического своего склада. Но поскольку оно теряет свою внутреннюю духовную религиозную основу, оно подвергается процессам разложения и испытывает великие потрясения. Мы должны прямо и бесстрашно признать, что бытие государства в мире перед судом религиозного христианского сознания антиномично и что антиномизм этот не может быть преодолен никакими гладкими христианско-теократическими и христианско-анархическими построениями. Бог хотел государства для выполнения своих предначертаний. И вам не переделать и не исправить воли Божьей. Нам остается лишь изжить до конца религиозные противоречия государства. Для всякого христианина его отношение к государству порождает трагические конфликты. Их нельзя избежать, их нужно до конца принять. Та христианская истина, что душа человеческая стоит дороже, чем все царства мира, не есть отрицание и уничтожение государства. Не правы все вы, враги государства, хотящие использовать христианскую истину для своих целей. Вы любите иногда пользоваться христианством для утилитарных целей. И в этих случаях в ваше обладание не поступает и крупинка христианской правды, она целиком от вас ускользает. У вас остается лишь шелуха, лишь внешние формулы и слова, потерявшие свой смысл. Как злоупотребляют Евангелием те, которые в него не верят. В этом есть что-то внутренне

безобразное. Это безобразие достигает чудовищных размеров у Толстого. Вы бы очень хотели перелетать христианство на гуманистический лад. Но это не удастся вам. Все ваши «христианские» возражения против государства – в сущности гуманистические возражения. Весь анархизм ваш, для обоснования которого вы привлекаете и христианские аргументы, основан на позитивистическом гуманизме, христианство же для вас есть лишь шелуха.

Очень сложно отношение государства и гуманизма. В государстве действует не только божественное начало, от которого оно произошло и которым освящено, но и начало гуманистическое, чисто человеческое начало. Это гуманистическое начало всегда действовало в царской власти. Оно было в Александре Великом, и оно достигло крайнего выражения в Наполеоне. Чисто человеческая активность была и в русской царской власти и бюрократии, быть может единственная историческая активность в России. В основе государств и империй лежит аристократический гуманизм. Но есть другой, расслабляющий демократический гуманизм, который ведет к разложению и крушению государств и империй, который враждебен всякой исторической силе и всякому историческому величию. Он не хочет допустить жертв человеческими личностями и человеческими жизнями, так как не может оправдать этих жертв в пределах эмпирической земной жизни, а иной жизни не признает. Ваш демократический и антирелигиозный гуманизм исполнен размягчающего и сентиментального отвержения суровости, жестокости и холодности государства, потому что вы не верите в смысл жизни, превышающий эмпирический отрывок человеческой жизни. Демократический гуманизм возникает как кара за ложные пути аристократического гуманизма. Вы по всему построению своего духа не можете признать, что с государством связана ценность, переходящая в вечность. Ваш гуманизм допускает государство лишь как утилитарное средство для блага и удовлетворения земной жизни людей. Вы превращаете государство в организацию интересов и хотели бы свести его к коммерческому хозяйственному учреждению, превратить его в торгово-промышленную контору. И вы разлагаете государство как самостоятельную реальность и ценность. Государство не может быть оправдано интересами. Оно ограничивает интересы всякого живущего поколения и подчиняет их великому прошлому и великому будущему. В нём действуют не только ныне живущие, но также умершие предки и не родившиеся ещё потомки. Все ваши либеральные, демократические и социалистические учения о государстве идут мимо природы государства. Учения ваши не улавливают существа государства, но они выпускают энергии, разлагающие это существо. Судьба государства и диалектика его такова, что, когда в абсолютной монархии обнаруживается гуманистическое самоутверждение, изменяющее религиозной миссии власти, когда Людовик XIV говорит: «L'Etat c'est moi», – революционный народ отвечает другим гуманистическим самоутверждением и демократия говорит: «L'Etat c'est moi».

Все утопии совершенного, божественного государства на земле основаны на смешении разных планов, смешении этого мира – с миром иным; все они являются негодными попытками вмести́ть четвертое измерение в трехмерное пространство. На этом же основаны и все утопии, отрицающие государство, утопии безгосударственного совершенного состояния на земле. Государство есть трудный и жертвенный путь человеческий в трехмерном, а не четырехмерном пространстве, в природном мире, лежащем во зле. Государство не может быть основано лишь на любви. Царство любви есть царство благодати, Царство Божие, а не царство кесаря. На любви основана церковь, а не государство. Царство это есть иное измерение бытия, чем государство. Эти два царства сосуществуют, соприкасаются, приходят во взаимодействие, но никогда не сливаются, не отождествляются и не исключают друг друга, не вытесняют друг друга. Все попытки навязать государству христианскую любовь, как единственную основу, ведут к тирании. Христианская любовь может быть лишь свободным цветом человеческой жизни и человеческого общения, а не принудительной их основой. Право потому и имеет такое огромное значение в человеческом общении, что оно является охраной и гарантией минимума человеческой свободы, что оно предохраняет человека от того, чтобы жизнь его целиком зависела от моральных свойств, от любви или ненависти другого человека. Свобода и независимость человека требуют того, чтобы в основу государства была положена не только любовь, но также принуждение и право. В этом есть высшая правда. Монизм в общественной жизни, исключительное преобладание лишь одного начала всегда ведет к тирании, к угашению многообразия и богатства жизни. Наибольшую свободу и многообразие дает совмещение множественных начал, взаимодействующих друг с другом, внутренне подчиненных духовному центру. [1 – французский оккультист Фабр д'Оливе построил остроумную социальную систему, основанную на совмещении трех начал – Божественного Провидения, необходимости и человеческой свободы. В этом есть много верного.] Все утопии страдают крайним социальным монизмом и потому

ведут к тирании. И, быть может, самая страшная тирания та, которая пленена полным отрицанием государства во имя того или иного начала, классового или индивидуалистического, международного или народного. Наибольшая же свобода дается тогда, когда человек чувствует и сознает себе имманентным, а не трансцендентным государство, как и все сверхлические реальности и единства.

Письмо четвёртое

О нации

Люди вашего, враждебного мне, склада мало думали о нации и национальной проблеме. Вы готовы ещё признать государство по утилитарным соображениям. Но вы не способны были проникнуть в интимную тайну национального бытия. Правда, вы признаете права угнетенных национальностей и для этих национальностей готовы стать самыми крайними националистами. Многие из вас выставляют на своем знамени право самоопределения национальностей. Но это и доказывает, что к тайне национального бытия вы можете подходить лишь внешне, что внутрь её вам нет доступа. Вы готовы были признать национальное бытие и национальные права евреев или поляков, чехов или ирландцев, но вот национальное бытие и национальные права русских вы никогда не могли признать. И это потому, что вас интересовала проблема угнетения, но совершенно не интересовала проблема национальности. Вы провозгласили право свободного самоопределения национальностей, нисколько не интересуясь самими национальностями и даже не веря в существование такого рода реальностей. Вам нужно это «свободное самоопределение» как способ борьбы за ваши политические и социальные идеалы, за отвлеченное равенство и свободу, а отнюдь не за конкретное национальное бытие, не за национальный расцвет. Поистине, в национальном бытии есть недоступная для вас иррациональная тайна, скрытая глубоко в земле. Вы никогда туда не проникаете, вы всегда остаетесь на поверхности. Вы очень чувствительны к еврейскому вопросу, вы боретесь за права евреев. Но чувствуете ли вы «еврея», чувствуете ли вы душу еврейского народа, проникали ли вы когда-либо в эти тайны, в эти таинственные судьбы еврейства, восходящие к древним истокам человечества? Нет, ваша борьба за евреев не хочет знать евреев, не признает существования «еврейского», она есть лишь интернациональная борьба за уравнение, борьба за человека абстрактного, за абстракцию человека. Вы не знаете конкретного человека в плоти и крови, в роде и племени, человека национального. Ваша борьба за освобождение угнетенных национальностей и за уравнение их есть интернациональная борьба, борьба геометрическая, борьба, отвлекающая и отрывающая национального человека от живого лица, от материнства и отечества. «Угнетатели» национальностей иногда больше их признают, чем «освободители». «Угнетают» живого национального человека в роде и племени, в плоти и крови, «освобождают» же отвлеченного геометрического человека. Я не хочу «угнетать» еврея и еврейское, но не хочу и «освободить» отвлеченно, как абстракцию, человека, теряющего всё своё еврейство. Я глубоко чувствую еврея и еврейство, всю особенность и неповторимость еврейской судьбы, всю исключительность и непреодолимость её. Это моё чувство переходит в сочувствие. Но я не верю в уравнительное и смесительное разрешение еврейского вопроса. Тайна всякого национального бытия заслуживает сочувствия. В нее нужно вникать даже тогда, когда речь идет о враждебной нам нации. Германский народ был нашим врагом и мы должны были бороться против него. Но неповторимо своеобразное в германском, самое интимное в германском духе, подлинно индивидуальное в выражении германского лица всегда, и в момент борьбы, казалось мне заслуживающим сочувственного вникновения. В вашей интернационалистической борьбе за освобождение и уравнение национальностей не чувствуется восприятия национальных лиц, нет в ней любви к национальному образу. Прав был К. Леонтьев, когда он признал вашу национальную политику лишь орудием всемирного разрушения и увидел в ней лишь торжество демократии и космополитизма. Ваш принцип «право самоопределения национальностей», столько опошленный в русской революции, есть антиисторическая абстракция, выдуманная теми, которые отрицают ту неповторимую реальность, которая именуется национальностью. Национальность не может быть вырвана из конкретной истории, и право её не может быть рассматриваемо абстрактно. Каждая национальность в разные периоды своего существования имеет разные права. И все исторические национальности имеют разные права. Эти права не могут быть уравнены. Существует сложная иерархия национальностей. Бессмысленно и нелепо уравнивать права на самоопределение русской национальности и национальности армянской, грузинской или татарской. Бессмысленно и нелепо подходить с одной абстрактной меркой к правам национальности германской и

национальности испанской в данный момент мировой истории. В жизни наций бывают периоды расцвета и периоды отцветания, периоды высшего напряжения их силы и периоды слабости. И права их на самоопределение в этих случаях различны. Вопрос о правах самоопределения национальностей не есть вопрос абстрактно-юридический, это прежде всего вопрос биологический, в конце концов мистико-биологический вопрос. Он упирается в иррациональную жизненную основу, которая не подлежит никакой юридической и моральной рационализации. Все исторические национальности имеют совершенно разные, неравные права, и они не могут предъявлять одинаковых притязаний. В историческом неравенстве национальностей, неравенстве их реального веса, в историческом преобладании то одних, то других национальностей есть своя большая правда, есть исполнение нравственного закона исторической действительности, столь непохожего на закон действительности индивидуальной.

Нация есть категория историческая по преимуществу, конкретно-историческая, а не абстрактно-социологическая. Она есть порождение совершенно своеобразной исторической действительности, и тайна её недоступна тем, которые совершенно лишены чувства исторической действительности, которые пребывают целиком в абстрактных социологических категориях. Вы, люди абстрактного социологического мироздания, не можете понять тайны национального бытия, потому что вы вообще разлагаете нацию на абстрактные социологические элементы. После анализа вашего от нации ничего не остается. Поистине, нация не поддается никаким рациональным определениям. Никакие рационально уловимые признаки не исчерпывают её бытия. Все дальше и дальше, в таинственную, иррациональную глубину уходит бытие нации по мере приложения к ней рациональных психологических или социологических определений. Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы. Сознание этого единства и есть национальное сознание. Но единство исторической судьбы и есть иррациональная тайна. В этой точке национальное сознание погружено в глубину жизни, в недра исторической реальности, единой и неповторимой. Еврейский народ глубоко чувствует это таинственное единство исторической судьбы, хотя он утерял почти все признаки национального бытия, и язык, и территорию, и государство, отступал и от старой веры своей. Сознать это таинственное единство исторической судьбы могут элементы смешанной крови, происходящие от сложных расовых слияний. В биологических основах исторической национальности не бывает чистой крови, чистых рас. Образование исторической национальности есть уже результат сложного взаимодействия и смешения рас. Раса сама по себе есть фактор природно-биологический, зоологический, а не исторический. Но фактор этот не только действует в исторических образованиях, он играет определяющую и таинственную роль в этих образованиях. Поистине, в расе есть таинственная глубина, есть своя метафизика и онтология. Из биологических истоков жизни человеческие расы входят в историческую действительность, в ней действуют они как более сложные исторические расы. В ней разное место принадлежит белой расе и расе желтой, арийской расе и расе семитической, славянской и германской расе. Между расой зоологической и национальностью исторической существует целый ряд посредствующих иерархических ступеней, которые находятся во взаимодействии. Национальность есть та сложная иерархическая ступень, в которой наиболее сосредоточена острота исторической судьбы. В ней природная действительность переходит в действительность историческую. Образование еврейской исторической национальности было уже результатом скрещивания рас и смешения крови, в ней элемент чисто семитический встретился с элементами несемитическими. Чемберлен видит причину отрицательных сторон еврейской национальности в том, что смешение это было преступным кровосмешением, соединением чистого семита-араба с сирийцем. Но как бы ни объяснялось расовое происхождение еврейства, единая и таинственная историческая судьба еврейского народа началась после того, как образовалась еврейская национальность. В судьбе этой кровь играет огромную роль. Но еврейская национальность представляет уже иную иерархическую ступень, чем, например, семитическая раса, в которой осуществляются разные исторические судьбы. Именно историческая судьба еврейского народа, совершенно необъяснимая рационально, дает нам исключительное чувство истории, исторической реальности. Образование исторических национальностей не есть переплетение явлений биологического характера с явлениями характера социологического, это есть образование исторической конкретности, исторической индивидуальности из природного расового хаоса. Образование исторической национальности есть борьба с изначальной хаотической тьмой, есть выделение лика, образа из безликости и безобразной природы. Это есть благостный процесс возникновения дифференциаций и неравенств в

исторической действительности, где всё конкретно. Если одностороння и неверна исключительно антропологическая, расовая философия истории (Гобин, Чемберлен и др.), то всё же в ней есть какая-то правда, которой совсем нет в отвлеченной, социологической философии истории, не ведающей тайны крови и всё сводящей к рациональным социальным факторам. Исторические дифференциации и неравенства, путем которых образовался исторический космос, не могут быть стерты и уничтожены никакими социальными факторами. И голос крови, инстинкт расы не может быть истреблен в исторической судьбе национальностей. В крови заложены уже идеи рас и наций, энергия осуществления их призвания. Нации – исторические образования, но заложены они уже в глубине природы, в глубине бытия. В самых недрах жизни космической есть потенции национальных судеб, есть энергия, влекущая к осуществлению этих судеб. История внедрена в природу. Историческая действительность есть огромная иерархическая ступень космической жизни. В ней космическая энергия концентрируется и разрешает судьбы мира. Раса, как начало космическое, действует концентрированно в национальности, как в начале историческом. В исторической действительности происходит оформление космоса, величайшая борьба и одоление начал хаотических началами космическими. Историческая национальность есть вечное достижение космического бытия. Разрушение её есть разрушение космоса, возврат к хаосу.

Нация не есть эмпирическое явление того или иного отрывка исторического времени. Нация есть мистический организм, мистическая личность, ноумен, а не феномен исторического процесса. Нация не есть живущее поколение, не есть и сумма всех поколений. Нация не есть слагаемое, она есть нечто изначальное, вечно живой субъект исторического процесса, в ней живут и пребывают все прошлые поколения, не менее, чем поколения современные. Нация имеет онтологическое ядро. Национальное бытие побеждает время. Дух нации противится пожиранию прошлого настоящим и будущим. Нация всегда стремится к нетленности, к победе над смертью, она не может допустить исключительного торжества будущего над прошлым. Вот почему в национальном бытии и национальном сознании есть религиозная основа, религиозная глубина. Религия есть установление связи и родства, преодоление чуждого инобытия, и в родине прежде всего обретает человек эту связь. И всякая попытка оторвать национальность от этой религиозной глубины выбрасывает её на поверхность и подвергает её опасности распыления. Истинное национальное сознание есть глубинное сознание, оно утверждает не истребляющую и смертоносную силу исторического процесса, а охраняющую всё жившее и воскрешающую его силу. Национальное сознание консервативно не потому, что оно враждебно творчеству, а потому, что оно охраняет подлинную жизнь, цельную жизнь от смертоносных истреблений грядущего; оно признает наших дедов и отцов, наших предков, столь же живыми, как и нас самих, как и грядущих потомков наших. Жизнь нации, национальная жизнь есть неразрывная связь с предками и почитание их заветов. В национальном всегда есть традиционное. И поскольку революционизм ваш разрывает связь времен, уничтожает память о прошлом, о предках, он глубоко антинационален. Интернационализм есть религия будущего, не знающего границ в своих притязаниях, а не религия вечного, несет он всему жившему весть о смерти и истреблении, а не о жизни и воскресении. Революционный интернационализм и есть последовательная религия смерти, отрицание нетленности. Эта религия не признает надгробных памятников. Она прямо противоположна тому великому воскрешающему духу, который побуждал древних строить свои могилы и надгробные памятники. Эта религия всепожирающего грядущего не хочет уже заботиться о связи с предками, о могилах предков, об их нетленности и об общей жизни с ними. Национальное сознание глубоко противоположно этому духу. И поверхностно и противоречиво то национальное сознание современных европейских народов, которое отрывается от религиозных своих корней. Современный национализм народов Европы ложен в своих корнях. Но и через ущербное и недостаточное глубокое национальное чувство современные народы приобщаются к религиозной жизни, по-своему стремятся к нетленной жизни. В национальности жизнь противится смерти, которой интернационализм угрожает всем народам. Всякая нация по здоровому инстинкту своему стремится к максимуму силы и цветения, к раскрытию себя в истории. Это – творческая сторона национализма, и ей интернационализм так же враждебен, как и сохраняющей и воскрешающей его стороне. Интернационализм хотел бы остановить рост силы народов, хотел бы сорвать их цвет. Он хотел бы направить жизненное движение народов в сторону, в пустые, промежуточные пространства, в страшные абстракции грядущего. Он хотел бы угасить волю наций к бытию, к историческому восхождению. Он морально пленяет аскетическим отречением от национального эгоизма. Но за этим отречением, толкающим на путь небытия, скрыто человеческое самоутверждение, эгоизм классовый и личный, жажда благополучия, отказ от жертв, которых требует историческая судьба, историческое движение народов ввысь.

Революционный интернационализм истребляет прошлое наций и не хочет допустить их до собственного их будущего. Он повергает их в иное будущее, страшное своей пустотой, своей отвлеченностью. И в самом элементарном, инстинктивном национальном эгоизме есть больше жизненной правды, чем в вашем интернационализме.

* * *

Вы, интернационалисты всех оттенков, совершили самую отвратительную подмену: вы подменили бытие всечеловечества, единого конкретного человечества небытием, которому дали наименование интернационала. Вы безнадежно смешали вселенскость и интернационализм. И вы многих соблазнили, вы привлекли к себе сердца обличием добра. Смешение, подмена и обман начались раньше, до зарождения интернационала социалистического, в гуманистическом пацифизме, в либеральном космополитизме, в масонстве. Там уже конкретное всечеловечество подменено было абстрактным общечеловечеством. В положительное, конкретное всеединство человечества входят все ступени бытия человека, вся полнота, в нём ничто не отменяется и не уничтожается, всё достигает наибольшей силы и выражения. Но конкретного всеединства вы не знаете. Оно дано прежде всего во Вселенской Церкви, в нём единство человечества мыслится религиозно. Вам совершенно чужда та идея, что человечество есть конкретная реальность, как бы некая личность в космической иерархии. В вашем отрицательном абстрактном единстве человечества все иерархические ступени бытия человечества упраздняются, от них происходит отвлечение. В конкретном всеединстве не может быть противоположения между нацией и человечеством: во всеединном человечестве утверждаются все нации, в нём они достигают силы и цветения. В абстрактном единстве человечества бытие наций отменяется – человечества нет в нациях и через нации, и нации нет в человечестве и через человечество. Человечество есть отвлечение от всех ступеней конкретного индивидуального бытия. Во вселенскости нация и человечество – нераздельные и предполагающие друг друга члены единой космической иерархии. В интернационализме нация и человечество взаимно исключают друг друга и, в конце концов, нет ни нации, ни человечества, ибо нет никакой конкретной реальности, никакой конкретной индивидуальности, есть лишь отвлечение. Нет конкретного человека, а лишь абстрактный человек или класс, нет конкретного человечества, а лишь абстрактное человечество, отвлечение от всего органического, живого, индивидуального. Интернационализм противопоставлен не только национализму, но и вселенскости, и положительному всеединству; в нём действует дух небытия, истребляющий реальности во имя призраков.

Я не знаю ничего более отталкивающего и ложного, как попытки некоторых из вас дать интернационализму христианское обоснование и оправдание. Иные наивные и слабые христиане соблазняются этим. Но христианство может быть лишь враждебно интернационализму, оно враждебно духу небытия, духу, истребляющему конкретные реальности во имя абстракций. Христианство утверждает конкретное положительное всеединство, в которое входят все богатства бытия. Но оно не может и иметь ничего общего с тем абстрактным монизмом, в котором исчезает Бог и мир, тонет человек, нация и человечество. Для христианства прежде всего существует душа каждого человека, душа народа, душа человечества. Но оно не знает того, что не имеет души. А имеет ли душу ваш интернационал, ваше интернациональное человечество? Абстракция не может иметь души. Да и ваш интернационализм утверждает не единое человечество, а единый пролетариат. Вы создаете величайшую рознь в человечестве, какую только знает история мира. Вы отрицаете образ и подобие Божие в человеке и утверждаете в нём образ и подобие экономического положения. Для вас не существует человека и человечества, для вас существуют лишь экономические категории, лишь то, что материально есть у человека или чего у него материально нет. И кощунственно всякое сопоставление вашего интернационализма с христианством. Это вы, вы, интернационалисты, отрицаете, что человечество есть единый род Божий, вы самые страшные враги единства человечества. Вы окончательно разрываете в роде человеческом духовную связь будущего с прошлым и духовную связь избранного вами класса – пролетариата – с остальной отверженной частью человечества. И потому вы – убийцы человечества и человека. Христианство зовет к братству народов, как и к братству людей. Но братство народов предполагает существование людей, человеческих личностей. Истинная любовь всегда есть утверждение лика любимого, его неповторимой индивидуальности. И моя русская любовь к французу, англичанину или немцу не может быть любовью к отвлеченному человеку, человеку вообще, она может быть лишь любовью к французскому, английскому или немецкому человеку, к французскому,

Бердяев Н. философия неравенства filosoff.org

английскому или немецкому в нём, к индивидуальному образу. Вы же не знаете любви, не знаете братства. Для вас ничего не существует, кроме абстрактных экономических и социологических категорий, вносящих великую рознь в человечество. Любовь к какой-нибудь национальности, братское к ней отношение предполагает утверждение вечного бытия этой национальности, не допускает исчезновения её в абстрактном человечестве. И вам ли быть глашатаями братства народов? Интернационализм есть безобразная карикатура, изолгание вселенского христианского духа, лживое его подобие. Так и антихрист будет лживым подобием Христа, карикатурой.

* * *

На французском языке есть два слова для обозначения двух существенно различных понятий – nation и peuple. По-русски нет соответствующих хороших слов. Противоположение нации и народа звучит плохо, потому что противопоставляются иностранное слово и русское. Но по установившейся у нас терминологии приходится всё-таки прибегнуть к этому противоположению. На слове «народ» лежит у нас роковая печать народнического сознания, от которого так трудно русским освободиться. Всем вам, русским народникам, сознательным или бессознательным народолюбцам и народопоклонникам, очень трудно принять национальное сознание, вы безнадежно смешиваете его с сознанием народническим. Ваш народ не есть нация. К народу применяете вы категорию количества и категорию социально-классовую. Но к нации категории эти неприменимы. Ваш народ есть прежде всего эмпирическое количество, огромная сумма Петров и Иванов. Ваш народ не есть великое органическое целое, объемлющее все классы и все поколения, он есть лишь масса простонародья, крестьян и рабочих, лишь физически трудящиеся классы. Слишком многие исключены из вашего народа, и интеллигенция, и дворянство, и бюрократия, и купечество, и промышленники. И вы требуете служения народу, как чему-то внеплотному для всякого, не принадлежащего к физически трудящимся классам, как верховному началу жизни и идолу. Я лишен был права чувствовать себя народом, себя в народе, и народ в себе. Народное не было моей глубиной. Народное было вне меня и надо мной. Я должен служить народу, должен видеть в нём критерии истины и правды, должен склоняться перед народом и во имя народа отрешиться от величайших ценностей. На этой социально-классовой и количественной конструкции понятия народа основано было традиционно русское противоположение интеллигенции и народа. Народническое сознание разорвало органическую целостность национальной жизни и создавало непреодолимые противоположности. Интеллигенты-народники хотели преодолеть пропасть между интеллигенцией и народом, шли в народ, отреклись от всего во имя народа, но их народническое сознание лишь увековечивало пропасть между народом и интеллигенцией, ибо толкало на путь социально-классовой борьбы и противоположности. Эта пропасть исчезнет лишь на почве национального сознания, обращенного к большей глубине. Вы оставались на социальной поверхности жизни, вы никогда не доходили до того духовного национального единства, в котором исчезает противоположность между баринством и мужиком, между интеллигенцией и народом. Нации нельзя противопоставлять интеллигенцию или дворянство. Национальное есть моя собственная глубина и глубина всякого, более глубокий слой, чем социальные наши оболочки, в котором и обнаруживается русское, французское, английское, немецкое, связывающее настоящее с далеким прошлым, объединяющее дворянина и крестьянина, промышленника и рабочего.

Нация не есть тот или иной класс, не есть эмпирическое количество ныне живущих людей. Нация есть мистический организм, таинственную жизнь которого мы постигаем в собственной глубине, когда мы перестаем жить поверхностной жизнью, жизнью внешних интересов, когда мы освобождаемся от исключительной власти оболочек, разделяющих людей. Крестьянин может быть менее народом-нацией, чем дворянин или интеллигент, если жизнь его оторвана от глубины и выброшена на поверхность, в то время как жизнь дворянина или интеллигента может быть обретена на этой глубине и черпать творческую силу из глубоких источников. Так, все ваши революционные демократии, все ваши советы рабочих и крестьянских депутатов ничего общего не имеют с народом, как нацией, как мистическим организмом. В тысячу раз более народом был дворянин Пушкин или интеллигент Достоевский. Самого совершенного и высшего своего выражения нация достигает в гении. Гений всегда народен, национален, в нём всегда слышится голос из недр, из глубин национальной жизни. Дух нации всегда выражается через качественный подбор личностей, через избранные личности. Никакая рациональная демократия с её механикой количества не может быть выразительницей духа наций. И воля нации невыразима арифметически, в количествах, не есть воля большинства. В воле нации говорят не только живые, но

и умершие, говорит великое прошлое и загадочное ещё будущее. В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги. И чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы. Но вашим революционно-демократическим шумом вы хотите заглушить голоса умерших поколений, хотите убить чувство прошлого. Вам закрыт подход к великому органическому целому, побеждающему истребляющую власть времени. И потому вы не можете знать воли нации, не можете выразить её. Вы противопоставляете нации народ, который хотите превратить в революционную демократию. Но нация не есть демократия и невыразима в демократии. Более таинственны пути её выражения. И то поколение, которое порвет всякую связь с национальным прошлым, никогда не выразит духа нации и воли нации. Ибо в духе нации и воле нации есть сила воскрешающая, а не смертоносная. Пора, пора уже обратиться нам не к «народу», а к нации, т. е. перейти от поверхности к глубине, от количества к качеству. Национальное начало в общественной жизни есть начало качественное, а не количественное. Национальное заложено в древних недрах природы, и эти потенциальные энергии национального бытия раскрываются в истории. Безмерно глубже заложено национальное, чем ваша демократия, чем ваш «народ», чем все ваши количества и массы сегодняшнего дня. Нация есть дух, Божий замысел, который эмпирический народ может осуществить или загубить. Эмпирический народ должен быть подчинен нации, её задачам в мире. В нации есть ноуменальное, онтологическое ядро, которого нет в том эмпирическом явлении, которое вы именуете «народом». Не народниками, а русскими должны вы быть. Россия бесконечно ценнее, священнее должна быть для вас, чем народ, чем человеческое население того или иного времени, в той или иной своей части.

Государство не является определяющим признаком бытия нации. Но всякая нация стремится образовать своё государство, укрепить и усилить его. Это есть здоровый инстинкт нации. Государственное бытие есть нормальное бытие нации. Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенности есть великое несчастье, тяжелая болезнь, калечащая душу нации. То, что еврейский народ в древности уже постоянно подпадал под чужеземное иго и терял свою государственную самостоятельность, а потом совсем лишился государства и жил скитальцем в мире, изломало и искалечило душу еврейского народа. У него накопилось недоброе чувство против всех народов, живущих в собственных государствах, он склонен к революционному отщепенству и к интернационализму, который есть лишь обратная сторона его болезненного национализма. Но и у еврейского народа не умерла окончательно воля к образованию собственного государства, и страстная мечта о нём воскресает в утопии сионизма. Отношение между бытием нации и бытием государства очень ложно. Всякая нация стремится образовать государство и укрепиться в нём. Через государство раскрывает нация все свои потенции. С другой стороны, государство должно иметь национальную основу, национальное ядро, хотя племенной состав государства может быть очень сложным и многообразным. Русское государство было русским государством, оно имело в своей основе русское ядро и осуществляло русскую идею в мире. Государство, не имеющее национального ядра и национальной идеи, не может иметь творческой жизни. Такое государство, как Австро-Венгрия, представляло исключение, и существование его определялось не внутренней энергией, а стечением внешних исторических обстоятельств. Государства исключительно династические – болезненное явление исторической действительности. Династическое начало не может быть самодовлеющим. Оно должно быть подчинено началу национальному. Но государство по природе своей стремится выйти за рамки замкнутого национального государства. Чисто национальными остаются лишь государства малых наций. Большие нации, сознавшие свою миссию в мире, стремятся образовать империалистическое государство, которое выходит за пределы бытия национального. Воля больших наций направлена к империалистическому объединению, в котором и осуществляется национальное призвание. Есть диалектика национального бытия, которая разрушает границы национальностей и стремится перелить государство национальное в государство империалистическое. Великобританская империя есть конец Англии как национального государства, есть выход английской национальности в мировую ширь. И национальный вопрос совершенно разное стоит для наций малых и слабых и для наций больших и сильных. Для наций малых и слабых национальный вопрос есть вопрос освобождения и независимости, вопрос образования или сохранения национального государства. Для наций больших и сильных национальный вопрос есть вопрос мировой мощи и мировой миссии, вопрос образования и расширения империалистического государства. Национальные движения XIX века, которым сочувствуют демократы и революционеры, были борьбой за независимость наций малых и слабых и за объединение наций раздробленных. В этом осуществлялась историческая тенденция к индивидуализации, которая есть

несомненная часть исторической правды. Но наряду с этим происходила борьба за большие империалистические единства, за великие исторические тела, в которой осуществлялась историческая тенденция к универсализации, которая есть другая часть исторической правды. Вы никогда не могли понять правды и смысла этой демонической воли великих наций, этой пожирающей жажды осуществления своих мировых миссий. Для вас национальный вопрос был всегда исключительно мещанским вопросом. Вы всегда отрицали существование национального вопроса для русских, для самой России, русского национального вопроса. И вы утопили русский национальный вопрос в вопросе армянском, грузинском, польском, финляндском, еврейском и многих других. Ложная политика старой власти, не понимавшей, что империалистическая политика великого народа может быть лишь помогающей и дарящей для малых национальностей, нравственно благоприятствовала вам и помогала вашему делу разрушения. Национальное сознание на известных ступенях исторического могущества наций переходит в сознание империалистическое. Но национальное сознание переходит все пределы и достигает вершин в сознании мессианском. Мессианизм есть безумное сознание народа, оно по природе своей противоположно и национализму, и империализму. Национализм и империализм остаются в природном порядке. Мессианизм выходит из природного порядка, он мистичен. В мессианизме есть жертвенность, которой нет в национализме и империализме. Мессианское сознание требует уже от народа жертвенного мирового служения, служения спасению мира.

Всякое мессианское сознание имеет своим истоком мессианское сознание еврейского народа. Дух мессианства чужд был арийским народам. Он раскрывался лишь в еврействе, в еврейском напряженном ожидании Мессии, в еврейском сознании себя избранным народом Божиим. Еврейское сознание не было националистическим сознанием и ещё менее было оно сознанием империалистическим; оно было сознанием мессианским. Христос-Мессия явился в еврейском народе, но Он явился для всех народов мира, для всего мира. И после явления Христа невозможен уже в христианском мире еврейский мессианизм. Не может уже быть избранного народа Божьего, в котором явится Мессия. Но может быть исключительное по напряженности сознание народом своего религиозного и духовного призвания в мире. Это чувство избрания и призвания в народе, подобное тому, которое чувствует отдельный человек, совершенно иррационально, и притязания его могут быть безумны. Выполнение мессианского призвания есть свободный подвиг духа, выводящий за пределы не только природы, но и истории. В пределах истории невыполнимо мессианское призвание. В мире христианском мессианское призвание всегда обращено к концу, оно всегда апокалиплично, дали его всегда сверхисторичны. Положительная историческая почва может быть подготовляема лишь в национализме и империализме. Мессианизм же есть блеск молнии, есть безумие во Христе. Мессианизм не поддается никакой рационализации. Мессианское сознание в христианстве легко уклоняется к древнееврейскому мессианизму. Этот уклон есть и в мессианизме польском, и в мессианизме русском. Те, которые считали русский народ народом богоносцем, многое восприняли от древнееврейского духа. В мессианском огне может сгореть и бытие национальное, и бытие империалистическое. Польский мессианизм последовал за гибелью польского государства, русский мессианизм предшествовал гибели русского государства. Бытие всякой нации имеет религиозную основу. Мессианское же сознание есть религиозная его вершина. Моменты национальные и религиозные переплетаются и в некоторых точках таинственно скрепляются. Так, в основе русской национальности лежало православие, им духовно крепок был наш народ. На вершинах же нашего сознания загорелся мессианский религиозный свет. Русскую идею невозможно отделить от религиозной идеи. Но это сплетение религиозных и национальных моментов и создавало очень сложное отношение между национальностью и церковью в России. Церковь подверглась слишком большой национализации, и было ослаблено вселенское христианское сознание. Русский мессианизм из христианского делался древнееврейским. И нам необходимо прежде всего оздоровление религиозных основ нашего национального сознания. Русский мессианизм оторвался от своих религиозных основ и явился в новом облике мессианизма революционного. И этот революционный мессианизм нанес страшные раны России. В самой национальной русской стихии обнаружилось начало самоистребления.

Если вы хотите прикоснуться к тайнам национального бытия, то задумайтесь глубже и серьезнее над еврейским вопросом. Если неистребимая, неповторимо оригинальная и таинственная сила еврейства в истории не дает вам чувства национальности, то вы безнадежны. Вы придумывали разные способы решения еврейского вопроса, чтобы угасить всю остроту этого вопроса. Вам никогда, никогда не справиться с «еврейством», оно сильнее всех ваших учений, всех ваших смешений и упрощений. Еврейство существует в мире для того, чтобы доказывать всем народам

существование тайны национальной и тайны религиозной. Поистине слишком легко и поверхностно относятся к еврейству и филосемиты, и антисемиты. На большей глубине нужно брать этот вопрос. В вопросе этом чувствуется судьбина Божья в истории. Еврейство имеет свою миссию в мировой истории, и миссия эта переходит за границу национальных миссий. Оно говорит о существовании более широкого объема, чем существование национальное. В истории есть образования и объединения большего объема, чем образования и объединения национальные, есть духи рас и миссии рас. Есть мир латинский, который принес человечеству особый дух и особую культуру, есть мир германский, есть мир славянский. Есть смена в истории духовного господства этих рас и этих миссий. Но есть духовные общности ещё большего объема – мир арийский, мир семитический, мир монгольский. Раса арийская, которую так трудно определить исследованиями антропологическими и этнографическими, имеет свою идею в мире, свою духовную миссию. Арийский мир через христианство принял в себя семитическую прививку и тем осололся. Но он не может допустить торжества семитического духа, он освобождает и само христианство от исключительного господства семитства. Невыносимое самомнение германцев в том и заключается, что они считают себя единственными чистыми арийцами, носителями и выразителями чисто арийского духа. У германцев есть своё мессианское сознание, но это мессианизм не столько религиозный, сколько расовый и духовно-культурный. В германском мессианизме нет ничего апокалиптического. Если русских соблазняет, что единственная истинная церковь есть русская церковь, что истинный Христос есть русский Христос, то германцев соблазняет, что истинная культура есть германская культура. Но такой культурный мессианизм есть внутреннее противоречие, ибо мессианизм имеет религиозную, а не культурную природу. Культура может быть лишь национальной, а не мессианской. Мессианизм всегда жаждет выхода за пределы культуры. Германский культурный мессианизм есть столь же ложное притязание, как и русский революционный мессианизм.

Может быть два типа национализма, два типа понимания национализма. Национализм может быть идеализацией стихийных свойств народа, самодовольством народа. Он может быть в упоении от этих свойств и не допускать никакой критики и самокритики. Это – стихийный национализм, и в низших своих проявлениях он может быть зоологическим национализмом. Этот тип национализма может также переходить в отрицание национальной идеи и видеть в слабости национального чувства и национального сознания – национальную особенность. Русские интернационалисты нередко бывают националистами такого типа. Самоотрицание и самоистребление России готовы признать русской национальной особенностью. Русская революционная интеллигенция лишена была всякого национального чувства и национального сознания. Но в ней были характерно русские национальные свойства. Они истребляли Россию, но истребляли по-русски. Русский нигилизм был русским национальным явлением. Но он истреблял наше национальное бытие. К тому же типу стихийного национализма принадлежали и более правые славянофильские течения, утверждавшие национальную идею. Эти течения упивались национальными особенностями, независимо от того, способствуют ли они или препятствуют разрешению национальных задач, увеличивают ли они нашу силу и нашу ценность в мире. Но существует другой тип национализма, национализм творческий. Для этого типа национального сознания национальное бытие есть творческое задание. Этот тип национального сознания не только допускает, но и требует самокритики, он призывает к самокритике и перевоспитанию во имя национального бытия. Второй тип национального сознания более высокий. Но он не может быть оторван от национальных основ и корней, от национальной онтологии. Он несет свет в темные недра национальной жизни. Целостное, органическое понимание национальной проблемы упирается в мистическую иррациональную основу. Механическое понимание национальной проблемы приводит к разным теориям федерализма, персональной автономии и т. п. К чему ведет ваше неорганическое отношение к национальной проблеме, ваши механические измышления, ваши рационалистические утопии в этой области, показывает судьба несчастной России. Отрицание органического национального бытия во имя отвлеченных мыслений, во имя отвлеченной справедливости, равенства, единства и т. п. есть всегда посягательство на убийство живого существа. И все вы, интернационалисты, уравниватели, упростиатели, смесители, вы все убийцы, у вас руки в крови. Вы убивали нашу родину, живое существо, носившее имя России. Вы были убийцами всегда и повсюду.

О консерватизме

Я хочу говорить сейчас о консерватизме не как о политическом направлении и политической партии, а как об одном из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества. Вам неведома проблема консерватизма в её духовной глубине. Для вас консерватизм есть исключительно лозунг в политической борьбе. И этот смысл консерватизма существует, он создан и сторонниками его, и противниками. Консервативные политические партии могут быть очень изменны и могут искажать консервативное начало. Но это не должно затмевать той истины, что невозможно нормальное и здоровое существование и развитие общества без консервативных сил. Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым. Революционизм поверхностен, оторван от онтологических основ, от ядра жизни. Эта печать поверхностности лежит на всех революционных идеологиях. Консерватизм же имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями. Он верит в существование нетленной и неистребимой глубины. У великих гениев и творцов был этот консерватизм глубины. Никогда не могли они держаться на революционной поверхности.

Без консервативной среды невозможно появление великих творческих индивидуальностей. Много ли вы насчитываете творческих гениев среди идеологов крайнего революционизма? Лучшие люди не были с вами. Все они черпали творческую энергию в глубине жизни. И если чужд им был консерватизм внешний и политический, то начало консерватизма глубинного и духовного всегда можно найти у них. Эта консервативная глубина есть у самых больших людей XIX века, она есть у Гете, у Шеллинга и Гегеля, у Шопенгауэра и Р. Вагнера, Карлейля и Рёскина, у Ж. де Мэстра, у Вилье де Лиль Адана и Гюисманса, у Пушкина и Достоевского, у К. Леонтьева и Вл. Соловьева. Она есть у тех, которые жаждут новой, высшей жизни и не верят в революционные пути её достижения.

Исключительное господство революционных начал истребляет прошлое, уничтожает не только тленное в нём, но и вечно ценное. Революционный дух хочет создать грядущую жизнь на кладбищах, забыв о могильных плитах, хочет устроиться на костях умерших отцов и дедов, не хочет и отрицает воскресение мертвых и умершей жизни. Революционный дух хочет отдать жизнь человеческую истребляющей власти времени. Он бросает всё прошедшее в пожирающую пучину будущего. Этот дух обоготворяет будущее, т. е. поток времени, и не имеет опоры в вечности. Но поистине, прошедшее имеет не меньшие права, чем будущее. Прошедшее не менее онтологично, чем будущее, умершие поколения не менее онтологичны, чем поколения грядущие. В том, что было, не меньше от вечности, чем в том, что будет. И чувство вечности острее чувствуем мы в нашем обращении к прошлому. В чем притягивающая нас тайна красоты развалин? В победе вечности над временем. Ничто не дает так чувства нетленности, как развалины. Развалившиеся, поросшие мхом стены старых замков, дворцов и храмов представляются нам явлением иного мира, просвечивающим из вечности. В этом ином мире подлинно онтологическое сопротивляется разрушающему потоку времени. Разрушающим потоком времени сносится всё слишком временное, всё, устроенное для земного благополучия, и сохраняется нетленная красота вечности. В этом тайна красоты и обаяния памятников прошлого и памяти о прошлом, магия прошлого. Не только развалины дают нам это чувство победы вечности над временем, но и сохранившиеся старые храмы, старые дома, старые одежды, старые портреты, старые книги, старые мемуары. На всем этом лежит печать великой и прекрасной борьбы вечности с временем. Никакой современный, недавно построенный храм, хотя бы он представлял совершенную копию стиля древних храмов, не может дать того трепетного и томительного чувства, которое дает древний храм, ибо чувство это рождается в нас оттого, что время пробовало положить свою роковую печать и отступило. И воспринимается нами, как нетленная красота, не истребление и разрушение времени, а борьба вечности против этого истребления и разрушения, сопротивление иного мира в процессе этого мира. Все новое, сегодняшнее, недавно созданное и построенное не знает ещё этой великой борьбы нетленного с тленным, вечности мира иного с потоком времени этого мира, на нём нет ещё этой печати приобщения к высшему бытию, и потому нет в нём ещё такого образа красоты. Необходимо глубже вдуматься в эту магию прошлого, в это таинственное его очарование. Эта притягивающая и странная магия есть и в старых усадьбах, и в старых парках, и в семейных воспоминаниях, и во всех материальных предметах, говорящих о старых человеческих отношениях, и в старых книгах, и в самых посредственных портретах предков, и во всех вещественных остатках древних культур. Ничто новое, сегодняшнее и завтрашнее, не может дать такого острого чувства, ибо не произошло ещё в нём великой борьбы мира вечности с миром

времени. Притягивающая красота прошлого не есть красота того, что было, что было когда-то сегодняшним и новым, это – красота того, что есть, что вечно пребывает после героической борьбы с истребляющей властью времени. Я хорошо знаю, что в прошлом не всё было столь прекрасным, что много в нём было уродства и безобразия. Но тайна красоты прошлого объясняется совсем не тем, что мы идеализируем прошлое и представляем себе его не таким, каково оно было на самом деле. Красота прошлого совсем не есть красота того настоящего, которое было в действительности триста или пятьсот лет тому назад. Красота эта есть красота того настоящего, которое есть сейчас, после преобразования этого прошлого борьбой вечности со временем. Красота старого храма, как и красота семейных преданий, есть красота преображённого храма и преображённой семейной жизни. Образ красоты не есть уже образ того храма, который строился тысячу лет тому назад, и не есть образ той семейной жизни, которая двести лет тому назад протекала на земле со всеми грехами, пороками и уродством человеческим. Мы знаем бóльшую красоту, чем наши предки. Вот на какой глубине нужно искать основ консерватизма. Истинный консерватизм есть борьба вечности со временем, сопротивление нетленности тлению. В нём есть энергия не сохраняющая только, но и преображающая. Об этом не думаете вы, когда судите о консерватизме по вашим критериям.

Ваше революционное отношение к прошлому есть полярная противоположность религии воскресения. Революционный дух несовместим с религией Христа, потому что он хочет не воскресения, а смерти всего отошедшего и прошедшего, потому что он исключительно обращен к будущим поколениям и не думает об умерших предках, не хочет сохранить связи с их заветами. Религия революции есть религия смерти именно потому, что она исключительно поглощена современной и будущей земной жизнью. Религия Христа есть религия жизни именно потому, что она обращена не только к живым, но и к умершим, не только к жизни, но и к смерти. Кто отвращается от лика смерти и бежит от него ко вновь возникающей жизни, тот находится в истребляющей власти смерти, тот знает лишь ключья жизни. То, что революция хоронит своих покойников в красных гробах, религиозное отпевание заменяет революционными песнями, не ставит крестов на могилах, и значит, что она не хочет восстановления жизни, воскресения умерших, что всякий покойник для нее есть лишь орудие и средство, лишь повод для утверждения сегодняшней и завтрашней жизни. Религия революции покорно принимает тот злой закон природного порядка, в силу которого будущее пожирает прошедшее, миг последующий вытесняет миг предшествовавший; она поклоняется этой бедности и косности природной жизни, этой розни и смертоносной ненависти. Эта религия смерти не только охотно мирится со смертью прошедших поколений, отцов и дедов, но и хотела бы истребить самую память о них, не допускает продолжения их жизни в нашем воспоминании и почитании, в сохранении связи с их традициями и заветами. Вы, люди революционного сознания, отвергнувшие всякую правду консерватизма, не хотите прислушиваться к той глубине своей, в которой вы услышали бы не только свой голос и голос своего поколения, но и голос отошедших поколений, голос всего народа во всей его истории. Вы не хотите знать воли всего народа в истории его, вы хотите знать лишь свою волю. Вы неблагородно и низко пользуетесь тем, что наши отцы, деды и прадеды лежат в земле, в могилах и не могут подать своего голоса. Вы ничего не делаете для того, чтобы они встали из могил, вы пользуетесь их отсутствием, чтобы устроить свои дела, чтобы использовать их наследство, не считаясь с их волей. В основе вашего революционного чувства жизни лежит глубокое неверие в бессмертие и нежелание бессмертия. На торжестве смерти зиждется царство ваше. Консерватизм, как вечное начало, требует, чтобы в решении судебных обществ, государств и культур был выслушан не только голос живых, но голос умерших, чтобы было признано реальное бытие не только за настоящим, но и за прошедшим, чтобы не порывалась связь с нашими покойниками. Учение Н. Ф. Федорова о воскрешении умерших предков есть прямая противоположность революционизма, есть религиозное обоснование правды консерватизма. Правда консерватизма не есть начало, задерживающее творчество будущего, она есть начало, воскрешающее прошлое в его нетленном. В учении Федорова о воскрешении есть много утопической фантастики. Но основной мотив его необычайно глубок. И по сравнению с радикализмом Федорова всё кажется таким умеренным и поверхностным.

Революционное отрицание связи будущего с прошлым, связи поколений, по религиозному своему смыслу есть отрицание тайны предвечной связи Сына и Отца, тайны Христа как Сына Божьего. В революции утверждается сыновство без отчества, Сын Человеческий не имеет отца. Сыны революции – *parvenus*. Революция по духовной своей природе есть разрыв отчей и сыновней ипостаси. Она разрушает тайны единства Св. Троицы в мире, в истории, в обществе. А поистине, Божественная

Троичность действует не только на небе, но и на земле. И человечество может быть в единстве Троичности или выходить из него и восставать против него. В христианстве утверждается предвечная связь Отца и Сына, Сын рождается от Отца. Но нарушение этой связи может идти с двух сторон, может иметь два противоположных источника. Когда консерватизм отрицает творчество новой жизни, когда он задерживает движение жизни и представляет лишь силу инерции и косности, он также разрывает отчую и сыновнюю ипостась, он утверждает отца без сына, отца нерождающего. Отцы, восставшие на творческую, а не разрушительную жизнь сыновей, воздвигающие гонение на всякую динамику сыновней жизни, также разрушают единство Божественной Троичности, как и сыновья, революционно порывающие всякую связь с отцами, истребляющие прошлое. Они становятся гасителями Духа. И потому начало консервативное не может быть единственным, отвлеченным началом, оно должно быть соединено с началом творческим, с динамическим движением. Правда консерватизма не в задержании творческого движения, а в сохранении и воскрешении вечного и нетленного в прошлом. Но в прошлом было и много тленного, грешного, злого, темного, и оно обречено огню. Охранение всей шелухи прошлого, всей его соломы, всего неонтологического в нём есть дурной, злой, отрицательный консерватизм. Он готовит революции и бывает виновником их. Гнилостные, разлагающие процессы прошлого не имеют права на охранение.

Природа консервативного начала плохо понимается не только врагами его, но и иными сторонниками его. Существует тип консерватора, который более всего сделал для скомпрометирования всякого консерватизма. В истинном сохранении и охранении должна быть преобразующая энергия. Если в нём есть лишь инерция и косность, то это зло, а не добро. Велико значение исторической традиции и предания. Но в традиции и предании есть не только консервативное, но и творческое начало, есть положительная энергия. Традиция и предание вечно творятся, сохраняя преемственность. Так, в жизни церковной всё основано на священном предании. Но предание не означает косного консерватизма. Есть предание о религиозном творчестве, есть творческое предание, творческий консерватизм. И верность преданию означает продолжение творческого дела отцов и дедов, а не остановку. В прошлом в жизни церкви было творческое движение, был почин, была зачинающая человеческая активность. И верность преданиям этого прошлого означает продолжение творческого движения, почина, зачинающей человеческой активности. Зачинателями и творцами были апостолы, мученики, учителя церкви, святые. И мы неверны преданию о них, если мы в себе не чувствуем зачинающей творческой религиозной энергии. То же можно распространить и на всю культурную и государственную жизнь. Ложный, косный консерватизм не понимает творческой тайны прошлого и её связи с творческой тайной грядущего. Поэтому обратной стороной его является истребляющий прошлое революционизм. Революционизм есть кара, подстерегающая ложный консерватизм, изменивший творческому преданию. В революционизме торжествует хамизм, дух *parvenu*. В истинном же консерватизме есть благородство древнего происхождения. Историческая давность имеет религиозную, нравственную и эстетическую ценность. Благородство освященной старины все принуждены признать в лучшие минуты жизни, когда освобождаются от угара сегодняшнего дня. Но эта ценность и это благородство давнего, древнего, старинного, векового и тысячелетнего есть ценность и благородство преобразования духом вечности, а не инерции, косности и окостенения. Мы религиозно, нравственно и эстетически почитаем во всем давнем и старинном жизнь, а не смерть, жизнь большую, чем быстротечные мгновения сегодняшнего дня, в которых бытие не отделено ещё от небытия, крупницы нетленного смешаны с огромным количеством тленного.

Правда консерватизма есть правда историзма, правда чувства исторической реальности, которое совершенно атрофировано в революционизме и радикализме. Отрицание исторической преемственности есть отрицание и разрушение исторической реальности, нежелание знать живой исторический организм. Отрицание и разрушение исторической преемственности есть такое же посягательство на реальное бытие, как и отрицание и разрушение преемственности личности, индивидуального человеческого я. Историческая реальность есть индивидуум особого рода. В жизни этой реальности есть органическая длительность. В исторической действительности есть иерархические ступени. И разрушение иерархического строения исторического космоса есть разрушение, а не свершение истории. В историческом космосе образуются и устанавливаются качества, неразложимые и неистребимые в своей онтологической основе. Эта иерархия кристаллизованных в истории качеств не должна препятствовать образованию новых качеств, не должна задерживать творческое движение. Но и никакое творческое движение, никакое образование новых качеств не может разрушать и сметать уже кристаллизовавшиеся исторические

ценности и качества. Возрастание жизни и умножение ценностей совершается через начало консервативное, преобразующее старую жизнь для вечности, и через начало творческое, создающее новую жизнь для той же вечности. Разрыв отечества и сыновства, который совершается ложным консерватизмом и ложным революционизмом, есть ослабление жизни, есть дух смерти для прошедшего или для грядущего.

Неправедна, лжива и безобразна ваша исключительная вера в будущее. Этот футуризм – ваш коренной грех. Он разрывает и распыляет целостное историческое и космическое бытие. То футуристическое мироощущение, которое появилось в связи с новыми течениями в искусстве, имеет качество радикализма, оно доводит до конца революционное отрицание прошлого и обоготворение будущего и делает отсюда последние смелые выводы. Вы же, социальные революционеры разных оттенков, вы половинчаты, и так безнадежно поверхностны, что не можете углубить футуристического ощущения жизни. Крайним и радикальным оказывается ваш футуризм лишь в плоскости социальной. Но всё мышление ваше, все ваше чувственное восприятие жизни так старо, так инертно, сознание ваше так сдавлено категориями мира прошедшего. Ваше идолопоклонство перед будущим принадлежит дурному прошлому и взято из него. Поистине, новая душа не будет грешить этим идолопоклонством, она будет свободна от времени. Какая жалкая иллюзия – представлять себе будущее окрашенным в светлый радужный цвет, прошлое же – в цвет мрачный и черный! Какое жалкое заблуждение видеть в будущем больше реальности, чем в прошлом! Как будто бы от быстротечного времени зависит реальность бытия и качества бытия! Какое рабство чувствуется в таком отношении к жизни! Поистине, в бóльшей глубине нужно искать подлинных реальностей и качеств бытия. Истинное и цельное отношение к жизни должно утверждать вечное, вечное в прошлом и вечное в будущем, как единую длящуюся жизнь, должно искать подлинно онтологического. И поистине, онтологическое, а не иллюзионистическое отношение к жизни должно открыть творческое движение в глубине бытия, онтологическое движение самой абсолютной действительности, а не ваше поверхностное движение, разрывающее бытие на призрачные миги движения. Консервативное начало имеет религиозное значение, как утверждение отчей ипостаси, вечно ценного и бытийственного в прошлом, как воля к воскрешению прошлого в жизни вечной. И оно нисколько не противоречит началу творческому, тоже обращенному к вечности в будущем, утверждающему сыновнюю ипостась. Выявление радикального футуризма было неизбежно, и его нужно даже приветствовать. В нём окончательно изобличается ложь революционного отношения к прошлому и будущему, раскрывается бездна небытия, которую не видят половинчатые и поверхностные революционеры.

Существует не только священное предание церкви, но и священное предание культуры. Без предания, без традиции, без преемственности культура невозможна. Культура произошла из культа. В культе же всегда есть священная связь живых и умерших, настоящего и прошедшего, всегда есть почитание предков и энергия, направленная на их воскрешение. И культура получила в наследие от культа это почитание могильных плит и памятников, это поддержание священной связи времен. Культура по-своему стремится утвердить вечность. В культуре всегда есть начало консервативное, сохраняющее и продолжающее былое, и без него культура немислима. Революционное сознание враждебно культуре. Оно пошло от вражды к культу, в самом зарождении своем оно было выпадением из культа, из установленной культом связи. Оно изначально было иконоборческой ересью, восстанием против культовой эстетики. Все вы, люди революционного духа, все вы культуроборцы. Вам нельзя верить, когда вы говорите, что вы за культуру, когда вы основываете свои «пролеткульты» и прочие безобразия. Вам многое нужно из орудий культуры для ваших утилитарных целей. Но вам ненавистна душа культуры, культовая её душа, поддерживающая огонь в неугасимой лампаде, сохраняющая связь времен в вечности, обращенная к покойникам, как и к живым. Вы хотели бы вынуть душу из культуры и оставить от нее лишь внешнюю оболочку, лишь кожуру. Вы хотите цивилизации, а не культуры. В истинном консерватизме почитаются творческие деяния предков, зачинавших и создававших культуру. Вы отказываетесь от этого почитания, вас давит величие предков. Вы хотели бы устроиться и погулять на свободе, без прошлого, без предков, без связи. Ваш революционный бунт обнаруживает ваше творческое бессилие, вашу слабость и ничтожество. Ибо почему бы сильным, ощутившим в себе творческую мощь, восставать против умерших творцов, совершать надругательство над могилами? Культура предполагает консервативное начало, начало, сохраняющее прошлое и воскрешающее умерших, и это консервативное начало не может быть страшно и стеснительно для самого дерзновенного творчества. Начало творческое и начало консервативное не могут быть противоположаемы. Новые храмы не должны

непрерывно разрушать старые храмы. Будущее совместимо с прошлым, когда побеждает дух вечности. Революционное же или реакционное противоположение начала консервативного и творческого есть победа духа тления. Культура так же предполагает начало консервативное, как и начало творческое, сохранение и зачатие. И культура погибает, когда одно из этих начал исключительно торжествует и вытесняет другое. Цветение культуры требует и благоговейного отношения к могилам отцов, и творческого дерзновения, зачинающего небывалое.

Образ Рима является вечным образом культуры. Сложное строение Рима, наслоение в нём многих культурных эпох, сохранившиеся в нём следы всемирной истории научают нас познавать эту вечную, консервативно-творческую природу культуры, эту великую связь времен, это сохранение и преображение прошедшего в настоящем и будущем. В Риме памятники человеческого творчества, памятники истории превратились в явление природы. Развалины Рима дают могущественное и волнующее чувство вечности. Это сладостное чувство с особенной остротой пронизывает вас, когда вы смотрите на Кампанию, на Аппиеву дорогу, на древние могилы. Там царство покойников, там страна не рождает уже, но прошлое унаследовало вечность, вошло в неумиряющую жизнь космоса. Там узнается, что человеческая история есть неотрывная часть жизни космической. Много увидите вы в Риме храмов сложного строения, вмещающих несколько культовых и культурных эпох. На развалинах древнего языческого храма построен храм первохристиан, а на нём позднейший христианский храм. Таков, например, прелестный храм St. Maria in Cosmedin и более известный St. Clemente. Это даёт исключительное чувство неистребимой, вечно пребывающей реальности истории. Строение римской культуры подобно геологическому строению земли, оно есть явление космического порядка. Рим страшно углубляет чувство исторической жизни. В нём могилы – царство жизни, а не смерти, катакомбы говорят о вечных основах нашей культуры и истории, о возможности перехода их в вечность. Все это трудное и мучительное для первого восприятия Рима совместительство и сожителство Рима античного, Рима первохристианского, Рима возрождения и Рима барокко убедительно говорит о вечной связи времен в культуре и истории, о сочетании и слиянии начал консервативных и творческих. Революционное отрицание всякого консерватизма есть варварство. И революционная стихия – варварская стихия. Революционный дух есть реакция варварской стихии против культуры, против культового предания. Но в культуре может наступить застой, иссыкание творчества, которое делает эту реакцию неизбежной. Вся европейская культура, которая есть прежде всего культура латинская, основана на предании античности, на органической с ней связи и потому уже заключает в себе начало консервативное. Вы не чувствуете этого потому, что вы равнодушны к культуре, что ваш идеал общественности не есть культурный идеал. Совершенно отрицают консервативное начало те, которые отрицают самобытность исторической действительности. Признание самого факта бытия этой действительности уже предполагает признание консервативного начала, т. е. сохранения единства и преемства её. Вы же хотите подменить конкретную историческую действительность отвлеченной социологической действительностью, и потому консервативное начало представляется вам помехой на путях вашего отвлечения.

Начало консервативное не допускает в общественной жизни ниспровержения общественного космоса, образованного творческой и организующей работой истории. Это начало сдерживает напор хаотической тьмы снизу. И потому смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперёд и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур. Смысл консерватизма – в препятствиях, которые он ставит проявлениям зверино-хаотической стихии в человеческих обществах. Эта стихия всегда шевелится в человеке, и связана она с грехом. И вы, идеологи революционизма, отрицающие всякие права за консерватизмом, сами находитесь во власти заблуждений и других вводите в заблуждение, когда повторяете общие места о том, что революционизм есть всегда движение вперёд, а консерватизм – движение назад. Слишком часто в истории революционное движение вперёд было призрачным движением. Реально оно было движением назад, т. е. вторжением в образовавшийся творческим процессом истории общественный космос хаотической тьмы, которая тянет вниз. И потому борьба консервативных и революционных начал может оказаться борьбой начал космических и хаотических. Но консерватизм делается началом, задерживающим движение вперёд и вверх и отрицательным, в том случае, если он создает себя единственным космическим началом человеческой жизни и становится во враждебное отношение к началу творческому. Сдержанность хаотической тьмы снизу для охранения образовавшегося

многими поколениями общественного космоса сама по себе недостаточна. Хаотическая тьма, имеющая бездонный источник, должна не только сдерживаться и не допускаться внутрь общественного космоса, она должна также просветляться и творчески преобразоваться. Консервативное и творческое начала должны служить одному и тому же космическому делу, великому делу борьбы с мировым хаосом и с грехом, отдающим человеческие общества во власть этого хаоса. И если хаотическая бесформенная тьма сама по себе не есть ещё зло, а лишь бездонный источник жизни, то она становится злом, когда её пробуют санкционировать и освящать, когда её делают руководящим началом человеческой жизни. В революционных же идеологиях хаос получает рационалистические санкции.

Жизнь отдельных людей, человеческих обществ и всего исторического человечества вечно получает новые источники обновления от непочатых ещё темных, хаотических, варварских сил. Силы эти обновляют дряхлеющую и леденеющую кровь человечества. К историческому космосу приобщаются новые человеческие расы и новые человеческие классы. Это – неизбежный и благодатный процесс. Тьма должна вступать в царство света, но для того, чтобы просветиться и поддержать источники света новыми силами, а не для того, чтобы низвергнуть все светильники и расширить царство тьмы. Вступление новых сил в исторический космос и исторический свет есть процесс органический, а не механический. Как и всякий органический процесс, процесс этот предполагает иерархическое начало, иерархический жизненный строй. Полное низвержение иерархического начала опрокидывает все светильники и гасит с таким трудом и мукой добытый свет. Светильники должны охраняться, чтобы тьма приобщилась к царству света, а не низвергла царство света. В космосе есть бездонная хаотическая основа, и из нее бьёт источник новых сил. Но космос должен сохранить свой иерархический строй, свой центральный источник света, чтобы не быть окончательно опрокинутым хаотическими силами, чтобы исполнить своё божественное предначертание, чтобы тьма просветлялась, чтобы хаос приобщился к космосу. Революционное сознание не понимает этих глубоких отношений между хаосом и космосом, скрытых под всеми общественными переворотами и изменениями. Чистое, отвлеченное революционное сознание противостоит и чудовищно соединяет хаотическое и рационалистическое, оно поклоняется разом и хаосу, и рационализму. Оно противоположно космическому и мистико-органическому. Революционное сознание не хочет считаться с органической природой человека и человеческого общества, с их физиологией и психологией, обладающими большой устойчивостью. Оно не хочет знать, что эти физиология и психология имеют глубокую «мистическую» основу. Это есть черта крайнего рационализма, это ведет к рационалистическому изнасилованию природы, которая мстит за себя. Общественное развитие и общественные изменения должны считаться с органической природой и её непреложными законами. Но это рационалистическое изнасилование органической природы человека и общества совершается через силы хаотические, выходящие из космического ритма или не вошедшие ещё в него. Это соединение хаоса с рационализмом есть один из парадоксов общественной философии, который говорит о противоречиях человеческого бытия. В росте и цвете дерева нет ни хаотизма, ни рационализма. Такова же и природа человеческого общества, погруженного в недра жизни космической. Но хаотизм и рационализм в жизни человеческих обществ является результатом злой человеческой свободы, той произвольной свободы, которая есть знак человеческого рабства. Законы природы, сдерживающие хаос в космосе, обрушиваются на человеческое общество, вступившее на путь хаотического и рационалистического насилия, и возвращают человека в темницу его ветхой физиологии и психологии, революцией не побежденной и не преодоленной. Хаос не может освободить человека, ибо он и есть источник рабства человека. Революция бессильна изменить человеческую природу; она оставляет её органически ветхой, подчиненной старой и непреодоленной физиологии и психологии, но притязает механически создать из этой старой человеческой природы совершенно новое общество и жизнь. Это и делает революции в значительной степени призрачными, не имеющими корней. Это бессилие революционного хаоса изменить человеческую природу, преодолеть законы её физиологии и психологии, эта оторванность его от мистической глубины органической жизни и обосновывает правду и права консерватизма. Если бы революционизм имел силу реально и существенно изменить и преобразить человеческую природу и сотворить новую лучшую жизнь, то он был бы оправдан. Но так как революционизм лжет, что он может это сделать, так как его достижения призрачны, то реакция консерватизма против него есть необходимая реакция изнасилованной, но не преобразённой природы.

Консервативное начало не есть начало насилующее и не должно быть им. Это – свободно-органическое начало. В нём есть здоровая реакция против насилия над

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

органической природой, против покушения на убиение жизни, которая хочет быть длящейся. Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать. Несчастлива судьба той страны, в которой нет здорового консерватизма, заложенного в самом народе, нет верности, нет связи с предками. Несчастлив удел народа, который не любит своей истории и хочет начать её сначала. Так несчастлива судьба нашей страны и нашего народа. Если консерватизм существует лишь у власти, оторванной от народа и противоположной народу, в самом же народе его нет, то всё развитие народа делается болезненным. В консерватизме, как связи с вечностью, должна быть не только сила, но и правда, привлекающая сердце народное, обоснованная в его духовной жизни. Постылый и отталкивающий консерватизм бессилён, он может насиловать, но не может привлекать к себе и вести за собой. И несчастна страна, в которой всякий консерватизм сделался постылым и насилующим. Когда консерватизм ассоциируется в народном сознании с препятствием для развития и с враждой к творчеству, то в стране готовится революция. Виновными в этом бывают и те консервативные силы, которые допустили в себе омертвление и окостенение, и те революционные силы, которые восстали на вечные начала, на непреходящие ценности и святыни. Энергия консервативная должна быть также имманентна народу, как и энергия творческая, она не может быть исключительно внешней для него. Революция означает крайнюю трансцендентность всего божественного и духовно ценного. В конце концов всякое здоровое консервативное течение, без которого не может быть сохранения общественного космоса, имеет опору в тысячелетних чувствах народных, которые нельзя разрушить в один день, минуту или год. Духовные же перевороты в жизни народа совершаются не теми путями, которыми совершаются революции. Величайший духовный переворот в истории человечества – явление христианства в мире – не был революцией в вашем смысле слова. Наибольшую свободу для человека даёт сочетание начала консервативного с началом творческим, т. е. гармоническое развитие общественного космоса. Новые же откровения мира духовного возникают в ином плане, ускользающем от ваших взоров. И вы хотите сохранить о себе память в грядущих поколениях, и вы хотите долголетия в исторической жизни. И этим вы утверждаете какую-то правду консервативного начала. И если вы хотите, чтобы сохранилась о вас память и чтобы вы продолжали жить, то вы должны сохранить память о своих умерших предках и должны воскрешать их для жизни вечной. «Чти отца твоего и мать твою, и благо тебе будет, и долговечен ты будешь на земле». В религиозной глубине заложено начало консервативное. Там же заложено и начало творческое.

Письмо шестое

Об аристократии

Любовь к аристократической идее сделалась уделом немногих в ваш демократический век. Аристократические симпатии рассматривают или как проявление классовых инстинктов, или как эстетизм, не имеющий жизненного значения. Но поистине, аристократия имеет более глубокие, более жизненные основы. Основы эти ныне затуманились, и о них начинают забывать. Но тот, кто интересуется существом жизни, а не её поверхностью, должен будет признать, что не аристократия, а демократия лишена онтологических основ, что именно демократия не имеет в себе ничего ноуменального и природа её чисто феноменалистическая. Аристократическая идея требует реального господства лучших, демократия – формального господства всех. Аристократия, как управление и господство лучших, как требование качественного подбора, остаётся на веки веков высшим принципом общественной жизни, единственной достойной человека утопией. И все ваши демократические крики, которыми вы оглашаете площади и базары, не вытравят из благородного человеческого сердца мечты о господстве и управлении лучших, избранных, не заглушат этого из глубины идущего призыва, чтобы лучшие и избранные явились, чтобы аристократия вступила в свои вечные права.

Нашему низкому времени следует напомнить слова Карлейля из чудесной его книги «Герои и героическое в истории»: «Все социальные процессы, какие только вы можете наблюдать в человечестве, ведут к одной цели – достигают ли они её или нет, это другой вопрос, – а именно: открыть своего *able man* (способного человека) и облечь его символами способности: величием, почитанием или чем вам угодно, лишь бы он имел действительную возможность руководить людьми соответственно своей способности. Избирательные речи, парламентские предложения,

билли о реформах, французские революции – всё стремится, в сущности, к указанной мной цели или в противном случае представляется совершенно бессмысленным. Отыщите человека самого способного в данной стране, поставьте его так высоко, как только можете, неизменно чтите его, и вы получите вполне совершенное правительство, и никакой баллотировочный ящик, парламентское красноречие, голосование, конституционное учреждение, никакая вообще механика не может уже улучшить положения такой страны ни на одну йоту». И ещё следует напомнить нашему времени о Платоне. В его аристократической утопии есть что-то вечное, хотя оболочка её была временной. Самый аристократический принцип его не может быть превзойден. Он притягивал средневековье и будет притягивать к себе времена грядущие. Пока жив дух человеческий и качественный образ человека не задавлен окончательно количеством, будет стремиться человек к царству лучших, к истинной аристократии. И что можете вы противопоставить этой высшей мечте человеческой, этой единственной достойной утопии? Демократия, социализм, анархизм. Я разберу ещё все эти ваши мечты и утопии. Аристократический принцип – онтологический, органический и качественный. Все ваши принципы, демократические, социалистические и анархические, – формальны, механичны и количественны, все они безразличны и равнодушны к реальностям и качествам бытия, к содержанию человека.

В сущности, демократию нельзя даже противопоставлять аристократии. Это понятия несоизмеримые, совершенно разнокачественные. И представительная демократия может ставить своей целью подбор лучших и установление царства истинной аристократии. Демократия может быть понята, как установление условий, благоприятных для качественного подбора, для выделения аристократии. При этом целью может быть поставлено отыскание реальной, а не формальной аристократии, т. е. отстранение той аристократии, которая не является царством лучших, и раскрытие свободных путей для истинной аристократии. Все изображенные вами демократии плохо служат этим целям и забывают их во имя жалких интересов сегодняшнего дня. Демократия легко превращается в формальное орудие организации интересов. Искание лучших подменяется исканием более соответствующих интересам, лучше их обслуживающих. Демократия сама по себе не имеет внутреннего, онтологического содержания, и потому обслуживать она может цели самые противоположные. Этим она по существу отличается от аристократии, которая есть идеал благородства, породы, качества. Не обманывайте себя внешностью, не поддавайтесь слишком жалким иллюзиям. С сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство. Это верно для всех форм и типов управления, для монархий и для демократий, для эпох реакционных и для эпох революционных. Из управления меньшинства нет выхода. И ваши демократические попытки создать царство большинства, в сущности, являются жалким самообманом. Вопрос лишь в том, правит ли меньшинство лучшее или худшее. Одно меньшинство сменяется другим меньшинством. Вот и всё. Худшие свергают лучших или лучшие свергают худших. Непосредственного управления и властвования человеческой массы быть не может, это возможно лишь как момент стихийного массового разлива в революциях и бунтах. Но очень быстро устанавливается дифференциация, образуется новое меньшинство, которое захватывает в свои руки власть. В революционные эпохи обыкновенно правит кучка демагогов, которая ловко пользуется инстинктами масс. Революционные правительства, почитающие себя народными и демократическими, всегда бывают тиранией меньшинства. И редко, редко меньшинство это бывало подбором лучших. Революционная бюрократия обычно бывает ещё ниже той старой бюрократии, которую революция свергает. Революционная же масса всегда бывает лишь атмосферой для осуществления этой тирании меньшинства.

Торжество демократии всегда ведь призрачно и быстротечно; оно длится всего один миг. Так же призрачно было бы торжество социализма, если бы оно было возможно. Освободитесь от власти слов и внешних покровов, вникните более пристальным взором в самое существо жизни. В самой реальной, подлинной действительности вопрос идет всегда о том, торжествует ли аристократия или охлократия. В сущности, только и существуют два типа власти – аристократия и охлократия, правление лучших и правление худших. Но всегда, всегда господствуют немногие; таков непреложный закон природы. Господство всех ничего реального не означает, кроме темного, безразличного и смешанного хаоса. Всякое управление этим хаосом предполагает различение и выделение тех или иных элементов, аристократии или олигархии. Существует непреодолимая тенденция к образованию дворянства. Дворянство остается на веки веков образцом более высокого качественного состояния, породы дифференцированной и выделенной. Дворянству подражала буржуазия, ему будет подражать и пролетариат. Все *parvenu* хотят быть дворянами. В социализме пролетариат хочет быть новым дворянством, новой аристократией. В мире, по-видимому, должно быть меньшинство, поставленное в привилегированное

положение. Разрушение исторической иерархии и исторической аристократии не означает уничтожения всякой иерархии и всякой аристократии. Образуется новая иерархия и новая аристократия. Всякий жизненный строй – иерархичен и имеет свою аристократию, не иерархична лишь куча мусора и лишь в ней не выделяются никакие аристократические качества. Если нарушена истинная иерархия и истреблена истинная аристократия, то являются ложные иерархии и образуется ложная аристократия. Кучка мошенников и убийц из отбросов общества может образовать новую лжеаристократию и представить иерархическое начало в строе общества. Таков закон всего живого, всего, обладающего жизненными функциями. Лишь куча сыпучего песка может существовать без иерархии и без аристократии. И ваше рассудочное отрицание начала иерархическо-аристократического всегда влечет за собой имманентную кару. Вместо аристократической иерархии образуется охлократическая иерархия. И господство черни создает своё избранное меньшинство, свой подбор лучших и сильнейших в хамстве, первых из хамов, князей и магнатов хамского царства. В плане религиозном свержение иерархии Христовой создает иерархию антихристову. Без лжеаристократии, без обратной аристократии вы не проживете и одного дня. Все плебеи хотели бы попасть в аристократию.

И плебейский дух есть дух зависти к аристократии и ненависти к ней. Самый простой человек из народа может не быть плебеем в этом смысле. И тогда в мужике могут быть черты настоящего аристократизма, который никогда не завидует, могут быть иерархические черты своей собственной породы, от Бога предназначенной.

Аристократия есть порода, имеющая онтологическую основу, обладающая собственными, неизменными чертами. Аристократия сотворена Богом и от Бога получила свои качества. Свержение исторической аристократии ведет к установлению другой аристократии. Аристократией претендует быть буржуазия, представители капитала, и пролетариат, представители труда. Аристократические претензии пролетариата даже превосходят претензии всех других классов, ибо пролетариат, по учению его идеологов, должен сознать себя классом избранным, классом – миссией, единственным подлинным человечеством и высшей расой. Но всякое желание выйти в аристократию, возвыситься до аристократии из состояния низшего, по существу не аристократично. Возможен лишь природный, прирожденный аристократизм, аристократизм от Бога. Миссия истинной аристократии – не столько восходить к ещё не достигнутым высшим состояниям, сколько нисходить к состояниям низшим. Аристократизм, и внутренний, и внешний, – прирожденный, а не приобретенный. Свойство аристократизма – щедрость, а не жадность. Истинная аристократия может служить другим, служить человеку и миру, потому что она не занята самовозвышением, она изначально стоит достаточно высоко. Она – жертвенна. В этом вечная ценность аристократического начала. В человеческом обществе должны быть такие, которым не нужно возвышать себя, которые свободны от неблагоприятных черт, связанных с самовозвышением. Права аристократии – права прирожденные, а не благоприобретенные. Должны быть в мире люди, у которых есть прирожденные права, нужен душевный тип, свободный от атмосферы борьбы за приобретение прав. Те, которые в труде и в борьбе приобретают свои права и повышают своё жизненное положение, не свободны от многих горьких чувств, от обиды, часто от злобы, они подавлены своим более низким прошлым. Я говорю, конечно, не об исключительных людях, для которых закон не писан, а о среднем уровне людском.

Возможна и оправдана лишь аристократия Божьей милостью, аристократия по духовному происхождению и призванию и аристократия по благородству происхождения, по связи с прошлым. То, что представляется вам несправедливым и возмущающим в положении аристократа, это и есть оправдание его существования в мире, привилегия по происхождению, по рождению, не по личным его заслугам. Аристократом можно быть лишь не по заслугам, не по личному труду и не по личному достижению. И это должно быть в мире. Гений и талант принадлежат к духовной аристократии потому, что гений и талант – даровые, не заслуженные, не заработанные. Гений и талант получены по рождению, по духовному происхождению и духовному наследованию. Духовная аристократия имеет ту же природу, что и аристократия социальная, историческая, это всегда привилегированная раса, получившая даром свои преимущества. И такая духовно и физически привилегированная раса должна в мире существовать для того, чтобы выражены были черты душевного благородства. Благородство и есть душевная основа всякого аристократизма. Благородство не приобретается, не зарабатывается, оно есть дар судьбы, оно есть свойство породы. Благородство есть особого рода душевная благодать. Благородство прямо противоположно всякой обиде и зависти. Благородство есть сознание своей принадлежности к истинной иерархии, своего

изначального и прирожденного в ней пребывания. Благородный аристократ знает, что есть иерархически выше стоящие чины. Но это не вызывает в нём никаких горьких чувств, не унижает его, не колеблет его чувства достоинства. Сознание своего достоинства есть также душевная основа аристократизма. Это достоинство не приобретенное, а прирожденное. Это – достоинство сынов благородных отцов. Аристократизм есть сыновство, он предполагает связь с отцами. Не имеющие происхождения, не знающие своего отчества не могут быть аристократами. И аристократизм человека, как высшей иерархической ступени бытия, есть аристократизм богосыновства, аристократизм благородно рожденных сынов Божьих. Вот почему христианство – аристократическая религия, религия свободных сынов Божьих, религия даровой благодати Божьей. Учение о благодати – аристократическое учение. Не аристократична всякая психология обиды, всякая психология претензии. Это – плебейская психология. И аристократична психология вины, вины свободных детей Божьих. Аристократу более свойственно чувствовать себя виновным, чем обиженным. Этой аристократической психологией проникнуто христианство. Христианское сознание сынов Божьих, а не рабов мира, детей свободы, а не детей необходимости, – аристократическое сознание. Те, которые чувствуют себя пасынками Божьими, обиженными судьбой, теряют благородные, аристократические черты. Аристократ, благородный должен чувствовать, что всё, что возвышает его, получено от Бога, а всё, что унижает его, есть результат его вины. Это прямо противоположно той плебейской, неблагородной психологии, которая всё возвышающее чувствует благоприобретенным, а всё унижающее обидой и виной других. Тип аристократа прямо противоположен типу раба и типу рабвени. Это разные душевные расы. Аристократический склад души может быть и у чернорабочего, в то время как дворянин может быть хамом.

Вы же хотели бы понизить качество человеческой расы, хотели бы вытравить аристократические черты из человеческого образа. Вам претит аристократическое благородство. На плебейской психологии воздвигаете вы ваше царство, на психологии обиды, зависти и злобы. Вы берете всё, что есть самого худшего у рабочих, у крестьян, у интеллигентной богемы, и из этого худшего хотите создать грядущую жизнь. Вы взываете к мстительным инстинктам человеческой природы. Из злого рождается ваше добро, из темного загорается ваш свет. Ваш Маркс учил, что в зле и от зла должно родиться новое общество, и восстание самых темных и уродливых человеческих чувств считал путем к нему. Душевный тип пролетария противопоставил он душевному типу аристократа. Пролетарий и есть тот, который не хочет знать своего происхождения и не почитает своих предков, для которого не существует рода и родины. Пролетарское сознание возводит обиду, зависть и месть в добродетели нового грядущего человека. Оно видит освобождение в том бунте и восстании, которое есть самое страшное рабство души, пленённость её внешними вещами, материальным миром. Пролетарий выброшен на поверхность. Аристократ же должен жить в большей глубине, чувствуя более глубокие связи и корни. Пролетарское сознание разрывает связь времян, разрушает космос. Пролетарская психология и пролетарское сознание не обязательно должны быть у рабочего, у человека, стоящего на низших ступенях социальной лестницы. И раб может чувствовать себя сыновним по отношению к Богу, к родине, к отцу и матери, может глубоко переживать свою связь с великим национальным и космическим целым, своё место в иерархии. Я знал чернорабочих, которые были более аристократами, чем многие дворяне. Но вы не хотите, чтобы рабочий был в таком благородном состоянии, вы хотите его превратить в настоящего пролетария и в плебея по убеждению. В основу своего царства, враждебного всякому аристократизму, вы кладете бунт раба и восстание плебея. В бунте и восстании есть что-то рабье и лакейское. Благородный, сознающий своё высшее достоинство, охраняющий в себе высший образ человека, аристократ духа или аристократ крови, если он не выродился и не пал, найдет другие пути отстаивать правду и право, изболить неправду и ложь. Из внутреннего аристократизма, из облагораживания души может родиться новая, лучшая жизнь. Но никогда она не родится из бунтующего рабства, из лакейского отрицания всякой святости и ценности. Ваш тип пролетария есть воплощенное отрицание вечности, утверждение тленности и временности. Истинный же тип аристократа обращен к вечности.

В аристократизме есть божественная несправедливость, божественная прихоть и произвол, без которых невозможна космическая жизнь, красота вселенной. Бездарное, плебейско-пролетарское требование уравнилельной справедливости и воздаяния каждому по количеству труда его есть посягательство на цветение жизни, на божественную избыточность. На ещё большей глубине это есть посягательство на тайну божественной благодати, требование рационализации этой тайны. Но в несправедливой божественной избыточности может быть скрыт высший смысл мировой

жизни, цвет её.

Аристократия в истории может падать и вырождаться. Она обычно падает и вырождается. Она легко может быть слишком кристаллизованной, окаменевшей, слишком замкнутой и закрытой от творческих движений жизни. Она имеет уклон к образованию касты. Она начинает противопоставлять себя народу. Она изменяет своему назначению и вместо служения требует себе привилегии. Но аристократизм не есть право, аристократизм есть обязанность. Аристократическая добродетель – дарящая, а не отнимающая. Аристократ тот, кому больше дано, кто может уделить от своего избытка. Борьба за власть и за интересы по природе своей не аристократична. Аристократическая власть, власть лучших и благороднейших, сильнейших по своим дарам, есть не право, а обязанность, не притязание, а служение. Права лучших – прирожденные права. Борьба лучших и труд их направлены на исполнение обязанностей, на служение. Аристократия по идее своей – жертвенна. Но она может изменять своей идее. Тогда она слишком цепляется за свои внешние преимущества и падает. Но всегда следует помнить, что народные массы выходят из тьмы и приобщаются к культуре через выделение аристократии и исполнение ею своей миссии. Аристократия первая вышла из тьмы и получила Божье благословение. И на известных ступенях исторического развития аристократия должна отказаться от некоторых своих прав, чтобы продолжать играть творческую роль в истории. Если в России есть ещё настоящая аристократия, то она должна жертвенно отказаться от борьбы за свои попорченные привилегированные интересы. Аристократия не есть сословие или класс, аристократия есть некоторое духовное начало, по природе своей неистребимое, и оно действует в мире в разных формах и образованиях.

Некоторые из вас готовы признать духовную аристократию, хотя и не очень охотно. Но слишком упрощенно представляете вы себе отношение между аристократией духовной и аристократией исторической. Вы думаете, что историческая аристократия есть только зло прошлого, что она не имеет права на существование и что она не имеет никакого отношения к аристократии духовной. В действительности, всё сложнее, чем вам это представляется. Все ведь всегда бывает сложнее, чем представляется вам, упрощителям. Никто, конечно, не станет смешивать и отождествлять духовной аристократии с аристократией исторической. Представители исторической аристократии могут стоять очень низко в духовном отношении, и самые высшие представители духовной аристократии могут не выходить и даже обычно не выходят из аристократических слоев. Это – бесспорно и элементарно. Но нельзя отрицать значения крови, наследственности, расового социального подбора для выработки среднего душевного типа. Вы слишком привыкли брать человека отвлеченно, как арифметическую единицу, вы отвлекаете человека от его предков, от его наследственных традиций и навыков, от его воспитания, от столетий и тысячелетий, живущих в его крови, в клетках его органического существа, от всех органических связей человека. Но ваш отвлеченный, арифметический человек есть фикция, а не реальность, он лишен всякого содержания. Вы считаете человеком то, что есть схожего у него со всяким другим, – две руки, две ноги, два глаза, один нос и т. п. Но именно потому и ускользает от вашего взора человек, ибо он ещё в большей степени есть то, чем он не похож на всякого другого. В человеческой индивидуальности скрещивается много кругов и образует породу человека. Человек органически, кровью принадлежит к своей расе, своей национальности, своему сословию, своей семье. И в неповторимой, лишь ему одному принадлежащей индивидуальности своеобразно преломляются все расовые, национальные, сословные, семейные наследия, предания, традиции, навыки. Личность человеческая кристаллизуется на той или иной органической почве, она должна иметь сверхличную компактную среду, в которой происходит качественный отбор. Одно из самых больших заблуждений всякой абстрактной социологии и абстрактной этики – это непризнание значения расового подбора, образующего породу, вырабатывающего душевный, как и физический, тип. В типе человека огромное значение имеет раса. Человек может преодолевать ограниченность расы и уходить в бесконечность. Но он должен иметь индивидуализированную породу. Дворянин, преодолевший ограниченность дворянства, освободившийся от всех сословных предрассудков и интересов, останется дворянином по расе, по душевному типу, и самая победа над дворянством может быть проявлением дворянского благородства.

Культура не есть дело одного человека и одного поколения. Культура существует в нашей крови. Культура – дело расы и расового подбора. «Просветительное» и «революционное» сознание, всегда поверхностное и ограниченное, наложило искаженную печать и на самую науку, хотя из науки оно делало своё знамя. Оно затемнило для научного познания значение расы. Но объективная,

незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но и как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть также неопровержимый и неистребимый антропологический факт. Дворянство не может быть в этом смысле истреблено. Никакие социальные революции не могут уничтожить качественных преимуществ расы. Дворянство может умирать как социальный класс, может быть лишено всех своих привилегий, может быть лишено всякой собственности. Я не верю в будущее дворянства как сословия, и не хочу себе, как дворянину, дворянских привилегий. Но оно остается как раса, как душевный тип, как пластическая форма, и вытеснение дворянства, как класса, может увеличить его душевную и эстетическую ценность. Это и произошло в значительной степени во Франции после революции. Дворянство есть психическая раса, которая может сохраниться и действовать при всяком социальном строе. Для мира и мировой культуры необходимо сохранение этой психической расы с её кристаллизованными аристократическими чертами. Полное исчезновение её было бы понижением человеческой расы, безраздельным торжеством *parvenu*, смертью древнего благородства в человечестве. Подбор благородных черт характера совершается тысячелетиями. Психических результатов этого долгого процесса не могут истребить никакие революции. Уничтожение феодального строя на Западе не было полным уничтожением тех психических черт, которые были выработаны феодальным рыцарством. Этим чертам начали подражать и другие классы. В рыцарстве выковывалась личность, создавался закал характера. Чувство чести у современного человека, в современном буржуазном мире идет от преданий рыцарства. Рыцарство вырабатывало высший тип человека. В рыцарстве была временная и тленная историческая оболочка, от которой ничего уже не осталось. Много темного было связано с этой оболочкой. Но в рыцарстве есть и вечное, неумирающее начало. Рыцарство есть также духовное начало, а не только социально-историческая категория. И окончательная смерть рыцарского духа была бы деградацией типа человека. Высшее достоинство человека выковывалось и оформлялось в рыцарстве и дворянстве и от него пошло в более широкие круги мира, оно – аристократического происхождения. Подбор благородных черт характера происходит медленно, он предполагает наследственную передачу и семейные предания; это – процесс органический. Таким же органическим процессом является и образование высокой культурной среды и высоких культурных традиций. В настоящей, глубокой и утонченной культуре всегда чувствуется раса, кровная связь с культурными преданиями. Культура людей сегодняшнего дня, без прошлого, без органических связей, всегда поверхностна и грубовата. И тот, у кого культура есть уже во многих поколениях, имеет совсем иной культурный стиль и иную культурную крепость, чем тот, кто первый приобщается к культуре.

К горю нашему, в русской истории не было рыцарства. Этим объясняется и то, что личность не была у нас достаточно выработана, что закал характера не был у нас достаточно крепок. Слишком великой осталась в России власть первоначального коллективизма. Многие русские мыслители, ученые и писатели гордились тем, что в России не было настоящей аристократии, что страна наша естественно демократична, а не аристократична. Нравственно прекрасен наш бытовой демократизм, наша простота, свойственные и настоящему русскому дворянству. Но в отсутствии аристократии была и наша слабость, а не только наша сила. В этом чувствовалась слишком большая зависимость от темной народной стихии, неспособность выделить из огромного количества руководящее качественное начало. Со времени Петра роль аристократии играла у нас бюрократия, и в бюрократии были некоторые черты аристократического подбора. Но всё же бюрократия не может быть признана настоящей аристократией по душевному своему типу. У нас побеждал бюрократический абсолютизм сверху и народничество снизу. Творческое развитие, в котором играли бы руководящую роль качественно подобранные элементы, у нас сделалось невозможным, и ныне мы жестоко за это расплачиваемся. И всё-таки несправедливо было бы отрицать огромное значение дворянства в России. Дворянство было нашим передовым культурным слоем. Дворянство создало великую русскую литературу. Дворянские усадьбы, дворянские семьи были первой нашей культурной средой. Красота старого русского быта – дворянская красота. Благородный стиль русской жизни – прежде всего дворянский стиль. Чувство чести прежде всего и более всего развилось в русском дворянстве. Русская гвардия в своё время была школой чести. Вторжение в русскую жизнь разночинца и слишком большое его преобладание скорее понизило, чем повысило у нас душевный тип человека. Жизнь наша потеряла всякий стиль. Лучшей, наиболее стильной и красивой эпохой нашей, наиболее достойной называться возрождением нашим, остается начало XIX века, время Пушкина, Лермонтова и целой плеяды поэтов, мистического движения, декабристов, Чаадаева и

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

зарождения первоначального славянофильства, время стиля ампир, т.е. век руководящей роли дворянства, дворянской интеллигенции, дворянского культурного слоя. Тогда мы ещё не были нигилистами. На место дворянской культуры, недостаточно окрепшей, у нас пришел нигилизм и нигилистический стиль. Но всё наиболее значительное в русской культуре было связано с дворянством. Не только герои Л. Толстого, но и герои Достоевского немислимы вне связи с дворянством. Вспомните, что говорил Достоевский в «Подростке» о дворянстве и его значении. Все большие русские писатели вспоены дворянской культурной средой. В пламени костров, зажженных революцией, сгорают не только усадьбы стиля ампир, но также Пушкин и Толстой, Чаадаев и Хомяков, сгорает всё русское творчество и русские предания. Истребление русского дворянства есть истребление культурных традиций, разрыв связи времен в нашей духовной жизни. Ваша ненависть *parvenu* к дворянству – низкое чувство, понижающее уровень человека, она направлена не только на привилегии дворян, которых давно уже нет, и которые безумие было бы восстанавливать, а на психические черты, которые неистребимы и наследуют вечность. Но нужно признать, что дворянство нравственно и духовно пало у нас раньше, чем было низвергнуто революцией.

Рыцарство и дворянство не должны психологически исчезнуть из мира, они должны приобщать к царству благородства и чести, к более высокому типу широкие народные круги. Не демократизация, а аристократизация общества имеет внутреннее духовное оправдание. Зачатки аристократизма, благородства породы есть в каждом классе, и нет классов отверженных. Освободительный процесс в человеческой жизни имеет лишь один смысл – раскрытие более широких путей для обнаружения аристократических душ и для их преобладания. В истории происходит мучительный процесс всё новых и новых исканий истинной аристократии. Дурное и пренебрежительное отношение к простому народу – не аристократично, это хамское свойство, свойство выскочек. Аристократическое чванство – безобразное явление. Аристократия должна была бы давать простому народу от своего избытка, служить ему своим светом, своими душевными и материальными богатствами. С этим связано историческое призвание аристократии. Рёскин мечтал о таком социализме, который будет проводиться наследственной аристократией. Он был горячим сторонником иерархического строя общества с аристократией во главе и вместе с тем столь же горячим сторонником решительных социальных реформ в пользу обездоленных классов. В этом он следовал вечной правде Платона. И вам бы следовало идти за Платоном и Рёскиным. Средняя масса исторической аристократии и дворянства легко изменяет своему назначению, впадает в эгоистическое самоутверждение и духовно вырождается. Те, которые особенно дорожат своими аристократическими привилегиями и противопоставляют их другим, менее всего бывают аристократичны по своему душевному типу. Хамство в аристократических и дворянских кругах очень распространено. Когда далеко заходит измена иерархически высших классов своему назначению и духовное растление в них, тогда зреет революция, как справедливая кара за грехи высших и сильнейших. И спасти будущее более высокой культуры, всегда основанной на иерархическом начале, может лишь жертва исторической аристократии, готовность отказаться от классовых реставраций, готовность отказаться от привилегий и нести своё служение, исполнить свою миссию.

* * *

Но в мире существует не только историческая аристократия, в которой вырабатывается средний уровень путем расового подбора и наследственной передачи, – в мире существует также духовная аристократия, как вечное начало, независимое от смены социальных групп и исторических эпох. Историческая аристократия может иметь черты душевного и телесного аристократизма, но в ней нет ещё черт аристократизма духовного. Духовный аристократизм осуществляется в мире в порядке индивидуальной благодати, он не может иметь обязательной и преимущественной связи с какой-либо социальной группой. Явление духовного аристократизма, гения предполагает благоприятную духовную атмосферу в жизни народов, но оно не связано с естественным подбором и выработкой среднего культурного уровня. Гениальность так же не наследуется, как не наследуется святость. Великие люди рождаются в провиденциально предназначенные минуты. Но они выходят из какой угодно среды, из высшей аристократии, как и из среды крестьян или мещан. Отношение между аристократией духовной и аристократией социально-исторической имеет свои ступени. В то время как высшие и наиболее благодатные явления духовной аристократии не имеют никакой связи с аристократией социально-исторической, с органическим подбором и наследованием, средние её ступени некоторую связь имеют, так как находятся в большей зависимости от

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org
сверхиндивидуальной традиции, от подбора, кристаллизующего культурную среду. Для гения закон не писан, но он уже писан для таланта.

В мире вечно живут и действуют две аристократии – экзотерическая и эзотерическая. Экзотерическая аристократия образуется и действует во внешнем историческом плане. В явлениях экзотерической аристократии есть уловимая закономерность и природно-биологическая основа. Эзотерическая аристократия образуется и действует во внутреннем сокровенном плане. В явлениях эзотерической аристократии нельзя уловить такой закономерности и открыть такой природно-биологической основы, они принадлежат к порядку благодатному, к царству духа, а не к царству природы, в которое входит и план исторический. Эзотерическая аристократия образует в истории как бы таинственный орден, и в нём зачинается всё творчески великое. В экзотерический план истории вся эта творческая жизнь духа попадает уже в измененном виде, приспособленном для среднего человеческого уровня, для культуры с её требованиями и задачами. Это различие явственно видно в жизни церкви. Царство святых или старцев представляет эзотерическую религиозную аристократию. В ней осуществляются высшие и реальные достижения церковной жизни. Но наряду с этим в церкви существует и экзотерическая аристократия, внешне закономерная историческая церковная иерархия. Она необходима для исторической жизни церкви, для религиозного воспитания и водительства народов. В ней есть подбор и преемственность, необходимые для кристаллизации церковной среды. Историческая церковная аристократия имеет свою большую положительную миссию, но она не есть последнее и глубочайшее в жизни религиозной. Духовные достижения сокровенной жизни святых в измененном, экзотерическом виде переходят в историческую церковную жизнь с её внешними иерархическими ступенями. То же соотношение между эзотерическим и экзотерическим существует и во всей духовной жизни человечества, во всей культуре. Существует аристократия и иерархия срединной, экзотерической культуры. В ней есть подбор и преемственность. Она требует ценза, прежде всего ценза образования, воспитания, ценза ума и способности. Она живет и развивается в культурной традиции и предании. И когда вы ступаете на путь отрицания умственного и образовательного ценза, вы низвергаете качества во имя количества и уготавливаете царство тьмы, толкаете народы назад. Вы являетесь деятелями регресса. Качественный ценз воспитания, образования, ума, способности необходим для культурной работы, для всякой государственной и общественной деятельности. Этот ценз создает свою иерархию, свою аристократию. Но это аристократия экзотерическая, действующая в срединном царстве государственного и культурного бытия. Глубже её, за ней стоит эзотерическая аристократия, высшая духовная аристократия, в которой зачинается всякое творчество, всякое открытие и откровение, в которой человек переходит за грани этого мира. Высшая духовная аристократия есть царство святости, гениальности и рыцарства, царство великих и благородных, высшая человеческая раса.

Личное начало раскрывается, кристаллизуется и развивается прежде всего в аристократии. Это – первое в истории выступление личности из темной коллективной стихии. Потом сложными и мучительными путями происходит искание условий, благоприятных для раскрытия аристократии избранных личностей, качественного подбора личностей. За аристократией первой ступени устанавливается аристократия последующих ступеней. Не только существует аристократия как класс, как социальная группа, но и каждый класс, каждая группа выделяет свою аристократию. Выделяется и подбирается аристократия крестьянская, купеческая, профессорская, литературная, художественная и т. д. И если бы не происходил повсюду этот дифференцирующий процесс выделения и образования аристократии, то неоформленная, хаотическая мещанская стихия тянула бы вниз и не допускала бы творчества ценностей. Перед каждой исторической эпохой стоит сложная задача выделения и укрепления своей аристократии разных ступеней. И не так просто решить, какой политический и социальный строй благоприятен выделению и укреплению такой аристократии. Все вы, уравнители, имеете разные монистические теории на всякий случай. Но все ваши теории мало стоят. Сложность жизни всегда их опрокидывает. Не исключительное торжество одного какого-нибудь начала, а лишь более сложное сочетание нескольких начал благоприятствует истинной аристократии. Служебную роль в этом великом деле может сыграть и начало демократическое, когда оно ограничено и соподчинено более высоким началам. Аристократия и демократия – два внутренне противоположных начала, метафизически враждебных и взаимоисключающих. Но в социальной действительности столкновение этих начал дает сложные результаты, и торжество начала аристократического может способствовать демократическому, когда оно не имеет самодовлеющих притязаний. И перед обществом

монархическим, и перед обществом демократическим одинаково стоит задача выделения и подбора руководящей аристократии. Чистая монархия есть абстракция, конкретно монархия осуществляет себя через аристократию. И ценность монархии прежде всего в способности подобрать руководящую аристократию и укрепить её. Монархия падает, когда она подбирает вокруг себя худших.

Дух демократизма в своей метафизике, в своей морали, в своей эстетике несет с собою величайшую опасность для аристократического начала человеческой и мировой жизни, для благородного качественного начала. Метафизика, мораль и эстетика количества хотели бы раздавить и уничтожить всякое качество, всё лично и соборно возвышающееся. Царство демократической метафизики, демократической морали, демократической эстетики – царство худших, а не царство лучших. Царство демократии окончательно низвергает древний идеал доблести и благородства породы, оно подрывает биологические и духовные основы аристократизма. Торжество демократической метафизики представляет величайшую опасность для человеческого прогресса, для качественного повышения человеческой породы. Вы хотели бы создать такие условия, которые сделали бы невозможным дальнейшее существование аристократизма в мире, выделение и подбор лучших. Это величайший обман с вашей стороны, когда вы говорите, что вы хотите освободить человеческую природу. Вы хотите поработить человеческую природу, хотите ей поставить границы и препоны. Вы отрицаете и биологические основы аристократизма, основы расовые, и благодатные его основы, основы духовные. Вы обрекаете человека на серое, бескачественное существование. Правда, вы хотели бы поднять огромную массу человечества на более высокий уровень, вы хотели бы принудить к этому более высокому уровню. Но не потому хотели бы вы это сделать, что цените и любите «высокий уровень», а потому, что вы хотите уравнивания, не выносите различия и возвышения. Само возвышение человеческое вас никогда не интересовало. И вы забываете, что возвышение достигается свободной борьбой и свободным подбором. Не возвышение, а принижение вышестоящих вас интересует больше всего. И вам недоступна, для вашего сознания навеки закрыта тайна истории. Тайна истории – аристократическая тайна. Она осуществляется в меньшинстве. Меньшинство несет в себе дух вселенскости. Дух вселенскости – аристократический дух. Дух большинства, дух демократический – провинциальный, партикулярный дух. В истории существует водительство меньшинства, водительство аристократии. Восстание против этого водительства есть посягательство на тайну истории. Вам не удастся истребить онтологического различия между душами, не удастся стереть различия между умными и глупыми, даровитыми и бездарными, благородными и низкими, прекрасными и безобразными, благодатными и безблагодатными.

Письмо седьмое

О либерализме

Слово либерализм давно уже потеряло всякое обаяние, хотя происходит оно от прекрасного слова свобода. Свободой нельзя пленить массы. Масса не доверяет свободе и не умеет связать её с своими насущными интересами. Поистине, в свободе есть скорее что-то аристократическое, чем демократическое. Это ценность – более дорогая человеческому меньшинству, чем человеческому большинству, обращённая прежде всего к личности, к индивидуальности. В революциях никогда не торжествовал либерализм. Не только в социальных, но и в политических революциях он не торжествовал, ибо во всех революциях поднимались массы. Масса же всегда имеет пафос равенства, а не свободы. И большими революциями всегда двигало начало равенства, а не свободы. Либеральный дух по существу не революционный дух. Либерализм есть настроение и мирозерцание культурных слоев общества. В нём нет бурной стихии, нет огня, воспламеняющего сердца, в нём есть умеренность и слишком большая оформленность. Правда либерализма – формальная правда. Она ничего не говорит ни положительного, ни отрицательного о содержании жизни, она хотела бы гарантировать личности любое содержание жизни. Либеральная идея не обладает способностью превращаться в подобие религии и не вызывает к себе чувств религиозного порядка. В этом слабость либеральной идеи, но в этом и хорошая её сторона. Идеи демократические, социалистические, анархические притязают давать содержание человеческой жизни; они легко превращаются в лжерелигии и вызывают к себе отношение религиозного характера. Но в этом-то и коренится ложь этих идей, ибо в них нет никакого духовного содержания и нет ничего, достойного религиозно-патетического отношения. Прикрепление религиозных чувств к недостойным предметам есть великая ложь и соблазн. И нужно признать, что

либерализм не побуждает к этому. Идея демократическая ещё более формальна, чем идея либеральная, но она обладает способностью выдавать себя за содержание человеческой жизни, за особый тип человеческой жизни. И потому в ней скрыт ядовитый соблазн. Идея социалистическая отличается безграничной притязательностью. Она претендует ставить цели человеческой жизни, в то время как она относится к средствам жизни, к материальным её орудиям. Вы давно уже обоготворили и абсолютизировали относительные средства, прикрепили к ним чувства почти религиозного порядка, и цели жизни померкли для вас. Ваша религия общности, социальности есть религия средств, а не целей. Поистине, во внешней общности всё относится к средствам; цели же ставятся в большей глубине, цели – духовны, а не общественны. И самая духовная общность людей, сама внутренняя их общность неопределима внешними критериями общности. Ибо цели и содержание жизни берутся из духовной глубины и коренятся в божественной действительности. Социальная же среда представляет сложную совокупность средств для осуществления этих целей и этого содержания. Поэтому все социальные идеи оказываются безнадежно и непреодолимо формальными и никогда в них нельзя дойти до подлинного содержания и цели, никогда нельзя уловить в них онтологического ядра.

Есть ли такое онтологическое ядро в либерализме? В людях, слишком поверивших в либеральную идею и исповедующих доктрину либерализма, в либеральных движениях и партиях слишком мало онтологического. Это в большинстве случаев поверхностные люди и поверхностное движение. Но в истоках либеральной идеи есть блестящая связь с онтологическим ядром жизни, чем в истоках идеи демократической и социалистической. Ибо поистине свобода и права человека, человеческой личности, человеческого духа имеют блестящую связь с духовными основами жизни, чем всеобщее избирательное право или обобществление орудий производства. Свобода и права человека, неотчуждаемые во имя утилитарных целей, коренятся в глубине человеческого духа. И поскольку либерализм их утверждает, он связан с природой личности, которая имеет онтологическую основу. Либерализм нельзя обосновать позитивистически, его можно обосновать лишь метафизически. По позитивным основаниям человека можно лишить самого священного его права, если это понадобится. Метафизическую природу либерализма хорошо понимал и обосновывал в довольно крайней и односторонней форме Чичерин. Нет оснований признавать неотъемлемую свободу и неотъемлемые права за человеческой личностью, если она не обладает вечной духовной природой, если она есть лишь рефлекс социальной среды. Руссо последовательно признал суверенность общества и принужден был отрицать все неотъемлемые свободы и права человека. Также отрицал эти свободы и права Маркс. Либералы – позитивисты лишь по непоследовательности и по поверхностности своего сознания – готовы признать неотъемлемые свободы и права человека. Духовным источником свободы и прав человека является свобода и право религиозной совести. И в этой точке формальная правда либерализма соприкасается с онтологическим ядром человеческой жизни. Права человека и гражданина имеют свою духовную основу в свободе совести, провозглашенной в английской религиозной революции. Эта истина делается всё более и более общепризнанной. Но глубже ещё неотъемлемые и священные свободы и права человека обоснованы в церкви Христовой, признающей бесконечную природу человеческого духа и защищающей его от неограниченных посягательств внешнего государства и общества. Это – вечная истина Вселенской Церкви, в реформации она получила лишь одностороннее выражение, вызванное сложными историческими условиями. Злоупотребления католичества в его человеческих, слишком человеческих проявлениях (очень преувеличенные) не должны заслонять той истины, что в нём уже заключалось признание бесконечных прав человеческого духа. Реформация всё духовно получила от церкви, но в ущербном виде.

Что истинная свобода человеческой личности христианского происхождения, это видно уже из того, что античный мир не знал личной свободы, а знал лишь свободу публичную. Уже Бенжамен Констан подчеркнул глубокое различие между древним и новым пониманием политической свободы. Это – различие между языческим и христианским сознанием. На почве языческого религиозного сознания можно было понимать свободу так, как понималась она в греческой демократии, но нельзя было понимать её так, как она раскрылась христианскому религиозному сознанию, познавшему бесконечную духовную природу человеческой личности. Учение Руссо было рецидивом языческого сознания. Он не знает личной свободы, не знает духовной природы человека, независимой от общества, не знает её неотъемлемых прав. Он отрицает свободу совести, порабощает совесть человеческую обществу, суверенному народу. И его сознание политической свободы – дохристианское сознание. И все вы, идущие за Руссо, идущие за Марксом, все вы, подменяющие реальную свободу

личности призрачной свободой общественной, все вы язычники, все вы отщепенцы христианства. Для вас не существует человека во внутренней, духовной его действительности, а существует лишь человек в его социальных оболочках. Во имя нового бога вашего – суверенного народа – вы лишаете человека всех его прав. Человек имеет глубокую онтологическую связь с такими подлинными реальностями, как церковь, как национальность, как государство. Но что есть онтологического во всеобщем избирательном праве, в социализации промышленности, во всей вашей промышленности, во всем вашем коллективизме? Почему человек должен поступиться своими правами, ограничивать свою природу во имя таких фикций и призраков?

В идеалистическом либерализме были просветы лучшего сознания, было большее внимание к человеческой природе. Но просветы эти были закрыты поверхностным «просветительством». Ибо «просветительство» никогда не просвещает глубоко сознание. Свет его – не солнечный свет. Это – искусственный свет лампы, ослабляющий самую потребность в истинном свете. И лучше пройти через полную тьму, через ночь сознания, чтобы почувствовать жажду приобщения к царству подлинного света. Широко распространенная либеральная идеология слишком срослась с этим поверхностным просветительством, и в нём утонули проблески более высокой правды. Либерализм влачит существование, лишенное всех онтологических основ, он живет крохами и клочьями какой-то замутненной правды. И с ним перестали считаться как с самостоятельным явлением духа. Либерализм так основательно выветрился, так обездушился, что можно ещё признавать элементы либерализма, но невозможно уже быть либералом по своей вере, по своему окончательному мирозерцанию. Либерализм перестал быть самостоятельным началом, он сделался каким-то компромиссом, каким-то полудемократизмом или полуконсерватизмом. Он противопоставляет демократической или социалистической вере иную тактику, иные интересы, но бессилён уже противопоставить иную веру, иную идею. Слишком часто делаются либералами те, у кого слаба вера, кто не любит слишком утруждать себя идеями. В либеральном лагере невозможен прозелитизм. Слишком часто сами либералы пасуют перед более радикальными и крайними идеями, склоняются перед типом революционера и себя считают недостойными приобщиться к революционной вере и революционному действию. Либерал сделался синонимом умеренного, человека компромисса, оппортуниста. Но можно ли назвать умеренным и оппортунистом того, у кого есть своя идея, иная, чем у социалиста-революционера, своя вера, кто верен до конца своему началу? Либералы обычно нравственно пасуют перед революционерами и бессильны противопоставить им иную, более высокую нравственную правду. Чем объяснить такую выветренность и опустошенность либерализма? Почему угасли в нём проблески правды более высокой, чем та, которая выдвигается демократизмом и социализмом?

«Познайте истину, и истина сделает вас свободными». «Где дух Господень, там и свобода». Вот в какой глубине должно обосновываться начало освободительное. Поистине, христианство хочет освободить человека от рабства, от рабства греху, рабства низшей природе, рабства стихиям этого мира, и в нём должно было бы искать основ истинного «либерализма». Истинное освобождение человека предполагает освобождение его не только от внешнего рабства, но и от внутреннего рабства, от рабства у самого себя, у своих страстей и своей низости. Об этом не подумали вы, просветители-освободители. Вы оставляете человека во внутреннем рабстве и провозглашаете права его, т. е. права рабьей, низшей природы. В основе вашего либерализма был внутренний порок. И потому он не мог не пасть. Либерализм ваш роковым образом изменил своей единственной возможной духовной основе. Вы сделали декларацию прав человека и оторвали её от декларации прав Бога. В этом был ваш первородный грех, за который вы наказаны. Выше автономии стоит теономия. Это глубоко поняла французская католическая школа начала XIX века с Ж. де Мэстром во главе. И школа эта потребовала провозглашения забытых прав Бога, требовала этой священной декларации до забвения неоспоримых прав человека. Потому что вы забыли о правах Бога, вы забыли и о том, что декларация прав человека должна быть связана с декларацией обязанностей человека. Путь, на котором права человека были оторваны от обязанностей человека, не довел вас до добра. На этом пути выродился ваш либерализм. Требования прав без сознания обязанностей толкало на путь борьбы человеческих интересов и страстей, состязание взаимоисключающих притязаний. Права человека предполагают обязанность уважать эти права. В осуществлении прав человека самое важное не собственные правовые притязания, а уважение к правам другого, почитание в каждом человеческого образа, т. е. обязанности человека к человеку и человека к Богу. Обязанности человека глубже прав человека, они и обосновывают права человека. Право вытекает из обязанности. Если все будут очень сильно сознавать права и

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

очень слабо сознавать обязанности, то права никем не будут уважаться и не будут реализованы. И права человека, и обязанности человека коренятся в его богоподобной природе. Если человек – лишь подобие природной и социальной среды, лишь рефлекс внешних условий, лишь дитя необходимости, то нет у него ни священных прав, ни священных обязанностей, то у него есть лишь интересы и притязания. Права человека предполагают права Бога, это прежде всего права Бога в человеке, права божественного в человеке, его богоподобия и богосыновства. Человек потому лишь имеет бесконечные права, что он бесконечный дух, что глубина его входит в божественную действительность. Личность человеческая не довлеет себе, она предполагает бытие Бога и божественных ценностей. Возможно ли провозглашение священных прав человека, как усовершенствованного и дисциплинированного зверя, как куска праха, в котором на мгновение загорелась жизнь? Права человека должны иметь онтологическую основу, они предполагают и бытие души человеческой в вечности, и бытие, бесконечно превышающее эту душу, бытие Божие. Об этом забывает ваш просвещенный либерализм и ваш радикализм. И потому он должен был выветриться, он не мог осуществить никаких прав человека. Отвлеченный, доктринерский либерализм, претендующий опереться на собственную пустоту, есть невыносимая ложь, и против него должны подняться движения, искавшие реального содержания социальной жизни.

* * *

Либеральная идеология зародилась в умственной атмосфере XVIII века, которая склонна была утверждать естественную гармонию. Эта идеология проникнута верой в естественную гармонию свободы и равенства, во внутреннее родство этих начал. Французская революция совершенно смешивала равенство со свободой. Весь XIX век разбивал иллюзии естественной гармонии, он жизненно раскрыл непримиримые противоречия и антагонизмы. Обнаружилось, что равенство несет с собой опасность самой страшной тирании. Обнаружилось, что свобода нисколько не гарантирует от экономического рабства. Отвлеченные начала свободы и равенства не создают никакого совершенного общества, не гарантируют прав человека. Между свободой и равенством существует не гармония, а непримиримый антагонизм. Вся политическая и социальная история XIX века есть драма этого столкновения свободы и равенства. И мечта о гармоническом сочетании свободы и равенства есть неосуществимая рационалистическая утопия. Никогда не может быть замирения между притязаниями личности и притязаниями общества, между волей к свободе и волей к равенству. Отвлеченный либерализм так же бессилён разрешить эту задачу, как и отвлеченный социализм. Это – квадратура круга. В плане позитивном и рациональном задача эта неразрешима. Всегда будет столкновение безудержного стремления к свободе с безудержным стремлением к равенству. Жажда равенства всегда будет самой страшной опасностью для человеческой свободы. Воля к равенству будет восставать против прав человека и против прав Бога. Все вы, позитивисты-либералы и позитивисты-социалисты, очень плохо понимаете всю трагичность этой проблемы. Свобода и равенство несовместимы. Свобода есть прежде всего право на неравенство. Равенство есть прежде всего посягательство на свободу, ограничение свободы. Свобода живого существа, а не математической точки, осуществляется в качественном различии, в возвышении, в праве увеличивать объем и ценность своей жизни. Свобода связана с качественным содержанием жизни. Равенство же направлено против всякого качественного различия и качественного содержания жизни, против всякого права на возвышение. Один из самых замечательных и тонких политических мыслителей XIX века, Токвиль, первый ясно сознал трагический конфликт свободы и равенства и почуял великие опасности, которые несет с собой дух равенства. «Я думаю, – говорит этот благородный мыслитель, – что легче всего установить абсолютное и деспотическое правительство у народа, у которого общественные состояния равны, и полагаю, что если подобное правительство раз было установлено у такого народа, то оно не только притесняло бы людей, но с течением времени отнимало бы у каждого из них многие из главнейших свойств, присущих человеку. Поэтому мне кажется, что деспотизма всего более следует опасаться в демократические времена». Этот благородный ужас перед нивелировкой, перед европейской китайщиной был и у Д. С. Милля. И его беспокоила судьба человеческой личности в демократическом обществе, одержимом духом равенства. Иллюзии XVIII века, иллюзии французской революции были разбиты. Свобода расковывает безудержную волю к равенству и таит в себе семя самоотрицания и самоистребления. Либерализм порождает демократию и неудержимо переходит в демократизм. Таково его последовательное развитие. Но демократия истребляет самые основы либерализма, равенство пожирает свободу. Это обнаружилось уже в ходе французской революции. 93 год истребил декларацию прав человека и

гражданина 89 года. Это процесс фатальный. Противоречие между свободой и равенством, между правами личности и правами общества непреодолимо и неразрешимо в порядке естественном и рациональном, оно преодолимо и разрешимо лишь в порядке благодатном, в жизни церкви. В общении религиозном, в обществе церковном снимается противоположность между личностью и обществом, в нём свобода есть братство, свобода во Христе есть братство во Христе. Духовная соборность разрешает эту квадратуру круга. В ней нет различия между правом и обязанностью, нет противоположения. Но в церковном обществе нет механического равенства, в нём есть лишь братство. И свобода в нём не есть противоположение себя другому, ближнему своему. Религиозное общение основано на любви и благодати, которых не знает ни либерализм, ни демократизм. И потому разрешаются в нём основные антиномии человеческой жизни, жесточайшие её конфликты.

Внутреннее развитие либерализма ведет к демократическому равенству, которое становится в неизбежное противоречие со свободой. Но и с другой стороны либерализм подвергается опасности разложения и вырождения. В либеральной идее, самой по себе, нет ещё ничего «буржуазного». Нет ничего «буржуазного» в свободе. Я с отвращением употребляю ваши излюбленные слова, пошлые и поверхностные, лишённые всякого онтологического смысла. Я не думаю, чтобы вы знали, что такое «буржуазность», и имели право говорить о ней. Вы ведь сами целиком в ней пребываете. Но нельзя не признать, что господство отвлеченного либерализма в жизни экономической дало свои отрицательные и злые плоды. Если манчестерство и имело относительное оправдание в известный исторический момент, то в дальнейшем неограниченное господство его лишь компрометировало и разлагало либеральную идею. Ничем не ограниченный экономический индивидуализм, отдающий всю хозяйственную жизнь целиком во власть эгоистической борьбы и конкуренции, не признающей никакого регулирующего принципа, не имеет как будто никакой обязательной связи с духовным ядром либерализма, т. е. с утверждением прав человека. Несостоятельность так называемого экономического либерализма давно уже выяснилась. И вокруг идеи либерализма образовалась атмосфера, насыщенная неприятными ассоциациями. Вообще ведь идеи, и даже не столько идеи, сколько слова, их выражающие, подвержены порче. Человеческие интересы способны исказить и загрязнить и самые высокие слова, связанные с жизнью религиозной. Слово «либерализм» принадлежит к разряду очень порченных слов. Но много ли осталось слов не порченных, во многих ли словах наших осталась ещё светоносная, действенная энергия? Порча либерализма началась со смешения целей и средств, с подмены духовных целей жизни материальными средствами. Свобода человека, права человека есть высокая духовная цель. Всякий политический и экономический строй может быть лишь относительным и временным средством для осуществления этой цели. Когда либерализм видит в свободе человека и неотчуждаемых правах его высокую цель, он утверждает неполную, но несомненную истину. Но когда он начинает временным и относительным политическим и экономическим средством придавать почти абсолютное значение, когда в исканиях новых форм социальной организации он начинает видеть недопустимое нарушение своей отвлеченной доктрины, он вырождается и разлагается. На этой почве создались очень сложные и запутанные отношения между либерализмом и социализмом, которые нельзя выразить в отвлеченной формуле.

Вы любите противопоставлять либерализм и социализм как два вечно враждующих и несовместимых начала. Это так же относительно верно, как и все отвлеченные формулы. Идеология либеральная и идеология социалистическая образовались вокруг разных жизненных задач, пафос их имеет разные источники. Воля к свободе породила либеральную идеологию. Идеологию социалистическую породила воля к обеспечению хлеба насущного, к удовлетворению элементарных жизненных потребностей. И если либералами делаются те, у кого элементарные жизненные потребности удовлетворены и обеспечены и кто хочет свободно раскрыть свою жизнь, то социалистами делаются те, кому нужно ещё удовлетворение более элементарных жизненных требований. В перспективе индивидуальной социализм элементарнее либерализма. В перспективе же общественной это соотношение обратное. В принципе как будто бы мыслим либеральный социализм и социалистический либерализм. Либерализм не имеет никакой обязательной идейной связи с манчестерством, с экономическим индивидуализмом, эта связь – случайно-фактическая. Либерализм вполне совместим с социальным реформаторством, он может допускать всё новые и новые средства и методы для обеспечения свободы и прав человека. Либеральная декларация прав носит формальный характер и допускает какое угодно социальное содержание, если оно не посягает на права человека, признанные неотъемлемыми. Известного рода реформаторский социализм даже более совместим с идеальными основами либерализма, чем с крайними формами демократии, не имеющей социального характера. С другой

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

стороны, возможен либеральный социализм. Социализм реформаторского типа может основываться на либеральных принципах, может мыслить социальное реформирование общества в рамках декларации прав человека и гражданина. Либерализм впитывает в себя элементы социализма. Социализм же делается более либеральным, более считается не только с экономическим человеком, но и с человеком, обладающим неотъемлемыми правами на полноту индивидуальной жизни, правами духа, не подлежащими утилитарным ограничениям. Но либеральный, реформаторский социализм не есть, конечно, настоящий социализм. Важнее всего признать, что либерализм и социализм – относительные и временные начала. Вера либеральная и вера социалистическая – ложная вера.

Либеральное начало есть одно из начал человеческой жизни, но оно не может быть утверждено как начало единственное и безраздельно господствующее. Само по себе взятое, оно оказывается оторванным от онтологической основы. Либерализм должен сочетаться с более глубоким, не внешним консерватизмом, равно как и с социальным реформизмом. Религиозно либерализм есть протестантизм. В либеральной свободе есть доля истины, как есть она и в протестантской религиозной свободе. Но протестантизм отрывается от онтологических основ церкви, он утверждает начало религиозной свободы отвлеченно, не в полноте религиозной жизни. То же происходит и с либерализмом. Либерализм отрывается от онтологических основ общественности, он утверждает начало политической свободы отвлеченно, не в полноте человеческой жизни. И подобно тому, как религиозная свобода, свобода религиозной совести должна быть возвращена к своим онтологическим основам, к полноте церковной жизни, свобода и права человека должны быть возвращены к своим онтологическим основам, к полноте духовной жизни человека. Философский либерализм, как отвлеченный тип мысли, склонен отрицать реальные общности и целостности, онтологическую реальность государства, нации, церкви и признавать общество лишь взаимодействием личностей.

Чисто либеральная идеология переносит всё в личность как в единственную реальность. Но этим номинализмом подрывается в конце концов и реальность самой личности. Ибо реальность личности предполагает другие реальности. Об этом не раз уже было мною говорено. Рационалистический либерализм отрицает существование онтологической иерархии. Но этим отрицает он и личность как члена иерархии реальностей. Либерализм вырождается в формальное начало, если он не соединяется с началами более глубокими, более онтологическими. Индивидуалистический либерализм отрывает индивидуум от всех органических исторических образований. Такого рода индивидуализм опустошает индивидуум, вынимает из него всё его сверхиндивидуальное содержание, полученное от истории, от органической принадлежности индивидуума к его роду и родине, к государству и церкви, к человечеству и космосу. Либеральная социология не понимает природы общества. Либеральная философия истории не понимает природы истории.

Либерализм, как целое настроение и мирозерцание, – антиисторичен, столь же антиисторичен, как и социализм. И с этой стороны ждет его суровый суд. Все более глубокие попытки обоснования либерализма упираются в идею естественного права. Естественное право пытались обосновать идеалистически. Но учение об естественном праве связано с верой в «естественное состояние». Естественное право противопоставляется историческому праву, как естественное состояние противопоставляется историческому состоянию, исторической действительности. Все учения об естественном праве давно уже подвергнуты беспощадной критике. От них не осталось камня на камне. Идеалистическое возрождение естественного права и попытки дать ему нормативное основание с помощью философии Канта не доходят до последней глубины, до онтологических основ. Неотъемлемые и священные права человека не могут быть названы «естественными» его правами, правами «естественного состояния». И напрасно вы идеализируете природу человека, напрасно вы хотите опереться на нее в стремлении к лучшей жизни. «Исторический» человек всё же лучше «естественного» человека, и расковывание человека «естественного» порождает лишь зло. «Историческое» состояние выше «естественного» состояния, «историческое» право выше «естественного» права. Неотъемлемые и священные права имеет человек не как «естественное» существо, а как существо духовное, его благодатно-возрожденная, усыновленная Богу природа. А это значит, что глубокого обоснования прав человека следует искать не в «естестве», а в церкви Христовой. Бесконечное право человеческой души есть не «естественное», а «историческое» право христианского мира. Человеческая душа, открытая христианством, не есть «естественное состояние» человека, ибо в

Бердяев Н. философия неравенства filosoff.org

«естественном состоянии» она была глубоко задавлена и закрыта. Человеческая душа раскрылась из глубины в христианскую историческую эпоху, и раскрытие это предварялось лишь в античных мистериях и в платоновской философии. Крупица правды либерализма почерпнута из этого высшего источника. Ваша же философия «естественного состояния» и «естественного права» поверхностна. Более глубока философия «исторического состояния» и «исторического права». Вера в совершенное «естественное состояние» давно уже рухнула, она не выдерживает критики ни сознания научного, ни сознания религиозного. Человек по «естеству» своему не добр и не безгрешен. Все «естество» во зле лежит. В «естественном» порядке, в «естественном» существовании царит вражда и суровая борьба. Порядок «исторический» есть более высокое состояние бытия, чем порядок «естественный». Гуманизм лживо смешал человека «естественного» с человеком духовным, благодатно возрожденным и богоусыновленным, и в пределе своем привел к отрицанию человека. Вы, люди XX века, должны были окончательно освободиться от остатков XVIII века, от навязчивых идей позапрошлого века. Нет никакого «естественного» состояния, нет никакого «естественного» права, нет и быть не может никакой «естественной» гармонии. Уже XIX век должен был вас обратить к «историческому», к глубине исторической действительности. И поскольку либерализм противопоставляет себя «историческому» и обосновывает себя на «естественном», он вырождается в отвлеченной пустоте. «Историческое» – конкретно, «естественное» же есть абстракция. В «историческом», в исторических органических целостностях побеждается грех и зло «естественного» состояния. Выше «исторического» состояния и «исторического» права стоит «духовное» состояние и «духовное» право.

Вера в идеал либерализма уже стала невозможной. Все слишком изменилось и усложнилось с того времени, как была ещё свежа эта вера. Слишком ясно, что вера эта была основана на ложном учении о человеческой природе, на нежелании знать её иррациональные стороны. Мы не очень уже верим в конституции, не можем уже верить в парламентаризм как панацею от всех зол. Можно признавать неизбежность и относительную иногда полезность конституционализма и парламентаризма, но верить в то, что этими путями можно создать совершенное общество, можно излечить от зла и страдания, уже невозможно. Ни у кого такой веры нет. И последние доктринеры либерального конституционализма и парламентаризма производят жалкое впечатление. Парламентаризм на Западе переживает серьезный кризис. Чувствуется исчерпанность всех политических форм. И поскольку либерализм слишком верит в политическую форму, он не стоит на высоте современного сознания. Также не стоит на высоте современного сознания социализм, поскольку он слишком верит в экономическую организацию. Все эти веры – остатки старого рационализма. Рационализм основан был на сужении человеческого опыта, на неведении той иррациональной человеческой природы, которая делает невозможной полную рационализацию общества. Люди нового века не могут уже верить в спасительность политических и социальных форм, они знают всю их относительность. Все политические начала относительны, ни одно из них не может претендовать на исключительное значение, ни одно не может быть единospасающим средством. Вера в конституцию – жалкая вера. Конституции можно устраивать согласно требованиям исторического дня, но верить в них бессмысленно. Вера должна быть направлена на предметы более достойные. Делать себе кумир из правового государства недостойно. В этом есть какая-то ограниченность. Правовое государство – вещь очень относительная. И если есть в либерализме вечное начало, то искать его следует не в тех или иных политических формах, не в той или иной организации представительства и власти, а в правах человека, в свободах человека. Права и свободы человека безмерно глубже, чем, например, всеобщее избирательное право, парламентский строй и т. п., в них есть священная основа. Но именно поэтому права и свободы человека требуют более глубокого обоснования, чем то, которое дает им либерализм, обоснования метафизического и религиозного. Частичная правда либерализма – свобода религиозной совести, а основа её – в Христе и Его церкви, в свободе церкви от притязаний «мира», так как лишь в церкви Христовой раскрывается бесконечная природа человеческого духа. Вне христианства притязание мирского государства и мирского общества по отношению к человеческой личности были бы безграничны. Кровью христианских мучеников завоевана свобода человеческого духа. Об этом следовало бы помнить вам – мнящим себя освободителями. Но вы хотели бы освободить человека и от церкви Христовой, которая есть царство свободы, и этим вы отдаете человека безраздельно во власть природной необходимости.

В наше время редко можно встретить чистого либерала, выразителя отвлеченного либерального начала. Обычно либерализм бывает очень осложнен и сочетается с разными другими началами. В либеральной чистоте и пустоте невозможно удержаться. Или либерализм бывает осложнен началами консервативными, и тогда он более глубок

Бердяев Н. философия неравенства filosoff.org
и крепок. Или он бывает осложнен расплывчатыми демократическими, социалистическими и анархическими началами, и тогда он порождает пошлый и рыхлый тип радикала. Вы, радикалы, – самая ненужная в мире порода людей, самая поверхностная, самая промежуточная, живущая на чужой счет, а не на свой собственный. Вы живете чужими, более левыми, революционными идеями, которым бессильны противиться и бессильны отдалиться, которым бессильно завидуете. И вы не можете быть для человечества даже тем трагическим уроком, тем поучительным опытом, каким являются настоящие революционеры, социалисты и анархисты. Вы, радикалы-либералы, не имеете тех твердых начал, которые готовы были бы до конца защищать, которые могли бы противопоставить напору слева стихий разрушительных. В этом бессилии чувствуются плоды либерализма, не имеющего онтологических основ. Вы никогда не уверены, есть ли онтологические основы в государстве, в нации, во всех исторических целостях. И вас сносят течения более крайние и решительные, более верующие и фанатические. Вы, либералы-радикалы, – скептики по своему духовному типу и потому не можете двигать истории. Ложной вере должна быть противопоставлена истинная вера, а не безверие и скептицизм. Безверие и скептицизм, раздвоенность, оглядка по сторонам, жизнь на чужой счет, на счет чуждых идей за неимением собственных – роковые свойства радикала. Вот почему либерал-консерватор стоит выше, чем либерал-радикал, он более принципиален, он знает, что противопоставить чужим идеалам. Либерализм, как самодовлеющее отвлеченное начало, отстаивающее свободу личности, легко переходит в анархизм. Анархизм этот бывает очень невинным, очень идеальным, совсем не разрушительным, но и очень бессильным. Таким либералом-анархистом является например Спенсер. Таким был В. Гумбольдт.

Это выражается в желании довести государство до крайнего минимума и постепенно его совсем упразднить, в непонимании самостоятельной природы государства. В таком либеральном анархизме нет настоящего пафоса и нет действенности, он носит теоретический и кабинетный характер. Но этот анархический уклон внутренне расслабляет либерализм. Все пороки и слабости либерализма связаны с тем, что он весь ещё пребывает в формальной свободе ветхого Адама и не знает материальной содержательной свободы нового, духовно возрожденного Адама.

Письмо восьмое

О демократии

Токвиль так передает своё впечатление от поступательного роста демократии в начале своей блестящей книги «О демократии в Америке»: «Вся последующая книга была написана под впечатлением некоторого рода религиозного ужаса, произведенного в душе автора видом этой неудержимой революции, идущей в течение стольких веков через все препятствия и которая и теперь видимо подвигается вперёд среди производимого ею разрушения». Мне хорошо знакомо это чувство ужаса. Я испытал его давно, очень давно, впервые ещё почти в детстве, потом юношей, оно было довольно остро осознано в первую русскую революцию 1905 года и достигло мучительной напряженности весной 1917 года, когда начался разлив второй «великой» русской революции. Демократия – не новое начало и не впервые входит она в мир. Это – старое, вековечное начало, хорошо знакомое ещё миру античному. Но впервые в нашу эпоху вопрос демократии становится религиозно-тревожным вопросом. Он ставится уже не в политической, а в духовной плоскости. Не о политических формах идет речь, когда испытывают религиозный ужас от поступательного хода демократии, а о чем-то более глубоком. Царство демократии не есть новая форма государственности, это – особый дух. Никогда ещё не торжествовала в мире в чистом виде идея демократии, да и вряд ли возможно это торжество. Но дух демократии уже отпраздновал немало побед. Демократия, как самодовлеющая отвлеченная идея, ничему высшему не подчиненная, есть человекообожествление и отрицание божественного источника власти. Народ довлеет самому себе. Верховным началом его жизни является его собственная воля, независимо от того, на что она направлена, чего она хочет, каково её содержание. Народная воля обожествляется потому, что она утверждается формально, без связи с её содержанием. Содержание народной воли предполагает уже какие-то сверхчеловеческие ценности. Как только вы обратите внимание на содержание народной воли, вы не можете её уже обоготворять. Ибо воля народная может быть направлена на зло, и тогда она подлежит осуждению, или она направлена на высшее добро, на божественное содержание жизни, и тогда не воля народная, а само это добро и это божественное содержание должно быть признано верховным началом. Вот

о чем вы недостаточно думали. Признание народной воли верховным началом общественной жизни может быть лишь поклонением формальному, бессодержательному началу, лишь обоготворением человеческого произвола. Не то важно, чего хочет человек, а то, чтобы было то, чего он хочет. Хочу, чтобы было то, чего захочу. Вот предельная формула демократии, народовластия. Глубже она идти не может. Само содержание и состояние народной воли не интересует демократический принцип. Народная воля может захотеть самого страшного зла, и демократический принцип ничего не может возразить против этого. В демократическом принципе нет никаких гарантий того, что осуществление его не понизит качественный уровень человеческой жизни и не истребит величайшие ценности. В отвлеченной идее демократии есть величайшее презрение к качествам человека и народа, к духовному их уровню. Эта идея хотела бы отвлечь человеческое внимание от содержания человеческой жизни и цели жизни и направить его целиком на формы волеизъявления. Народный суверенитет носит совершенно формальный характер. Остается неизвестным, чего захочет суверенный народ, когда всё будет предоставлено его воле, какой строй жизни пожелает создать он.

Вы поверили в демократию потому, что вы потеряли веру в правду и истину. Если бы вы верили в объективное бытие правды и истины, то должны были бы правду и истину поставить выше воли народа и им подчинить волю народа. Но для вас правда и истина то, чего захочет народ и что он скажет. Вы хотите отдать правду и истину на решение большинства голосов и провести их через всеобщее избирательное право. Это и есть неверие, это и есть безбожие, положенное в основу всей демократической идеологии. Вы хотите добыть правду и истину об общественном устройстве из большинства, из количества. Но может ли иметь какое-либо отношение к критериям большинства и количества правда и истина? Правда и истина имеют иной, божественный источник, независимый от человеческого произволения. Правда и истина может быть в меньшинстве, а не в большинстве, и даже всегда она бывает в меньшинстве. И почти чудовищно, как люди могли прийти до такого состояния сознания, что в мнении и воле большинства увидели источник и критерий правды и истины! Оправданием принципов демократии, принципов большинства и количества, может быть только скептицизм. Сомневающиеся, опустошенные, оторвавшиеся от онтологических основ жизни должны прибегать к решениям большинства, к критериям количества. Если нет правды и истины, то будем считать за правду и истину то, что признает большинство. Если и есть правда и истина, но я её не знаю и не знаю реальных путей к ней и вечно сомневаюсь в ней, то остается положиться на большинство и в человеческом количестве искать замены недостающих во мне самом качеств! Демократическая революция в мире потому и вызывает религиозный ужас, что она свидетельствует о духовном упадке человечества, о росте безбожия, о страшном скептицизме, о потере всех качественных критериев правды и истины. Демократия есть скептическая общественная гносеология. Эта гносеология признается теми, которые утратили истоки духовной жизни. Вот почему рост демократии в мире имеет роковой смысл. Он идет параллельно выветриванию души, потере Бога в душе. Демократическое равенство есть потеря способности различать качества духовной жизни. Это есть смешение, допускаемое теми, которые перестали дорожить качествами. Демократическая идеология количеств не может не вести к царству худших, а не лучших.

В основу демократии не была положена воля к повышению жизни, к качеству и ценности. Никаких новых ценностей сама демократия из себя не создает и не может создать. Она строится вне всякой мысли о ценности и содержании жизни. И всеуравнивающая демократическая эпоха человеческой истории есть понижение качественного, ценностного содержания жизни, понижение типа человека. Демократия не имела интереса к воспитанию высокого человеческого типа, и потому она бессильна создать лучшую жизнь. Апостол демократии Ж. Ж. Руссо верил в естественную доброту и благодетельность человеческой природы и думал, что она обнаружится во всей своей красоте, когда будет установлена форма народовластия. Эта коренная ложь опровергнута и самой жизнью, опытом истории, и более сложной и глубокой мыслью. Для сознания Руссо не стояла задача победы над грехом и злом, задача перевоспитания человека и народа и создания более высокого человеческого типа. Нужно только снять оковы с народа, дать ему возможность выразить свою волю и по своей воле построить общество – и наступит совершенное естественное состояние. В XIX веке изверились в естественное состояние человека и естественное состояние общества, на этой философской основе демократии основать не могли и вместе с тем ничем её не могли заменить. Осталось непонятным, почему ничем не ограниченное и не сдержанное обнаружение человеческой природы в её непреобразованном состоянии через демократию, народовластие ведет к благу, порождает общественную правду. Позитивизм XIX века ни в какое благодетельное

естественное состояние уже не верит. Но он легко санкционирует и обосновывает демократию, требует формального преклонения перед данным, природным человеком и его греховной волей. Правда, демократическая метафизика утверждает, что каждый отдельный человек ошибается, он находится в неправде и лжи, но безошибочна и правильна воля всех, воля народа, воля коллектива. Тут возникает очень сложная философская проблема, над которой не задумываетесь вы, демократы-позитивисты. Какова природа того коллектива, который именуется народом и который вы признаете суверенным? Представляет ли народ, за которым вы признаете верховную власть, некоторое реальное единство, имеет ли он онтологическое ядро? Вы ведь номиналисты, а не реалисты, и народ, как человеческий коллектив, для вас не может быть онтологической реальностью, он есть лишь механическая сумма. В вашей народной воле происходит лишь арифметическое сложение. Вы верите в большинство голосов. Из суммирования воли всех не получается всеобщей воли. Марксизм, который был крайним выражением мирового духа уравнения, разложил демократические иллюзии, убил демократическую метафизику. И это должно быть признано его заслугой. Социал-демократия отрицает существование народа как реального единства, она разлагает его на классы и группы с противоположными психиками и интересами, и для нее не существует воли народной, нет суверенного начала. Выше воли народа стоит воля пролетариата, на который переносятся все те божественные атрибуты, которые демократическая метафизика приписывала народу. Пролетариат выше народа, он есть реальное единство. Это – новая фикция, новый фетиш, но она разлагает старую фикцию, старый фетиш – «народ». Народа в том смысле, в каком утверждает его демократическая метафизика, не существует. Этот «народ» не может иметь никакой воли. Он есть лишь сложное взаимодействие социальных групп с разным душевным складом и интересами или механическое сложение отдельных человеческих единиц.

Народ есть также мистический организм, соборная личность. В этом смысле народ есть нация, он объемлет все классы и группы, всех живых и умерших. Но народа в этом смысле демократия не хочет знать и не знает, он совершенно не находится в поле зрения демократии. Народ и демократии не только не следует смешивать и отождествлять, но необходимо тщательно различать и противопоставлять. Слово «демократия» и «демократический» употребляют в слишком расплывчатом и неопределенном смысле. Под демократией понимают и трудящиеся классы общества, крестьян, рабочих и трудовую интеллигенцию, и широкую демократическую настроенность и народовластие, т. е. политическую форму, и народ, как суверенного хозяина страны. Происходит некритическое смешение демократии, как народного человеческого состава, и демократии, как известного политического направления и политической настроенности. Говорят – «он демократ», т. е. человек из простонародной или близкой к простонародью среды, происходит из низших слоев общества, и говорят – «он демократ», т. е. человек демократического настроения и демократических убеждений, хотя бы он был и аристократического происхождения. И в том и в другом случае слово «демократический» и слово «народный» имеют мало между собой общего. Народ не означает «демократических» классов, и «народ» может не иметь «демократических» убеждений. Народ может держаться совсем не демократического образа мыслей, может быть совсем не демократически настроен. Так и бывало в истории при органическом состоянии народа. Демократия есть уже выхождение из органического состояния, распадение единства народа, раздор в нём. Демократия по существу механична, она говорит о том, что народа как целостного организма уже нет. Демократия есть нездоровое состояние народа. В «органические» эпохи истории никаких демократий не бывает и не возникает. Демократия – порождение «критических» эпох. Демократия не может быть выражением духа народа, ибо дух народа выразим лишь в организме, демократия же есть механизм. Демократия берет человека как арифметическую единицу, математически равную всякой другой. Для нее народ, как органическое целое, распадается на атомы и потом собирается как механический коллектив. Народ не состоит из арифметических единиц и атомов. Народ есть иерархический организм, и в нём каждый человек есть разностное существо, неповторимое в своей качественности. Потому-то и воля народа невыразима в сумме человеческой, в мнении большинства. Всеобщее голосование – негодный способ выражения качеств в жизни народной. Меньшинство может лучше и совершеннее выразить волю народа как органического целого, обладающего соборным духом. Один может лучше выразить волю и этот дух, чем всё человеческое количество. На этом основано значение великих людей в исторической жизни народов, вождей, царей. Народ не есть человеческое количество, человеческая масса. Вот что забыли вы в демократический век. В ваших демократиях господствует человеческое количество, и вы думаете, что за ним стоит народ. Но это есть великая ваша ложь, которая должна быть изобличена. Человеческое количество есть пыль, носимая волей ветра. И воля этого человеческого количества не может быть

волей народа. Воля эта не может быть случайной суммой, колеблющейся от всякого дуновения. Уже одно то, что ваше царство демократии раздирается борьбой партий и что партиям отданы в нём судьбы государств, свидетельствует против вас и не позволяет верить, что народ находит в нём своё выражение. Демократическое правление есть в конце концов фикция. Я говорил уже, что в действительности возможны лишь аристократия или охлократия. Тирания партий редко бывает аристократией. Там не происходит подбора лучших и способнейших. В народном суверенитете погибает народ, он тонет в механическом количестве и не находит выражения для своего органического духа, целостного и неделимого. Он находит себе выражение лишь иррационально. В народном суверенитете погибает и человек. Ибо самодержавие народа не ограничивает себя неотъемлемыми правами человека и не гарантирует неприкосновенность этих прав. Самодержавной демократии должны быть противопоставлены и дух народа, и права человека, ибо уготовляет она самую страшную из тираний.

* * *

Самые передовые народы Запада давно уже чувствуют неудовлетворенность демократией и пытаются найти выход к новым формам. Кризис демократической идеологии давно уже происходит. И вы, чистые демократы, верующие в верховенство демократической идеи, – люди устаревшего образа мышления и устаревшего образа чувств. В европейском мире был демократический разлив, в котором всё более и более тонула Европа. Этот разлив продолжается и не достиг ещё полноводья. Но началось уже и обратное движение. В сфере мысли давно уже начался отлив. Пределы демократии познаны, и более прозорливыми умами увидена демократическая опасность и безвыходность. Количество не может создать качества. Общество, распавшееся на атомы, на математические точки, не может быть собрано, воссоединено и не может получить гармонического образа путем механики, путем подсчета голосов и вручения власти большинству. Воля народа есть качество, которое не может быть добыто ни из каких количественных комбинаций. И именно тогда, когда демократия провозгласила верховенство воли народа, воли народа не оказалось, она умерла. Демократия и есть безнадежное искание умершей воли народа. Все системы демократического представительства народной воли представляют безнадежные попытки собрать распавшуюся волю. В демократическом представительстве воля народа остается распавшейся и часть восстает на часть. Демократический парламент есть арена борьбы за интересы и за власть. В нём трудно услышать голос единого народа. Он слышен лишь в исключительные минуты и через исключительных людей. Подсчет голосов, зависящий от миллиона случайностей, ничего не говорит о качестве народной воли. Всеобщее избирательное право, которое и донныне является для многих из вас непререкаемым догматом, вызывает величайшие сомнения. Всеобщее избирательное право есть совершенно механический, количественный и отвлеченный принцип. Всеобщее избирательное право не знает конкретных людей, с их разнокачественностью, с их различным весом, оно исключительно имеет дело с отвлеченными людьми, с атомами и математическими точками. Оно не знает и органических социальных групп. Всеобщее избирательное право есть отвлечение от качественного содержания жизни, оно не хочет знать никакого качественного подбора. Откуда же взялась уверенность, что таким путем можно получить общество высокого качества? Это – гипноз идеи равенства. Поверили, что равенство, не пропорциональное, а механическое равенство, есть столь великая правда и великое благо, что и хорошо всё, что приложится к нему. Но это обоготворение равенства и есть первородный грех; оно ведет к подмене конкретной, качественной, индивидуальной природы человека природой отвлеченной, количественной и безличной. Основанное на ложном равенстве всеобщее избирательное право есть отрицание человека. В результатах всеобщего права поистине есть что-то нечеловеческое и противочеловеческое.

Всякий человек, если он взят не как отвлеченная математическая точка, имеет свой ценз, свои качественные достижения. Принцип ценза – истинный принцип, более человеческий принцип, чем полное его отрицание. Принцип ценза – качественный, а не количественный, и в этом его правда. Принцип ценза может искажаться и вырождаться, может пониматься исключительно материалистически, как ценз материальный. Но это несколько не говорит против его основной правды, ибо вырождаться может всё на свете и всем на свете можно злоупотреблять. Но одно несомненно и для религиозного сознания, и для философской мысли: человека нужно брать в его качественности, т. е. делать подбор лучших и способнейших. Нет никаких внешних общественных способов брать человека во всем его неповторимом индивидуальном своеобразии. Но есть групповые качества людей, признаки которых

могут быть уловлены и установлены. Таковы качества образования, качества общественного опыта, качества исторической преемственности, качества более высокого культурного опыта. Ценз по существу своему должен быть духовным. Но духовный ценз имеет и материальные признаки своего выражения. Более высокий культурный уровень связан и с материальной структурой общества, с сложившимися историческими образованиями. Для того, чтобы представительство не было исключительно механическим и количественным, необходимо считаться в нём с исторически сложившимися и качественно подобранными силами. Общественный опыт и общественная преемственность обладают ценностью, которой нельзя пренебречь и которую нельзя разрушать во имя отвлеченных доктрин и идей. Так, например, в России земство представляло такое качественное историческое образование, в нём накопился общественный опыт, знание дела, традиция. Разрушение земства и нежелание дать ему преимущества в представительстве есть разрушение общественных качеств и погружение в тьму количества. Я думаю, что в бюрократии, при всей опасности её ничем не ограниченного господства, есть качества опыта, знания и преемственности, с которыми необходимо считаться. Странно доказывать преимущества более высокого культурного слоя, который должен иметь иной вес в общественной жизни, чем слои, стоящие качественно ниже. Человек – не отвлеченное существо, его нужно брать в исторической среде и преемственности. Огромное значение имеет и происхождение человека, и воспитание его, его инстинкты и традиции, его воспоминания и связи. Вот почему и исторические сословия имели гораздо большее значение, чем это выходит по вашей отвлеченной социологии и отвлеченной демократической идеологии. Под этими внешними формами скрыто что-то существенное для жизни. Проблема демократии не может ставиться отвлеченно и изолированно, она должна быть связана с проблемой культуры. И тогда падает идеал отвлеченной демократии. Демократия не могла низвергнуть иерархического строя общества, который коренится в иерархическом строе космоса. Возрождение во Франции средневековой идеи корпоративного представительства говорит о глубокой неудовлетворенности отвлеченной, механической, количественной демократией. Начинают сознавать, что человека нельзя брать как изолированный атом и из этих атомов создавать общество и государство. Существует иерархия органических образований, к которым принадлежит человек. Эти органические образования должны иметь своё представительство. Беда в том, что все органические образования почти разрушены демократическим веком, изолирован и уединен человек и новые корпорации связываются исключительно экономическими интересами. Французский синдикализм наносит сильные удары демократической идее и в нём последовательно действует дух огромной корпорации – рабочего синдиката. Но корпорация эта имеет исключительно экономическую основу и дух её движется исключительно интересами классовой борьбы. Она возникла в эпоху распада народной воли. Из господства такого рода корпораций не может возникнуть органического строения общества. Оно ведет лишь к перманентной революции. Но синдикализм, как и возрождение идеи корпоративного представительства, обозначает серьезный кризис демократии. Начинают догадываться, что народ не есть толпа, количественная масса, когда он имеет сложное строение и качественные дифференциации. И необходима более сложная система представительства, не столь механическая и уравнивающая, как система всеобщего избирательного права. В самом принципе советского представительства есть доля истины, которая останется. Но никогда не найдете вы совершенной системы представительства, ибо само представительство есть одно из подчиненных, относительных и преходящих начал общественной жизни. Духовной культуре принадлежит примат над всякой политической формой, и корпорации должны иметь прежде всего духовную основу.

Демократическая идеология есть крайний рационализм. Он покоится на вере в возможность рационализировать человеческую жизнь и окончательно устроить её одними человеческими силами. Последовательная демократия должна отрицать существование иррациональных начал в общественной жизни и не может их терпеть. Общество, основанное на механике количеств, на всеобщем избирательном праве, принимающем человека за математическую точку, и есть совершенно рационализированное общество, не терпящее вторжения каких-либо иррациональных сил. Демократическая республика с парламентским управлением и есть рационализированное общество. Это есть попытка отождествить государство, всегда имеющее иррациональную, мистическую основу, с вполне рационализированным обществом. Демократия хочет целиком, без остатка растворить государство в обществе. Идеология демократии не может признать государства как специфической и самобытной реальности, она целиком сводит государство на общество, т. е. видит в государстве лишь функции общества. Общество же сводит на отношения людей. Так исчезают всякие онтологические основы государства и общества. Остаются лишь

интересы, лишь воля и разум человека как единственное оправдание государства и общества. Никакие иные, более высокие и таинственные силы не действуют в государстве и обществе. Такое уравнение государства и общества, такая рационализация общества и устройство его одними человеческими силами представляет большую опасность и для личности человеческой. Ибо личность человеческая во всем своем своеобразии и самобытности своей охраняется иррациональными началами общественности. Иррационально обоснованное государство более уважает личность человеческую и менее притязает на нее, чем вполне рациональное общество. Но иррациональный элемент человеческого общества неистребим, и он опрокидывает все притязания вашей рациональной демократии. Вам не совладать с этим иррациональным элементом. Полная же рационализация человеческого общества была бы победой количества над качеством. И нужно благословлять то «темное» начало в жизни человеческих обществ, которое делает невозможным их окончательную рационализацию, столь убийственную для личности человеческой. Разнокачественные состояния народа невыразимы ни в какой демократии. Слишком много в жизни народной действует сил индивидуальных. И это опрокидывает все ваши демократические строения.

Чистая, отвлеченная, самодержавная демократия есть самая страшная тирания, она убивает человека. Неограниченная власть всех страшнее тиранической власти одного. На короткие лишь мгновения возможно торжество такой демократии, но мгновения эти всегда бывали самым страшным посягательством на свободу человека. В эти мгновения подымалась снизу тьма и охватывала общество. Но коротка жизнь такого демократического самодержавия, оно стоит на острие и соскальзывает. Оно опрокидывается силами, не предусмотренными демократической идеологией. И это счастье для человечества. Если бы возможна была окончательная демократия, то человечество погибло бы, утонуло бы во тьме. В самой идее народовластия, ничем не ограниченного и ничему высшему не подчиненного, нет никакой правды, нет и правды о человеке, о человеческом образе, о его бесконечной духовной природе, на которую недопустимы никакие посягательства. Священные права человека не заключены в демократии и не вытекают из нее. Суверенный народ может отнять у человека всё, что захочет, что найдет нужным для своего блага. Самодержавие народа – самое страшное самодержавие, ибо в нём зависит человек от непросветленного количества, от темных инстинктов масс. Воля одного и воля немногих не может так далеко простирать свои притязания, как воля всех. От воли самодержавца можно ещё охранить часть своего существования, но несоизмеримо труднее его охранить от воли самодержавного народа. Демократия в крайнем своем выражении не хочет допустить прав частной жизни, она имеет тенденцию превратить всю человеческую жизнь в публичную. Трудно, очень трудно укрыться от всепроникающей и безграничной в своих притязаниях демократии. Она вторгается в наши жилища, проникает в наши мысли и чувства. Она хочет сделать человека существом исключительно общественным. Стиль жизни демократических обществ всё и вся приводит к единообразию. Стиль этот не терпит уединения и уединённых, он не оставляет места и времени для созерцания, он враждебен избыточному творчеству немногих. Вы много декламировали о деспотии и тирании старых обществ и обещали создать общество свободных. Все это иллюзии, самообман и обман. При самых страшных деспотиях прошлого бывал яркий расцвет личностей, бывали гении и святые, была возможна жизнь интимная и созерцательная, бывали великие творческие подъемы. Все итальянское возрождение прошло под тираниями. Прав был К. Леонтьев, когда говорил: «Мученики за веру были при турках; при бельгийской конституции едва ли будут преподобные!» Демократия неблагоприятна появлению сильных, ярких, творческих личностей, она создает нивелирующую общественную среду, которая стремится целиком поглотить личность и подчинить её себе. Ваше демократическое общественное мнение есть самая страшная из тираний, оно угнетает дух человеческий, подрезывает крылья. Старая тирания с кострами инквизиции больше оставляла простора для человеческой индивидуальности, более считалась с ней. Самая страшная нетерпимость может быть всё-таки выражением уважения к человеческой индивидуальности, к духовной жизни человека. Когда церковь отлучает и анафематствует еретика, она признает бесконечную ценность души человеческой и внимательна к её неповторимой индивидуальной судьбе. Невнимание же и презрение демократии к душе человеческой, к её индивидуальной жизни и судьбе поистине страшны и человекоубийственны. Царство вашей бездушной, материалистической демократии есть царство самого страшного из Левиафанов, чудовища из миллионов голов. Страшно человеку проваливаться в эту бездну количества, в эту всепоглощающую безликую общественность. Не так страшно, когда личность притесняют, ограничивают, даже мучают, но в принципе признают личность, чем когда в самом принципе её отрицают и заменяют безличными началами. Старое русское самодержавное царство немало притесняло и даже истязало личность

человеческую, но, поскольку оно было христианским, православным царством, оно признавало личность человеческую, ценность души человеческой. И духовно не так страшна была деспотия. Старые деспотии имели религиозную основу и потому признавали духовную жизнь человека, не рассматривали человека как общественный атом. Ваша новая, демократическая деспотия не хочет уже иметь религиозной основы, она совершенно игнорирует духовную жизнь человека и оценивает человека лишь с точки зрения общественной полезности. Для этой деспотии не освящена уже ни тайна рождения человека, ни тайна его жизни, ни тайна его смерти. Человек становится рабом общественной пользы, большинства голосов, общественного мнения, рабом собственных интересов.

Ваша демократия глубоко враждебна духу свободы, и вам следовало бы прекратить декламацию об освобождении от тираний и деспотий, которое будто бы приносят ваши демократические движения. Свобода аристократична, а не демократична, она обращена к личности, а не к массе. Ваша же общественная свобода может быть самой страшной тиранией, она может превратиться в порабощение всех. Глубоко враждебна ваша демократия и духу творчества. Она не только не раскрывает путей для творчества, но суживает все пути, сдавливает все творческие порывы. Самые творческие эпохи в жизни человечества – аристократичны, а не демократичны. Ваша демократия глубоко враждебна высшей культуре. Она хотела бы понизить уровень культуры, уменьшить в культуре качественный элемент для усиления количественного. Демократическими движениями движет зависть к высшей культуре, злопамятная нелюбовь к чужим качествам. И это налагает печать неблагородства на стиль демократической культуры. Ваш демократический век начал отрицать великих людей, гениев и святых. Он борется против прерогатив творческих личностей. Эгалитарная страсть мутит ваше сознание, искажает качество вашей воли, вашей мысли и ваших чувств, она мешает подниматься ввысь. Эгалитарная страсть всегда ведет к понижению уровня личности и культуры в демократическом веке. Проникнутые пафосом демократии могут ставить себе лишь вульгарные и вульгаризирующие задачи в духовной культуре. Идеалы демократии – мещанские идеалы. Предания демократии – мещанские предания. Воля демократии направлена к понижению человеческой расы. Эта воля хотела бы не только уничтожить сословия, но и истребить все качественные различия в обществе, все качественные результаты расового подбора. Это недостижимо. Качества народа не могут быть окончательно стерты и истреблены. Но воля к этому движет демократией. Демократическое общество хотело бы быть обществом совершенно упрощенным и смешанным. Это и было бы самой горшей из тираний.

Нет более горькой и унижительной зависимости, чем зависимость от воли человеческой, от произвола равных себе. Можно подчинить себя воле высшей, высшей правде, высшим началам, можно ограничить себя и отречься от себя во имя этих начал. Но достоинство богоподобной природы человека, но благородная гордость человека восстает против того, чтобы жизнь свою целиком подчинить человекам, равным и низшим. Подчинение церкви, государству, национальности, высшим реальностям и ценностям – сладостно и благородно. Но почему должен я подчиняться интересам, инстинктам и вожделениям человеческой массы? Духовно к этому меня нельзя принудить. Тут возможно лишь физическое принуждение. Демократия же хочет меня заставить подчиниться исключительно человекам и человеческому. Подчинение иерархическому чину может быть почитанием в нём высшего, сверхчеловеческого начала. В нём есть священная символика. В жреце и царе почитается не человек, не равный и не низший, а иерархический строй общественного космоса. Демократия же уничтожает всякую священную символику. Для достоинства человека и для свободы человека необходимо ограничить демократию, соединить её с другими началами и подчинить её другим началам. Народовластие есть человековластие. Человековластие же не знает своих границ и посягает на свободу и права человека. Свободу и права человека гарантируют лишь начала, имеющие сверхчеловеческую природу, возвышающиеся над человеческим произволом. Максимум свободы достигается сочетанием нескольких принципов. Ибо всякое самодержавие, кроме самодержавия Бога, опасно для человека. Для истинной свободы человека, для охранения его достоинства и для гарантии прав его важно, чтобы воля народа была направлена к добру, чтобы истина и правда владели ею. Освобождение человека и народа есть освобождение воли человека и народа от зла, подчинение её Божьей правде. Если воля народа подчинена злым стихиям, то она – порабощенная и порабощающая воля. И как могли вы прийти до того, чтобы признать волю народа саму по себе верховным благом и в ней искать источника освобождения? Вы впали в грех человекообожествления и пошли путем человекообожествления. Чтобы освободить себя и других, человек должен признать волю высшую, чем он сам, и её искать, её осуществлять в жизни общества. Формальный принцип народовластия сам по себе уже

безбожен. Можно признавать демократию как одно из подчиненных начал общественной жизни, но религиозно недопустимо признавать её верховным началом. Христианство не имеет ничего общего с демократией и не может давать обоснования демократии. Эта попытка сблизить христианство и демократию есть великая ложь нашего времени, отвратительная подмена. Христианство – иерархично. Христианское откровение о бесконечной ценности души человеческой, о равноценности перед Богом всех душ человеческих не есть демократическое откровение, не есть демократическое равенство. Христианское братство не есть демократическое равенство. Всё качественно в христианстве, всё неповторимо индивидуально, всё единственно, всё связано с личностью и потому иерархично. Вот чего вы никогда не могли понять: связи личности с иерархизмом. Вы думаете, что личности благоприятно уравненное, упрощенное и смешанное состояние общества, что иерархическое начало враждебно личности. Но это и есть основная ваша ложь, ваше духовное невежество. Само существование личности предполагает иерархический строй космоса, качественное различие и расстояние, общественную и мировую среду, которая не представляла бы бесформенной бездны, всеуравнивающей и всесмешивающей.

Народы должны были пройти через опыт демократии, должны были испытать демократическую самостоятельность. Не для того, чтобы на веки веков демократически устроиться, а для того, чтобы познать тщету и пустоту притязаний демократии. Демократия – переходное состояние. В самом зарождении демократии допускается ложь. Демократии зарождаются через демагогию, через низкую лесть интересам и инстинктам масс. Из этого нечистого источника не может родиться никакая общественная правда. Самостоятельность и самоутверждение человеческого количества легли в основу демократии и не могли пойти на благо тем общественным образованиям, которые создавались в такой психической атмосфере. Демократия сделалась орудием человеческих интересов и человеческих страстей, ареной борьбы за власть и за господство. Демократия усилила греховную похоть жизни. Демократия понимает власть как право, а не как обязанность. И всякая высшая идея в демократических обществах умирает. Господство демократии означает господство интересов разных общественных групп и их борьбу за власть. И это и есть источник вырождения демократии. Какой-то червь внутренне подтачивает демократические общества. В основе их лежит духовная ложь. Опыт демократии выясняет, что человек не может устроиться собственными силами, не может окончательно рационализировать общественную жизнь по своему малому разуму. Измена своему назначению со стороны иерархически водительствовавших слоев общественного организма толкала народы на путь демократического опыта. И оказывалась невозможной и бессильной реставрация старого органического строя. Старый органический быт разрушался в демократических революциях, и жажда возврата к нему была лишь романтической мечтой. Народы нельзя внешне принудить к старому монархически-аристократическому строю. Народы проходят через раздвоение и расщепление, через смерть старой органичности. Но они не создают новой правды и новой красоты, они впадают в неправду и в уродство. Много испытать должны они, много изжить, много перестрадать, прежде чем придут к новой органичности, прежде чем соберут себя во имя высшей идеи. И остается мучительный вопрос, могут ли народы придти на этой земле к праведному и прекрасному обществу? В это трудно верить и этому не учит нас христианство. Начала космические продолжают существовать в человеческом обществе, они имеют неистребимую онтологическую основу, заложенную в самой божественной действительности. Но очень сложно отношение этих онтологических основ к феноменологии общественности. За видимой, внешней общественностью действует общественность невидимая, внутренняя. Она-то и спасает мир от распада, не допускает возвращения его к хаосу. В человеческих обществах действуют таинственные силы, которые не учитываются всеми рационалистическими теориями общества.

Из глубокого кризиса демократии не может быть выходов исключительно политических и социальных. В европейском мире чувствуется безнадежная и роковая исчерпанность всех политических форм. По-новому повторяют и комбинируют уже знакомые старые начала. Политическое творчество иссякает. Трудно придумать что-либо новое. И давно уже пора всем вам, так веровавшим в политику и во внешнюю общественность, обратиться к большей глубине, пора одуматься, приостановить рассеяние энергии вовне и направить её внутрь. Кризис демократии не есть кризис политический, это прежде всего кризис духовный. В кризисе этом обнаруживается ложь религиозных основ демократии. Попытки дать теократическое обоснование и оправдание демократии представляют ещё большую ложь и соблазн, чем теократическое обоснование и оправдание цезаризма. Я не приверженец идеи византийско-теократического самодержавия и не верю в возможность возврата к

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

нему. Но в этой древней идее есть бóльшая глубина, бóльшая красота и благородство, чем в идее теократической демократии. Помазание Божие не может покоиться на человеческом количестве, на человеческой массе. Помазание есть избрание. Теократическая демократия есть отрицание избрания. Человечество изверилось в единоспасающие начала общественной жизни, претендующие на исключительное господство. Кумир народовластия так же низвергнут, как и кумир единовластия. Задачи общественности бесконечно усложнились. В демократизме останется только одна нравственная правда простоты, противоположная барскому отношению к народу. Братское отношение человека к человеку должно быть духовной основой всякого достойного общества. Христианство внутренне давно уже ограничило притязания всех начал общественности на главенство и верховенство. Теократическая мечта христианского мира не находит себе адекватного выражения в каком-либо едином начале общественности. И христианское сознание должно в конце концов прийти к тому, что в видимой земной общественности нет единого суверенного начала, на котором можно было бы построить царство Божьей правды. Высшее начало нужно искать в глубине духа. Демократия должна быть, прежде всего, ограничена духовной жизнью и подчинена духовной жизни. Это ставит задачу внутреннего воспитания демократии. Она остро сознается лучшими политическими мыслителями и деятелями. Но как беспомощны они в её разрешении! Торжествующая демократия не поддается воспитанию, она остается на поверхности жизни и не хочет идти вглубь. Лишь ужас жизни, лишь гибель всех надежд может принудить самодовольную демократию, как и самодовольную монархию и аристократию, к углублению, к исканию выхода в духовной жизни. Так упираются все политические кризисы в кризис религиозный. Демократия слишком пленилась благами земной жизни. Она перестала верить в то, что человеческое общество имеет и сверхземную цель. Мировое демократическое движение, вызывающее в чутких и глубоких людях религиозную тревогу, приводит к горькому пессимизму. Но в пессимизме этом есть здоровое начало. Он обращает человека к сверхземной жизни. Опыт человека в демократии должен обратить его к Богу. В этом – значение демократии.

Письмо девятое

О социализме

Социализм не есть выдумка наших дней. Социализм – одно из вековечных начал, действовавших ещё в мире античном. У Пельмана, в его замечательной книге «История античного коммунизма и социализма», вы можете прочесть много в этом отношении поучительного. Вы узнаете, что и тогда происходила уже свирепая борьба классов, бывали восстания масс, была алчность и корыстолюбие классов имущих, зависть и мстительность классов неимущих, что и тогда уже строились социальные утопии. Пельман, Э. Мейер и другие показали, что хозяйство в Греции было более развитым и сложным, чем это казалось прежде, что там был уже капитализм и нес с собой все противоречия. Во все времена существовала борьба классов, враждовали имущие и неимущие, была бедность и нищета и вопрос о хлебе насущном мучил человека. Истоки социального вопроса лежат ещё в древнем библейском проклятии: «В поте лица своего будете добывать хлеб свой». Библия знает этот экономический материализм. Но в XIX веке начинает выявляться социалистическое начало в крайней и предельной форме. Оно делается всё более и более господствующим и определяющим стиль эпохи. Экономизм нашего века сделался всепроникающим и всеопределяющим. Нигде от него нет спасения. Экономический материализм Маркса не был теоретической выдумкой, он отражал какую-то действительность. В самой действительности произошло что-то, что вызвало учение Маркса как реакцию мысли. Современный социализм имеет рефлекторную природу. В нём нет творческого начала. Социализм – плоть от плоти и кровь от крови буржуазно-капиталистического общества, явление внутри этого общества. Он целиком определяется строем этого общества и его внутренним движением. Он духовно остается в той же плоскости. Социализм буржуазен до самой своей глубины и никогда не поднимается над уровнем буржуазного чувства жизни и буржуазных идеалов жизни. Он хочет лишь равной для всех, всеобщей буржуазности, буржуазности, закрепленной на веки веков, буржуазности окончательно рационализированной и упорядоченной, излеченной от внутренней, подтачивающей её болезни, преодолевшей остатки иррационального в ней начала. Социализм связал судьбу свою с классом, порожденным «буржуазным» строем, с детищем капитализма – пролетариатом. Идеологи социализма – рабы необходимости, не знающие духовной свободы, – вообразили, – вообразили, что пролетариат, состоящий из пасынков капитализма, может быть классом-мессией. Вы наделили этот класс, подобно избранному народу Божьему, всеми добродетелями и доблестями и выдали его

за высшую расу, за творца новой жизни. Положение рабочего класса в капиталистическом обществе бедственное и заслуживающее сочувствия и помощи. Но в душевном типе этого класса нет особенно высоких черт. Он принижен нуждой, он отравлен завистью, злобой и местью, он лишен творческой избыточности. Может ли из этих душевных стихий родиться высший человеческий тип и высший тип общественной жизни? Тип «пролетария» есть скорее низший человеческий тип, лишенный благородных черт, черт свободных духом. Эти благородные черты, эти черты свободных духом могут быть у самых простых рабочих и крестьян. Но для этого в нём не должно быть «пролетарского» сознания и «пролетарской» психологии. На неблагородстве, на рабстве духовном и на зле хотите вы создать своё новое царство. Образ вашего класса-мессии выдает вашу духовную природу.

И «буржуазия», и «пролетариат» той исторической эпохи, которая имеет стиль капиталистический и социалистический, являют собой измену и отпадение от духовных основ жизни. Первою совершила эту измену и отпала от святынь «буржуазия», и за нею пошел «пролетариат». От «буржуазии» научился «пролетариат» атеизму и материализму, от нее усвоил себе дух поверхностного просветительства, через нее пропитался духом экономизма, она толкнула его на путь борьбы классовых интересов. Я хорошо знаю, что «буржуазия» и «пролетариат» представляют абстракции, не соответствующие живой действительности и никогда её не покрывающие. Вы выдумали «буржуазии» и «пролетариат», вы вызвали к жизни эти абстрактные духи и, дав имена им, наделили почти магической силой. В жизни человеческих обществ фикции имеют не меньше значения, чем реальности. И фикции «буржуазии» и «пролетариата» отравили нашу жизнь. Приходится считаться с этими фикциями, они обладают реальностью в психологии человека и общества. И вот, не придавая всеобъемлющего онтологического смысла абстракциям «буржуазности» и «пролетариата», приходится признать, что многие грехи и пороки «пролетариата» получены по наследству от «буржуазии». В нашем «пролетариате» нет ничего оригинального, всё у него заимствованное. Имущие «буржуазные» классы представляют очень сложную действительность, в них есть хорошее и плохое, высокое и низкое, смесь света с тьмой, как и во всем человеческом. И безбожно и преступно клеймить эти классы позором, отлучать их, ненавидеть, отвергать в них образ человеческий и образ Божий. Это ваше безбожное преступление, недопустимое для принявшего крещение и принявшего откровение о братстве всех людей во Христе. Но в царстве абстрактных категорий «буржуазии» и «пролетариата» «пролетариат» получил от «буржуазии» то, что мне представляется его пороками, вам же представляется его добродетелями. Маркс, в сущности, и учил тому, что «пролетариат» есть детище «буржуазии», что социализм есть отражение «буржуазной» экономической действительности, защитительная реакция на него. Природа социализма – реакционная и классовая, в нём нет творческого изобретения, нет полета. Самый революционный социализм рабски прикован к экономической действительности, пригнут к земной юдоли, уготовлен необходимостью. Из горькой необходимости, а не из свободы рожден социализм.

Но вот о чем всегда следует помнить вам, кичащимся новым духом пролетарского социализма. Социализм создан буржуазией, высшим культурным слоем. Он вошел в мир как идея, зародившаяся в буржуазных классах, мысль которых бескорыстно направилась на разрешение социальных противоречий и на преодоление социальных зол и неправд. Так возник социализм Сен-Симона, Фурье, Оуэна, так в древности возник социализм Платона. Да и ваши Маркс и Лассаль были «буржуа», а не пролетарии. Только в «буржуазных» классах социализм может быть благородным и бескорыстным движением человеческого духа, может быть идеей. В классах «пролетарских» социализм делается интересом, а не идеей; он роковым образом приобретает материалистический характер, в нём не может уже быть жертвенности. Облагородить социализм может только «буржуазия». И благородство есть лишь в социализме платоновского типа, в аристократическом социализме. Благородство есть в иерархическом социализме Рёскина. Социализм пролетарский не благороден, низменен и корыстен по самым своим душевным первоосновам. Он понижает человеческую породу, человеческий тип. Пролетарским социализмом движет злоба, зависть и месть, которые и управляют вашими массовыми социалистическими движениями с древних времен до наших дней. Во все времена психология восставших масс, поднявшихся низов была одинакова. Всегда эта психология была неприглядна и безобразна. Большая доля вины в этой уродливой и болезненной психологии лежала на высших классах, которые не исполняли своего назначения, первые изменяли общей святыне и высшей правде, но это не меняет оценки «пролетарской» психологии. В этой психологии христианское чувство вины каждого человека затемнено нехристианским сознанием пролетарской обиды. Чувствовать себя пролетарием есть великое несчастье человека, болезненное отщепенство, разрыв с отечеством и с

отцами, а не высокое состояние, из которого может народиться высший тип жизни. Рабочий может и не чувствовать себя пролетарием, и велика вина тех, которые толкают его на путь пролетарского самочувствия и самосознания. Уродство пролетарской психологии и из нее рожденного пролетарского социализма громко свидетельствует о правде иерархизма, о благородстве и красоте душевного типа, живущего в органическом иерархизме. «Буржуазная» психология есть обратная сторона психологии пролетарской, она также не иерархична, также есть выпадение из органического строя и также неблагоприятна. «Буржуазное» самочувствие и самосознание имущего есть такое же недолжное дурное состояние, как «пролетарское» самочувствие и самосознание неимущего. «Буржуа» и «пролетарий» – близнецы. Эти два типа друг друга порождают и поддерживают. Оргия наживы капиталистического общества должна была породить социализм. И в социализме есть своя отрицательная правда, большая правда, чем в демократии.

Социальный вопрос порожден не внешними, а внутренними причинами. И он не может быть разрешен внешними материальными средствами. Социальный вопрос ставится и решается в психологической среде, и в основе его решения лежат те или иные душевные стихии. Лишь сотрудничество классов создаст здоровую душевную атмосферу в решении социального вопроса. Когда он решается исключительно движениями снизу, в этом решении действуют нездоровые и злобные душевные стихии. Социальное движение построено исключительно на принципе классовой борьбы, культивирует не высшие, а низшие инстинкты человеческой природы. Оно является не школой самоотвержения, а школой корыстолюбия, не школой любви, а школой ненависти. Снизу идущие, исключительно классовые разрешения социального вопроса разрывают единство человеческого рода и разделяют его на две враждебные расы. Это движение понижает психический тип человека. Оно отрицает космический, т. е. иерархический строй общества. Это революционное разрешение социального вопроса предполагает отрыв от духовных основ жизни, отрицание их и презрение к ним. Революционный, классовый социализм мыслит и действует так, как будто бы не существует человеческого духа и духовной жизни, как будто нет ничего внутреннего, а одно лишь внешнее. Он есть страшная абстракция от духовной жизни, от истинного содержания жизни.

В нём человек перестает существовать и действуют лишь экономические категории. Движение же сверху вниз в решении социального вопроса, иерархическое по своему принципу, признает существование человека и его духовной жизни, обращено к бескорыстным и благородным инстинктам человеческой природы. Такое движение признает, что необходимо духовное перерождение человека и человеческого общества, что одними материальными средствами социальный вопрос неразрешим, что человеческий род есть единый род Божий и имеет органическое иерархическое строение. Так, английское социалистическое движение представляет более высокий тип, чем социалистическое движение немецкое или французское. В нём смягчена классовая борьба, в нём осуществляется сотрудничество классов, в нём практический реализм соединяется с идеалистическими импульсами. Карлейль, Рёскин, христианские социалисты были вдохновителями этого движения. После оргий капиталистической наживы, после манчестерства, господствующие, имущие классы начали сознать своё призвание и в лучшей своей части приняли участие в социальном реформировании общества. И жало революционного социализма было вынуто. Частичный социализм может быть соединен и с консерватизмом.

Сопоставление и сближение христианства и социализма мне всегда представлялось кощунственным. Сходство христианства и социализма утверждают лишь те, которые остаются на поверхности и не проникают в глубину. В глубине же раскрывается полная противоположность и несовместимость христианства и социализма, религии хлеба небесного и религии хлеба земного. Существует «христианский социализм», и он представляет очень невинное явление, во многом даже заслуживающее сочувствия. Я сам готов признать себя «христианским социалистом». Но «христианский социализм» по существу имеет слишком мало общего с социализмом, почти ничего. Он именуется так лишь по тактическим соображениям, он возник для борьбы против социализма, был реакцией католичества на социализм и проповедовал социальные реформы на христианской основе. В прошлом, в истории христианства много было «социалистических» движений на религиозной почве, но движения эти обыкновенно бывали антицерковными, еретическими и сектантскими. Все эти религиозно-социальные течения были проникнуты идеями апокалиптическими и хилястическими, они ждали немедленного осуществления чувственного тысячелетнего Царства Христова на земле и пытались насильственно его осуществить. Все эти христианско-социалистические течения забывали, что Царство Божие приходит

неприметно и что Царство Христово не от мира сего. Эпоха реформации особо была богата такими движениями, смешивавшими христианство с социализмом. Но горьки плоды этого смешения. Пример хилиазма, основанного на смешении христианства с социализмом, мог бы быть грозным предостережением. Религиозная ложь такого рода хилиазма давно уже изобличена. Иоанн Лейденский когда-то основал Небесный Иерусалим на земле, осуществил чувственное тысячелетнее Царство Христово. И тот ад, который явил этот Небесный Иерусалим, те насилия, кровь и злобу, которыми он сопровождался, должны были бы заставить призадуматься всех религиозно чутких людей. Опыты создания Царства Христова на земле, в ветхой природе, без преобразования человека и преобразования мира, всегда были и всегда будут созданием земного ада, а не земного рая, страшной тиранией, истребляющей человеческую природу без остатка. Нельзя взять насилием Царства Христова и нельзя вместить его в ветхую природу, в то время как пришествие этого царства означает преобразование ветхой природы и благодатный переход из царства насилия в царство свободы. Смещение и отождествление христианства с социализмом, с земным царством и земным благополучием, есть переживание еврейской апокалиптики, явление юдаизма на христианской почве. И не случайно Маркс был евреем. Это есть явление еврейской апокалиптики, еврейского хилиазма в поздний час истории, в атмосфере атеистического и материалистического века. Это есть изобличение антихристианской природы еврейской апокалиптики, еврейских апокалиптических ожиданий. Старая еврейская апокалиптика была революционной и антиисторической. На её почве произошло восстание зилотов. Дух апокалиптики отличался от духа пророческого, который не был революционным и был проникнут историзмом. И новая, социалистическая еврейская апокалиптика также революционна и антиисторична. Нужно проникнуть глубже в антихристианскую природу социализма. Социализм, как мировое явление, имеет религиозно-юдаистический исток. В нём действуют те же начала, во имя которых был отвергнут Христос евреями. Еврейский хилиазм, исполненный надежд на чувственное Царство Божие на земле и ожидания Мессии, который осуществит земное царство и земное блаженство еврейского народа, не принимает тайны Голгофы, несовместим с явлением Мессии-Распятого. Еврейский народ, в разгоряченной апокалиптической атмосфере, ждал не христианского Мессию, а социалистического мессию, не христианского тысячелетнего царства, а социалистического тысячелетнего царства. Соблазн социализма, соблазн земного царства и блаженства без жертвы Христа и Распятия, без прохождения через Голгофу и привел к отвержению Христа и к крестной Его муке. Тут завязался узел всемирной истории. Тут определилась трагическая судьба еврейского народа как оси всемирной истории. Вопрос о социализме более интимно и более глубоко связан с еврейским религиозным вопросом, чем это представляется всем вам, общественникам-рационалистам. Если демократическое движение в мире вызывает религиозную тревогу, то ещё большую религиозную тревогу вызывает движение социалистическое. В проблеме социализма есть религиозная глубина, это одна из конечных проблем человеческой истории, подводящих нас к апокалипсису. Социализм имеет очень старые, древние корни, не только социальные, но и религиозные. Но лишь на вершинах истории, когда обнажаются все противоречия человеческого бытия, обнажается и природа социализма, открывается, какого он духа. Социализм претендует быть не только социальной реформой, не только организацией хозяйственной жизни, но и новой религией, идущей на смену религии Христа. Ныне социализм вступает в мир с религиозным притязанием, он хотел бы быть всем во всем, он требует к себе отношения религиозного порядка. Религия революционного социализма принимает все три искушения, отвергнутые Христом в пустыне, и на них хочет создать царство своё. Он хочет превратить камни в хлеба, хочет спасения через социальные чудеса, хочет царства мира сего. Социализм есть устройство человечества на земле без Бога и против Бога. Это пророчески понимал Достоевский. Социализм есть построение Вавилонской башни. Социализм заканчивает дело, начатое демократией, дело окончательной рационализации человеческой жизни, вытеснения из нее всех таинственных, сверхчеловеческих, божественных сил. Социализм хочет ещё шире и глубже захватить человеческую жизнь, чем демократия. Он претендует создать новую жизнь в полноте и целостности. Христос принес в мир не мир, но меч. Он разделил людей по духу. Социализм также несет в мир не мир, а меч. Он разделяет людей по экономическому положению. Он не признает существования духа. Он не признает существования человека. Он подменяет человека экономической категорией. Религия социализма есть человекоубийство. Она начинается с отрицания богосыновства человека. В основе её лежит опыт восставшего раба, а не сына, чувство подпольной обиды. Восставший из праха хочет быть богом. Социализм есть царство людей праха, возомнивших себя богами. Христианское сознание человеком своего богосыновства не может вести к социализму. Это благородное сознание несовместимо с классовой ненавистью. Социализм посягает на свободу человеческого духа, на его первородство. Он сулит

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

человеку блаженства за отречение от первородства. Он обещает совершенную рационализацию общественной жизни за отречение от мистических основ общности. И прав был джентльмен с ретроградной и насмешливой физиономией у Достоевского, который хотел послать к черту всё социальное благоустройство и пожить по вольной воле. Царство Божие на земле, в физической нашей природе, при рабстве нашем, грехах и пороках, – невозможно, и само желание утверждать его в этих условиях – безбожное желание. Вам трудно понять, что само желание вынудить Царство Божие на земле может быть безбожным желанием. Но это необходимо понять. В этом принудительном Царстве Божьем на земле будет действовать не дух Христов, а дух антихристов. Революционный социализм есть один из антихристовых соблазнов.

* * *

Ваш социализм есть принудительная добродетель и принудительное братство. Вот чем противен ваш социализм, вот почему он эстетически и нравственно отталкивает. Ваш революционный социализм не признает той основной христианской истины, что братство между людьми может быть лишь плодом свободной любви, лишь высшим духовным цветением человеческого общения. Вы же хотели бы насильственно принудить людей к братству. Идею братства вы взяли из христианства, вы выкрали её и бессовестно пользуетесь ею, не имея на то никакого права. Братство людей возможно лишь во Христе и через Христа. Братство людей не может быть естественным, природным состоянием людей и людских обществ. В природном порядке человек человеку не брат, а волк, и люди ведут ожесточенную борьбу друг против друга. В порядке природном торжествует дарвинизм. Ваш социализм и исходит из этой природной борьбы и через самую разъяренную борьбу хочет утвердить братство на земле. И весь ваш социализм изъеден внутренним пороком и болезнью. На зло и через зло хочет он утвердить добро своё. Не через Христа, не через благодатную любовь хотите вы утвердить братство людей, а через ненависть и восстание класса на класс. Вы безнадежно смешиваете братство с группировкой и объединением экономических интересов. Никогда, никогда в вашем царстве человек человеку не станет братом, он может стать лишь «товарищем». Но что общего имеет «товарищ» (эстетически низкое слово) с братом? Всё различие между социализмом и христианством – в этом различии между «товарищем» и братом. Брат почитает в брате человека, образ и подобие Божие, брат соединяется с братом, как дети единого отца. Братство предполагает общее отчество. И те, которые не знают отца и отказываются от отца, не могут быть братьями. Товарищ почитает в товарище не человека, а класс, экономическую категорию, товарищ соединяется с товарищем по общности материальных интересов. Товарищи не помнят своего отчества, не хотят знать единого отца, они – блудные сыны. Ваша социалистическая категория «товарища» означает величайшее презрение к человеку. Ваше «товарищество» окончательно разделяет человеческий род на два враждебных стана и всё признает дозволенным по отношению к стану враждебному. Ваша религия соединяет и разъединяет по материальным интересам. Может ли быть что-либо более враждебное духу христианства? Поистине, чудовищно всякое сближение социалистического товарищества и христианского братства. Социалистическое «товарищество» хотело бы превратить мир в торгово-промышленное предприятие, в котором все объединены одними материальными интересами и не имеют причин вести между собой материальную борьбу. Христианское братство ставит себе иные цели, не имеющие ничего общего с коммерцией и с объединением материальных интересов. Социализм ваш с его низким, духовно плебейским «товарищеским» идеалом ещё раз показывает, что братство невозможно в порядке натуральном, что оно возможно лишь в порядке благодатном. Братство невозможно вне Христа, вне Христовой благодатной любви. Безобразны и преступны все ваши выкрадывания у Христа принадлежащих Ему сокровищ без принятия самого Христа, с отвержением самого Христа. Братство без Христа есть рабство, насилие, тирания. Лишь с Христом братство есть царство свободы. Братство без Христа, без Божественной Любви и есть принудительное товарищество, вызванное к жизни материальным насилием. Безблагодатное братство – страшно, оно есть смерть человека, смерть личности человеческой. Через любовь Христову утверждается каждый лик человеческий в его единственности. Братство во Христе есть соединение личностей. Братство без Христа, товарищество, есть соединение безличное, в нём нельзя различить ликов. Предельный и окончательный социализм и есть предельное и окончательное отрицание свободы человека. Меня можно принудить с уважением относиться к достоинству и правам всякого человека, от меня можно требовать признания в каждом человеке гражданина. Но никто и ничто на свете, даже сам Бог не может принудить меня к братству, требовать от меня братского отношения к тем, кого я не избрал и не полюбил. Это – дело моей свободы, которой я не уступлю вам ни за какие блага мира. Я сохраняю за собой право на пеон дистанции, и я признаю

дистанцию необходимой в порядке природного. Меня нельзя принудить к большей близости, большей любви в отношении другого человека, чем я сам свободно захочу и выберу. Ваш социализм хочет меня принудить к этому, и я презираю его насильнические посягательства. В порядке политическом я признаю гражданство, в порядке религиозном я признаю братство. Но в корне отрицаю товарищество как уродливое смешение разных планов, как уродливое притязание категории социальной играть роль религиозную и подменить религиозную категорию.

Много есть переходных форм социализма. Некоторые из них могут представиться религиозно невинными. Но для того, чтобы вскрыть истинную природу социализма и увидеть ложь и зло, которые он несет в мир, необходимо брать предельный социализм, предельный коллективизм. И ваш предел коллективизма есть самое страшное, что может ждаться человека и человечество. Этот предел коллективизма никто никогда не представлял себе достаточно конкретно. Хотя следовало бы помнить, что в утопии Т. Мора людям передвигаться так же трудно, как в советской республике, и в учении Кабе допускается лишь одна правительственная газета. Лишь русская революция намекает на то, что представит из себя рай коллективизма. Но большинство из вас, социалистов, не способно сознать пределы своих стремлений и мечтаний. Большинство из вас, социалистов, настроено эклектически и смешивает разные начала. Вы сами не знаете, какого вы духа. Вы – орудие нечеловеческих, человекоистребляющих сил. Предел коллективизма есть обобществление всего человека без остатка, всего его тела и всей его души. Ничего коллективизм не хочет оставить в индивидуальную собственность самого человека. Всё в человеке хочет он подчинить своей всепожирающей власти. Коллективизм, в своей предельной, жерелогической форме, претендует на всего человека. Никакое государство, самое тираническое и деспотическое, не имело этого притязания. Много в человеке оставалось свободным и индивидуальным, не регулируемым и не рационализированным и при самой страшной из тираний. Всякое государство, как бы ни была деспотична его форма, всё же признавало человека индивидуальным существом, оно сознавало свои границы. Государство могло притеснять человека и даже истязать его, но оно не имело претензий принудительно организовать совершенного человека и совершенное человечество, насаждать насильственную добродетель. И потому оно давало свободно дышать. Ничего страшнее насильственной добродетели не может быть на свете. Во имя достоинства человека и свободы человека, во имя высшей его природы, необходимо предоставить человеку некоторую свободу греха, свободу выбора добра и зла. Если бы суждено было когда-либо осуществиться коллективизму в окончательной форме, то свобода человека была бы истреблена окончательно. Обобществлен и социализирован был бы и дух человека, и тело человека, а не только материальные орудия производства. Обобществление и социализация должны были бы идти всё дальше и дальше вглубь. От этого рокового процесса никуда нельзя уйти, от него нет спасения. Этот процесс не может ограничиться материальной стороной жизни. Напрасно хотите вы успокоить тем соображением, что принудительно обобществлена будет материальная сторона жизни, дух же станет ещё более свободен. Это и есть самая коренная ложь, величайший из самообманов и обманов. Вы начинаете с того, что обобществляете дух человеческий, что убиваете личность. Этим обобществлением духа вы хотите создать духовную лжесоборность. Ложна ваша соборность, ибо истинная соборность дана Церкви Христовой, она давно уже открыта для человеческой души. Истинная духовная соборность вмещает в себя личность человека и свободу человека. Ваша же соборность не терпит личности человеческой и свободы человеческой. Ваш принудительный коллективизм уничтожает всякий материальный базис свободной духовной культуры. Все материальные средства, без которых невозможно никакое выявление и воплощение духовной культуры в нашем грешном мире, вы хотите изъять из индивидуального пользования и свободного обращения, вы хотите передать их вашему Левиафану. Свободный индивидуальный почин ни в чем уже не будет возможен. Средства и орудия выражения и воплощения духовной жизни будут иметь лишь государство, централизованная коммуна, коллектив. Их не будет иметь личность и свободное соединение личностей, ставящее себе цели, неугодные центральному и правящему коллективу. Сделается невозможным даже свободное печатание книг, журналов и газет, ибо всё печатное дело будет в руках центрального коллектива и будет обслуживать его интересы и цели. Возможен лишь будет «пролеткульт», а не свободная культура. Сохранится лишь свобода невоплощенного духа, и дух человеческий должен будет развоплотиться.

Вы смешали сферу права и сферу морали и на отождествлении этих двух сфер хотите воздвигнуть ваш принудительный коллектив. И это соблазнительное смешение несет с собой величайшую опасность для человеческой свободы. Право есть принудительное начало, защищающее и охраняющее человеческую свободу. Оно делает возможным

сожительство и общение людей и в том случае, когда люди грешны и злы, когда они насильники и корыстолюбцы. Общество человеческое не может быть построено на любви как начале всеобщем и принудительном. Любовь между людьми может быть лишь свободным цветом человеческого общения, лишь благодатным в нём порядком. Обязательная и принудительная любовь есть чудовищное противоречие и поругание самой природы любви. В природном порядке человеческое общество должно иметь обязательные и принудительные основы, не допускающие хаотического распада. Человеческое общество в этом грешном мире, в этой ветхой природе должно управляться не только любовью, но и законом. И в законе, в праве действует божественная энергия. Те, которые допускают для человеческого общества лишь начало любви и отвергают всякое другое начало, отрицают христианскую любовь и подменяют её какой-то иной, принудительной, не христианской любовью, любовью, страшной по своей безблагодатности. На такой безблагодатной любви хотел основать человеческое общение Л. Толстой. Все вы, коллективисты, хотите приковать людей друг к другу, хотя бы внутренне они ничего общего между собой не имели и даже ненавидели друг друга. Вы хотите приковать людей друг к другу необходимостью и общими интересами. Ваша социалистическая любовь есть железная необходимость, злое принуждение. А ненавистное вам право есть защита человеческой природы, её свободного избрания. Вы ничего не хотите оставить для свободы человека и свободной любви человека. Вы не только смешали право с моралью, вы также смешали область частного права с областью права публичного. Вы отрицаете совершенно частное право и заменяете его публичным. И это значит, что вы смешиваете свободу и необходимость и подменяете свободу необходимостью. Вы хотите принудительной, необходимой свободы. Вы не допускаете свободы выбора и отпадения не потому, что человек у вас делается совершенным и что вы хотите совершенствовать человека, а потому, что человек во внутренней его природе для вас не существует, он есть лишь рефлекс экономической необходимости.

Ложь лежит в самой основе нравственного пафоса социализма. Ложь эта соблазняет sentimentalных людей. Социалистические декламации о богатых и бедных в большинстве случаев лживы до самых своих основ. Нравственный пафос социализма есть смесь ложной чувствительности и аффектированной сострадательности с жестокостью и злобной мстительностью. Sentimentальность часто ведет к жестокости. Это – закон душевной жизни. Социализм, по нравственному своему складу, есть sentimentalная жестокость и жестокая sentimentalность. Субъективно-нравственная, эмоционально-страстная сторона социализма наиболее безобразна и лжива, она-то и грозит превратить жизнь человеческую в ад. Объективная, научная, интеллектуальная сторона социализма более нейтральна и невинна. Мораль социализма, доведенная до фанатизма, столь многим импонирующая, и есть самая безбожная и страшная его сторона. Спасение от этой безобразной, человекоубийственной морали следует искать в пафосе объективности, в познавательном смирении перед необходимостью и закономерностью социального процесса. Пафос объективности смягчил бы ваши разъяренные души, ослабил бы злобные чувства. Вы живете в нездоровой и взвинченной душевной атмосфере, в которой ненависть классов доходит до красного каления. Целые классы представляются вам злодейскими и вызывают к себе злобные чувства. Это злодейство целых классов общества утверждает и так называемый «научный социализм», и, вопреки объективной стороне своего учения, он возлагает большие надежды на подогревание злобных чувств других классов. Ложь лежит в первооснове вашего понимания происхождения социального зла и неравенства. Нравственный пафос социализма родился у вас из того ложного сознания, что социальная неправда, бедность, страдания происходят, главным образом, от злой воли господствующих, имущих классов. Об этом любите вы декламировать и тогда, когда вы сторонники «объективного», «научного» социализма. Но такое злоупотребление нравственными категориями в понимании социальной действительности ведет к нравственному извращению и безнравственности. Нехорошо, дурно видеть злую волю людей и целых классов и там, где действуют причины объективного характера, где природная необходимость налагает свою железную руку. Вы разом и злоупотребляете нравственными категориями в социальной жизни, и совершенно отрицаете нравственную ответственность и вменяемость человеческой личности. Это сочетание крайнего морализма с совершенным аморализмом создает нездоровую духовную атмосферу.

Существуют объективные основы общественности, глубоко заложенные в природе, в строе космической жизни. Строй общества не зависит от злого произвола тех или иных классов общества. Общество есть явление природы, и закономерность его связана с закономерностью природы. Общество благодатное, побеждающее природную

закономерность, принадлежит уже иному плану, иному измерению; оно есть четвертое измерение общества по сравнению с теми тремя его измерениями, в которых протекает закономерная социальная жизнь. Но общество трех измерений имеет объективные, природные основы, и в них нужно искать объяснения страданий и несчастий в нашей социальной жизни. С более глубокой точки зрения, сама объективная необходимость в общественной жизни имеет духовный и моральный смысл. В ней действует божественная правда, преломленная в темной и греховной природе. Корни человеческих бедствий и человеческой нужды заложены в греховной природе человека и мира. Греховная природа подвластна суровой закономерности. В царство свободы может войти лишь преображенная и возрожденная природа, не только природа одного человека и человечества, но и всего мира и целого космоса. Перед человеком поставлена трудная задача победы над природой и овладения её стихийными силами, регулирования их для высших космических целей. Бедность и нужда человеческих обществ связана прежде всего с низкой степенью победы и овладения стихийными природными силами, с зависимостью от этих природных стихийных сил. Марксизм с объективно-научной своей стороны понимал, что вся социальная структура общества, с классовыми различиями и неравенствами, определяется состоянием производительных сил, степенью победы над природой, добытыми уже материальными ценностями и богатствами. Но марксизм есть внутренне противоречивое учение; объективно-научная сторона в нём сталкивается со стороной субъективно-классовой, с которой связан революционный и моральный пафос социализма.

В философии социализма есть две стихии: в одной из них классовый момент побеждает момент объективный и на протяжении всей истории одинаково видится правда в восстании неимущих и зло в самом существовании имущих; в другой – объективный момент сильнее классового и в разные исторические эпохи признаются прогрессивными разные классы и разные ставятся перед ними задачи. Фактически революционный социализм всегда движется и вдохновляется первой стихией, он сочувствует всем восстаниям масс, всем бунтам черни в истории и во все времена одинаково осуждает и проклинает все верхние классы, все имущие и культурные слои. Через всю историю проводит он линию, разделяющую человеческий род на две расы, на два царства – «буржуазию» и «пролетариат». В марксизме смешаны обе стихии социализма. Но у революционных социал-демократов преобладает это предстательство за «пролетариат» на протяжении всей истории, признание его классом революционно-прогрессивным и ненависть к «буржуазии» как классу угнетателей и виновнику социальных зол. История социализма Каутского написана в этом духе. Прогрессивная и революционная роль «буржуазии», о которой учил Маркс, не вызывает к себе никакого положительного морального отношения. Решительно на другой точке зрения стоял Лассаль, который многими головами возвышался над социалистической умственной средой и которого нужно признать лучшим из социалистов. Лассаль признавал, что в разные исторические эпохи разные классы являются носителями мировой прогрессивной «идеи», что носителем такой «идеи» было третье сословие, а теперь четвертое сословие является её носителем. Поэтому Лассаль очень высоко оценивает историческую роль буржуазных классов и осуждает восстания трудящихся классов, не соответствующие «идеи» исторической эпохи, например, крестьянские войны эпохи реформации. Русские социалисты окончательно не способны стать на историческую точку зрения, и им чужд дух Лассаля. Они – исступленные моралисты, и морализм их слишком часто переходит в моральный идиотизм.

Вот проблема, над которой вы слишком мало задумывались и которую вы отталкиваете от себя своим извращенным морализмом. Но является ли социальное неравенство не только необходимостью и закономерностью, но и благом, добром и правдой? Почему признали вы за нравственную аксиому, что социальное неравенство есть зло? На известной ступени развития материальных производительных сил неравенство дает максимум благ, максимум удовлетворения потребностей народа. Уравнение же вело бы к обеднению, к ослаблению производительности труда, к истреблению источников народного богатства и народного питания. При невысоком уровне материального развития, когда человек недостаточно ещё овладел стихийными силами природы, социальное неравенство, выделение класса привилегированного и имущего есть единственное спасение, есть благо и для неимущих, для народных масс. Факт существования немногочисленного слоя имущих и богатых сам по себе не может быть источником социальных зол и бедствий. Утверждать это – значит ложно оперировать с категорией количества. Отнятие материальных средств у этого немногочисленного слоя не может сколько-нибудь существенно изменить положение народных масс, огромных количеств. Для обогащения и подъема материального благосостояния масс, больших количеств, необходимо не обеднение малого количества, а рост

Бердяев Н. философия неравенства filosoff.org

производительности, развитие материальных производительных сил. Социальный вопрос реально разрешим прежде всего на путях производства, а не распределения. Равнение по низшим, которого требуют многие из вас, есть разгром человеческой культуры, понижение уровня жизни. Социализм бедности – самый страшный социализм. События после мировой войны доказали, что социализм есть порождение бедности, а не богатства. Выносимее ещё был бы социализм богатства, социализм избытка. Когда фанатики революционного социализма требуют, чтобы лучше все были нищие, чем чтобы существовала привилегированная кучка имущих, имеющих возможность поддерживать более высокий уровень культуры, их морализмом движет обоготворенная зависть и месть. Ибо здоровое моральное суждение должно признать, что пусть лучше немногие будут на более высоком уровне культуры, чем все на низшем уровне. Неравенство есть условие развития культуры. Это – аксиома. И остается недоказанным, почему равенство морально выше неравенства? А может быть неравенство само по себе есть правда и благо и к нему следует стремиться? И в Царстве Божием будет неравенство. С неравенством связано всякое бытие. Не должно быть в мире нищих и голодных, всем должно быть обеспечено человечески достойное существование. Но это не требует равенства. В самом восстании против основ социального строя во имя справедливости есть религиозная ложь, порождающая злые чувства. Нам не дано знать, почему один богат, а другой беден, почему каждому выпадают на долю те или иные испытания. Люди не должны думать, что они справедливее Бога и могут исправить несправедливость Промысла. Революционная борьба за справедливость рождает ненависть. Не борьба за справедливость, а любовь должна руководить нами в помощи бедным и страдающим. И избыточной любви не поставлено никаких границ. Не борьба за отвлеченную справедливость, а творческий инстинкт должен руководить нами в социальном строительстве.

Христос учил, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царство небесное. Вот что для многих, внешне относящихся к христианству и не приобщенных к тайнам христианской религии, звучит почти социалистически. Вы, социалисты, любите злоупотреблять Евангелием и вспоминаете его, когда это нужно для ваших нерелигиозных и антирелигиозных целей. В этих ссылках на евангельские тексты, в этих нерелигиозных толкованиях текстов есть что-то безобразное и кощунственное. Слова Христа о богатых имеют смысл, прямо противоположный тому, который вы хотели бы вложить в них. Для всякого, кто внутренне, а не внешне подходит к тайне жизни, должно быть ясно, что Христос заботился о судьбе богатых, о душе их, когда говорил, что трудно, очень трудно им войти в Царство небесное. Он хотел сказать, что богатые легко делаются рабами материального мира, материальных вещей, что они лишены свободы духа и потому затруднено для них вхождение в Царство небесное, в царство свободных душ, полюбивших Бога превыше всего мира и всего, что от мира. Христос хотел духовно освободить богатых, Он так же был заинтересован в спасении их для вечности, как и в спасении всех душ человеческих. Он пришел в мир для всех, одинаково для бедных и для богатых. И когда Он говорил слова о трудности богатым войти в Царство небесное, Он думал не о материальных интересах бедных, а о духовных интересах богатых. Ибо раскрыл Он абсолютное значение всякой души человеческой, независимо от её социального положения. Для Него не могло быть избранных и отверженных по социальному положению. Социалистическая же декламация о богатых занимает полюс, прямо противоположный христианству, она проникнута ненавистью к богатым и завистью к ним. Социалисты хотят и бедным затруднить вхождение в Царство небесное. Слова Христа обращены к внутреннему человеку, к душе человеческой. Слова социалистические обращены к внешнему человеку, к материальной оболочке человека, в них всегда чувствуется неведение внутреннего человека. Христос учил о благодатной, блаженной, божественной бедности как высшей свободе и красоте духа. Она доступна лишь немногим. Бедняжка Божий, св. Франциск Ассизский, в совершенстве осуществил этот образ красоты бедности. Но что общего это имеет с социализмом? Христос учил, что бедные имеют духовные преимущества перед богатыми, что им облегчено вхождение в Царство Божие. Социалисты же вечно говорят о великих преимуществах богатых, завидуют этим преимуществам и хотят отнять у них эти преимущества и передать бедным. Христос учил отдавать свои богатства. Социалисты учат отнимать чужие богатства. Христос призывал накормить голодного и отдать последнюю рубашку. Это должно быть актом избыточной любви. С этим обращался Христос к внутреннему человеку, к глубине человеческой души. Это не был рецепт внешнего социального устройства, о котором в Евангелии ничего не сказано. Социалисты не призывают накормить голодного и отдать последнюю рубашку ближнему. Они обращаются к внешнему человеку. Они призывают голодного насильственно отнимать. Они внушают бедному мысль, что богатство прекрасно, что доля богатого – завидная доля, и этим отравляют его бедное сердце. Христос

хотел, чтобы не было голодных, чтобы все были накормлены, чтобы у всех была рубашка. И христианское отношение к жизни требует заботы о голодных, о несчастных, об обездоленных. На страшном суде Христос спросит у каждого из нас ответа за судьбу голодных, несчастных и обездоленных. И трудно будет богатым держать этот ответ. Но как противоположен этот дух Христов духу социалистическому! Христос открыл вечную правду о духовном устройении человека, а не временную правду о социальном устройении общества. Вся евангельская проповедь Христа даже предполагает существование собственности и социального неравенства, и, оставляя нетронутым социальный строй, всегда определяемый сложными природными и историческими условиями, учит вечной истине любви и самопожертвования. Социалисты хотят сделать невозможными и ненужными христианские добродетели любви, жертвы и милостыни. Велика мудрость христианства, для которого абсолютная ценность человеческой души не зависит от социального положения и утверждается во всякой исторической обстановке. Господин и раб могут быть братьями во Христе, оставаясь в своем социальном положении. Христианство требует, чтобы душа господина и душа раба были признаны абсолютно ценными и равноценными перед Господом, чтобы господин почитал в рабе образ и подобие Божие. Но оно не призывает к социальной революции, не учит, что какой-либо строй общества во все времена одинаково обязателен. Апостол Павел учил, что раб, оставаясь в выпавшем на его долю социальном положении, может быть совершенен и может идти по пути Христову. Христианству церковному совершенно чужды элементы социально-революционные, эти элементы были лишь в движениях еретических и сектантских. Христианство имело огромное значение для уничтожения рабства в мире, но действие христианства в этом отношении было духовным, а не социальным, внутренним, а не внешним. Христианство признает, что все социальные изменения определяются особой закономерностью, что историческая преемственность не может быть во внешнем плане жизни отменена и разрушена. Социальный вопрос имеет свою техническую сторону, свои научные методы, свою материальную обусловленность. Мудрость вселенского христианства всё это признает, в отличие от сектантства. Окончательное излечение от социальных зол и страданий возможно лишь в космической гармонии, лишь в Царстве Божием. До этого же возможны лишь относительные ступени. Социальный вопрос неразрешим, разрешимы лишь социальные вопросы. Христианское добро свободно и потому предполагает некоторую свободу зла.

Идеология социализма есть идеология материального, бескачественного труда. Она враждебна труду духовному и качественному. И ошибочно было бы утверждать, что социализм берет под свою защиту труд в его целостности, труд, как начало мировое, и представляет идею труда. Социализм представляет механический, бескачественный материальный труд и отрицает творческую природу труда. Проблема труда как творчества совершенно не интересует социалистическое сознание, она находится вне его кругозора. В этом отношении, социализм находится в рабском подчинении у ненавистного ему буржуазного, капиталистического общества и бессилен над ним подняться. Социализм обоготворяет пролетариат, но уважения к труду не имеет. Материалистическая природа социализма мешает ему понять религиозную природу труда. Освобождение труда в пределе своем для социалистического сознания есть освобождение от труда. Идеология труда переходит в идеологию вражды к труду, основанную на зависти к тем, которые свободны от труда. В пафосе социализма нет обязанности труда. И социалисты хотели бы призвать к труду буржуазные классы лишь из чувства злобы и возмездия. Отношение социализма к труду изобличает его отрицательную, рефлекторную природу, его зависимость от того, против чего он является реакцией. Социализм не внес в мир идеи облагораживания труда и повышения его творческого, качественного характера. Он обосновывается на абстракции количества труда. Качество труда социализм не хочет знать, он его презирует. Но труд имеет свои священные права, неотделимые от его священных обязанностей. Когда капитал отрицает священные права труда и давит их, он является злым началом и против него необходимо бороться. Капитал есть необходимое начало в хозяйственной жизни, без которого не может развернуться труд, но он может превратиться в самодовлеющее отвлеченное начало, и тогда он выпадает из органической иерархии. Социализм же хочет представлять труд, выпавший из органической иерархии и превратившийся в отвлеченное начало. Существует качественная иерархия труда. И священен лишь тот труд, который пребывает в этой качественной иерархии. Это хорошо знал Платон. Это знал Рёскин в новое время. Но этого не знают социалисты. Материального труда, как абстрактного, количественного начала не существует. Это – фикция, на которой так много построил Маркс. Труд имеет духовную основу. И производительность так называемого материального труда зависит от духовного состояния человека.

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

Дисциплина труда есть духовная дисциплина. В конце концов, она имеет религиозные основы. Без религиозных основ, без духовной дисциплины труд разлагается, распыляется, и хозяйственная жизнь превращается в кучу мусора. Ваш материалистический социализм бессилён справиться с проблемой дисциплины и организацией труда. Дисциплина и организация труда может быть лишь иерархической. И тут вы сталкиваетесь с истребляющим вас противоречием. Социалистическое общество мыслится как общество трудовое. Но материалистический социализм не в силах организовать труд, он его дезорганизует, так как отрицает иерархический строй труда. Он разрушает духовные основы труда. При самом своем зарождении социализм восстал против разделения труда. Но разделение труда есть основа человеческого общества и человеческой культуры, основа дисциплины труда и его качественной иерархичности. Низвержение разделения труда есть низвержение общественного космоса, конец качественной культуры. Количественное уравнивание труда есть обида лучшим и подбор негодных, отрицание и истребление способностей и дарований, опыта и образования, призвания и гениальности. Напрасно некоторые из вас, более свободолюбивые, думают, что полное однообразие материальное, сведение всякого качества на количество, может освободить место для разнообразия духовного, для качественных различий в духовной жизни. Не существует абстракции материальной жизни и абстракции жизни духовной. Всё связано и сплетено в общественном космосе. Как бы вы ни отговаривались, но вы принуждены признать верховенство материального труда и отрицать всякую самостоятельность за трудом духовным. Вы презираете духовный труд и его представителей. Вы хотите поработить его труду материальному. Для вас это – две абстракции, и вы хотели бы одну из них окончательно подчинить другой. И потому страшен социализм не только для капитала, он ещё более страшен для духовного труда, для творчества, т. е. в конце концов для духа человеческого. Ваш социализм есть восстание материи против духа, распря материи с духом. «Буржуазное» царство капитализма тоже было царством материи, истреблявшим дух, и вы – продолжатели его, наследники этого царства, гасители духа.

Ваша идея всемирной социальной революции, Zusammenbruch'a капиталистического общества, представляет чудовищное смешение идей научного и социально-политического порядка с идеями порядка религиозного. Прыжок из царства необходимости в царство свободы, о котором учили Маркс и Энгельс, есть уже переход от процесса исторического к процессу сверхисторическому, апокалипсис всемирной истории. Социальных революций, в смысле мировой катастрофы, начинающей новую историческую эру, никогда не было и быть не может. Социальный процесс, по природе своей, есть процесс молекулярный. В порядке природном он может быть лишь эволюцией, а не революцией. Социальные процессы ничего общего не имеют с политическими coup d'état, со свержениями власти, происходящими в течение одного дня, с заговорами, восстаниями и вооруженными столкновениями. Штыками и пушками нельзя изменить экономические отношения, создать новый строй общества. Это верно и в отношении социальных контрреволюций, а не только революций. Социальное развитие предполагает возрастающую власть человека над природой, рост экономической производительности и нравственное изменение отношения человека к человеку. Эти экономические и нравственные процессы не напоминают революций и катаклизмов. Объективно-научная сторона марксизма ведет к отрицанию идей мировой социальной революции. И если марксизм всё-таки призывал к социальной революции и верил в нее, то потому, что он был не только наукой, но и верой, имел не только социальное, но и религиозное, лжерелигиозное притязание. Ожидание социальной революции и есть ложное религиозное ожидание, подмена и самообман. Революционный социальный максимализм всегда основан на смешении относительного и абсолютного, социального и религиозного, средств и цели. В природном порядке, в исторической действительности должно утверждать плюральность средств. Решение социального вопроса в пределах трех измерений этого мира может быть лишь сложным и относительным. «Социальная революция» возможна лишь как процесс разложения. Социальный реформизм, направленный на защиту интересов труда и трудящихся, должен быть согласован и с исторической преемственностью и традициями, и с неотъемлемыми правами и свободами человека. Необходимо сочетание свободной индивидуальной инициативы, свободного общественного кооперирования и государственного регулирования. Это значит, что начало социалистическое, взятое в своей относительной и частичной правде, должно быть согласовано с другими началами, началами консервативными и либеральными. Социальное реформирование общества, регулирование производства, организация труда должны быть согласованы с началами частной собственности. Ибо начало собственности имеет неразрывную связь с началом личности. Начало собственности имеет глубокие религиозные и духовные основы, оно коренится в духовной свободе человека, в его органической,

духовной связи с предками и потомками. Но с началом собственности могут быть связаны самые безобразные злоупотребления, оно легко делается орудием корысти и жадности, оно может превратиться в орудие угнетения. Начало собственности не есть высшее и абсолютное начало, оно должно быть подчинено высшим началам, оно должно быть ограничено. Самодержавная, отвлеченно самодовлеющая собственность производит страшное опустошение в человеческой жизни, она делается началом вампирическим. И тогда в социальном восстании есть доля правды. Собственность должна быть внутренне одухотворена, и тогда она оправдана, она имеет свою миссию. И она представляет одно из вечных начал человеческой жизни. Духу корыстолюбия, жадности, эгоизма, духу, одержимому жадной наслаждений и соблазненному безвкусной и безобразной роскошью, – необходимо противопоставить иной дух. Необходима духовная борьба с «буржуазным» духом. Социализм не в силах победить этого «буржуазного» духа, ибо сам он пропитан этим «буржуазным» духом, он – его порождение. И никогда, никогда вам, социалистам, детям «буржуазного» века сего, не вырваться из трех измерений «буржуазного» мира. Переход в четвертое измерение человеческого бытия есть внутренний духовный переворот, религиозная революция. Победа над нищетой и голодом, гарантия для каждого члена общества необходимого минимума человеческого существования есть задача более скромная и элементарная, её разрешение не означает перехода в иное измерение, в сверхисторическое существование. Полный и окончательный социализм невозможен и пагубен для человека, для его духовной природы, для его высшего достоинства. Торжество религии социализма остановило бы рост производительности и парализовало бы творчество. Оно уничтожает мотивизацию труда. Торжество это сделало бы невозможной творческую избыточность, ибо избыточность предполагает неравенство, соревнование и подбор. Для огромного большинства пролетариата, с которым должно будет отождествиться человечество, не понадобится высшая качественная культура, не нужны будут высшие творческие подъемы духовной жизни. А пролетариату этому будет принадлежать верховная власть, ничем не ограниченная. И во имя свободы творчества, во имя цвета жизни, во имя высших качеств должно быть оправдано неравенство. Не случайно против неравенства восстают больше всех позитивисты и материалисты. Они не могут понять его смысла. Ибо лишь для религиозного взгляда на жизнь человеческая судьба осмысливается в таинственном миропорядке и всякий человек имеет свой удел за пределами земной жизни. Чудовищно несправедливо и жестоко требовать для всех людей равных условий. Условия жизни, для одного человека привычные и сравнительно легкие, для другого были бы невыносимо мучительны и тягостны. Принудительного уравнивания человека некультурного и грубого и человека утонченной и высокой культуры может требовать лишь мстительная злоба и ненависть. Восприимчивость к страданиям зависит от организации человека, от бурлящей в нём крови предков, от воспитания, от уровня культуры, от призвания. Буржуазно-капиталистический век безобразен тем, что он всё нивелирует и уравнивает, убивает всё индивидуальное.

В основе социалистической религии лежит отрицание бессмертия и бунт против божественного миропорядка. Достоевский глубоко понимал, что социализм есть следствие отрицания бессмертия. И потому в социализме есть жадность смертных, жадность к земной жизни. Как пошлы и уродливы все ваши утопии, все они – предел мещанства! Духовная ложь лежит в основе вашей социальной мечтательности. Этой нездоровой социальной мечтательностью хотите вы заглушить в себе ужас смерти, вы добываете себе суррогат бессмертия. Социальная мечтательность, социальный утопизм заглушили в вас религиозное чувство, ослабили сознание смысла жизни и закрыли для вас вечность. Здоровый социальный пессимизм был бы для вас спасителем, от него пошло бы духовное оздоровление. Социализм ваш претендует быть новой религией, новым духом, а не только социальным устройством, не только добыванием хлеба насущного для голодных. И в этой претензии погибает и небольшая доля правды социализма. Вы не столько добываете хлеб земной для голодных (слишком часто вы лишаете и того хлеба, который был раньше), сколько провозглашаете религию хлеба земного против религии хлеба небесного. Ваш притязательный социализм глубоко антиисторичен, не понимает тайны истории, и потому он в сущности реакционен. Он добывается антихристового конца истории. И лишь вселенское христианское братство, обращенное к Христову концу истории, может победить соблазн социализма.

* * *

Идея демократия и идея социализма – противоположные идеи. Демократический социализм типа Жореса не есть настоящий социализм. Все вы, социалисты-революционеры, меньшевики, правые социалисты всех толков, – не

настоящие социалисты, все вы больше демократы, чем социалисты. Настоящие социалисты – коммунисты. И коммунисты правы, противопоставляя свой социализм демократии. Демократия – формально бессодержательна, она безразлична к направлению народной воли. В формальном народовластии народная воля не имеет никакого предмета. Демократия скептически и вместе с тем крайне оптимистична. Социализм пессимистичен в отношении к формальной воле народа, он заинтересован в том, чтобы воля народа имела определенное направление и определенный предмет. Социализм утверждает не суверенную волю народа, а суверенную волю класса, волю класса-мессии, пролетариата. Только пролетариат свободен от первородного греха эксплуатации. И последовательный социализм допускает только волеизъявление пролетариата, и притом не всякого пролетариата, а лишь социалистического пролетариата, пролетариата, верного «идее» пролетариата. Не фактический, эмпирический пролетариат должен господствовать, а лишь «идея» пролетариата. Во имя «идеи» пролетариата можно совершить какое угодно насилие над фактическим пролетариатом. Верховенство принадлежит тому меньшинству, которое является истинным носителем «идеи» пролетариата, которое хранит правую веру. Социалистическое государство не есть секулярное государство, как государство демократическое, это – сакральное государство. Оно в принципе не может быть веротерпимо и не может признавать никаких свобод. Оно признает лишь права за теми, которые исповедуют правую веру, веру социалистическую. Оно походит на авторитарное теократическое государство. Социалистическое государство есть сатанократия. Социализм исповедует мессианскую веру. Пролетариат есть класс-мессия. Хранителями мессианской «идеи» пролетариата является особая иерархия – коммунистическая партия, крайне централизованная и обладающая диктаторской властью. Никакое волеизъявление народа не допускается. Необходимо насильственно подчинить народ «священной» воле пролетариата, а самый пролетариат подчинить «идее» пролетариата. Истину знают и истине подчиняют немногие – какой-нибудь центральный комитет коммунистической партии. Как не походит это на демократию! Истинные социалисты должны презирать скептическую демократию, бессодержательную и пустую. Социализм хочет перейти к содержанию жизни, открыть истинную и праведную волю. В этом социализм прав более, чем демократия. Но тут он и приближается к последним пределам небытия. «Идея» пролетариата – совершенно пустая, небытийственная идея. Содержание и цели жизни не могут быть социальными и определяться по внешним материальным признакам. Содержание и цели жизни могут быть лишь духовными. Нельзя искать праведной воли вне самой реальной праведности и святости воли. Все социальные и политические формы всегда окажутся формальными. Обе должны быть подчинены духовным целям жизни. И теократия лишь символизировала Царство Божие, но не достигла его реально. В этом была причина её исторического краха. Социализм окончательно обнаруживает пустоту всех внешних стремлений к совершенному обществу и совершенной жизни. Только реальное осуществление совершенной духовной жизни есть разрешение проблемы совершенного общества.

Письмо десятое

Об анархизме

Анархизм, как и социализм, есть одно из вековечных устремлений, с давних времен проявлявшееся в человеческом обществе, и один из пределов общественной мысли человека. Революционный пафос анархизма иной, чем революционный пафос социализма. Существует внутреннее противоборство этих двух революционных стихий, но и неуловимый переход одной из этих стихий в другую. Если социализм доходит до небытия в своей жажде равенства, то анархизм доходит до небытия в своей жажде свободы. Предел социализма – пустое равенство. Предел анархизма – пустая свобода. Если социализм верит в благость принудительной организации, то анархизм верит в благость естественного автономизма и анонизма человека. Анархизм верит, что из хаоса естественным путем может родиться гармония. В анархизме больше веры в человека, чем в социализме, хотя оснований для такой веры в нём нет никаких. Анархизм отрицает значение закона для человеческой жизни, для общества, для путей истории, отрицает всякий исторический иерархизм, всякое право и всякое государство. Для последовательного анархического сознания исторический процесс совершенно бессмыслен и человек должен сбросить все окостеневшие наросты государственности и культуры. Последовательный анархизм не признает никаких достижений в долгом историческом пути человечества. Он хочет восстановить естественного человека, свободного от всех связей, от всех воспоминаний истории. Всё оказывается лишь стеснительным футляром для свободного

по природе своей человека, вся история – лишь цепи, сковывавшие человека. Никакой внутренней закономерности социального процесса анархизм не признает. Человек может и должен совершенно освободить себя в любой момент истории, при каком угодно социальном строе. Но революционный анархизм впитывает в себя элементы классового социализма. Лишь в редких случаях, когда анархизм является в идеалистических формах, он представляет человека, человеческую личность независимо от её социального положения. В большинстве же случаев анархизм представляет те же «пролетарские» классы общества, что и социализм, и даже признает себя идеологией *lumpen*-пролетариата, пятого сословия. Вы, анархисты, любите декламировать о свободе человека, о личности, но вы дышите той же классовой ненавистью, что и социалисты, вы также не можете возвыситься над классовой точкой зрения. И это – внутреннее противоречие анархизма, в этом чувствуется его несвобода, его зависимость от социализма самого низшего пошиба. В душевной основе анархизма лежит революционное бунтующее чувство обиды, жизненной неудачи, злопамятства против тех ценностей и благ, которые не дались и которые чувствуются чужими. Идеология анархизма близка черни, босякам, выброшенным за борт социальной иерархии. Анархическая страсть к разрушению рождается из чувства ненависти и мести. Анархист в человеческом обществе, в человеческой культуре ничего не чувствует своим, близким, своей собственностью, всё представляется ему чужим, давящим и ненавистным. Государство для анархиста – не его государство, а чуждое, давящее и ненавистное. И что признает анархист своей собственностью? Ничто. Он не имеет не только материальной собственности (иногда он может и иметь её), но, прежде всего, не имеет духовной собственности, он чувствует себя обездоленным и от этого накапливает разрушительную злобу в сердце своем. Макс Штирнер, самый крайний и интересный из философов анархизма, написал книгу «Единственный и его собственность». Всё, весь мир признает Макс Штирнер собственностью «единственного». Но это страшный самообман. В действительности, он ограбил «единственного», он лишил его всякой собственности. «Единственный» – духовный пролетарий, у него нет ничего своего, все духовные реальности и духовные ценности – не его, чужие и потому ненавистны ему. «Единственный» живет в пустыне, в страшной духовной пустыне. Он не только на «ничто» строит своё дело, но и «ничто» есть содержание его жизни, цель жизни. И все вы, революционные анархисты, такие же духовные пролетарии, как «единственный» Штирнера, такие же убогие, такие же пустые, такие же оторванные и отрезанные от всех источников духовной жизни и духовных богатств.

Анархизм есть атомизм, распадение всех общественных целостей на самоутверждающиеся атомы, на индивидуумы, начинающие с себя всю историю, отрицающие все высшие реальности. Торжество анархии было бы распадением всей иерархии реальностей, органически между собою связанных, разрушением всего строя космоса, восстанием хаоса против космоса. В этом восстании хаоса, прежде всего, подвергаются сомнению все космические реальности, реальности Божьего мира, рожденного в свете. В хаотическую тьму погружаются они, и эта хаотическая тьма признается единственной реальностью. Хаос расковывается, и самоутверждающиеся атомы из себя мнят воссоздать новый мир. Вот что шевелится под анархическими учениями, столь иногда идиллическими и прекраснотушными. С философской точки зрения, анархизм ваш есть крайний номинализм, отрицание реальности всех общностей и целостей, наций, государств, человечества, космоса, Бога. Все реальности превращает анархизм в давящие призраки. Он хотел бы оголить человека, поставить человека в пустоте и перед пустотой. Но не превращается ли на этом пути человек в последний из призраков? Не разрушаете ли вы и человека, того индивида, который был вашей последней инстанцией и во имя которого вы восстали на весь мир и на Бога? Для вас, последовательных анархистов, человеческая личность есть самый пустой из всех призраков. Ещё дальше и глубже должны вы пойти в революционном процессе атомистического дробления и разложения. Человека превратили вы в атом. Но и самый человек ваш распадается на атомы. Восстание идет вглубь. И человек есть целость, есть реальная общность. Части восстают на целое и разлагают ядро личности человеческой, духовный центр её. Ваш разрушительный номинализм должен идти всё дальше и дальше, он не должен сохранять никакой реальности. Почему отдельный человек более реален, чем все разрушенные вами сверхчеловеческие реальности? Вот жалкий предрассудок, от которого вы с трудом отказываетесь. Не многие из вас дерзают на радикальное, до самого конца доходящее разрушение всякой реальности в мире. Поистине, это разрушение должно было бы быть бесконечным. Бесконечность разрушения раскрывает темную зияющую бездну, которой и самые крайние из вас пугаются. Но вы вызываете духов, которые смелее, последовательнее и радикальнее вас. Всё же вы ещё слишком умеренны. Даже М. Штирнер, самый смелый из вас, сохранил суеверие реальности «единственного». Но последовательный анархизм должен был бы признать лишь

реальность темной хаотической бездны небытия, лишь безысходную бесконечность дробления и разложения. Анархия должна захватить и индивидуума, и всякое «я» человеческое. Анархизм ваш есть самопротиворечие и самоистребление. Ни на чем вы не можете удержаться и передохнуть. Темный поток влечет вас в бездну. Ни от чьего лица не можете вы говорить. Никакое лицо не остается для вас реальным. Вы не можете с правом произнести никакого имени. Анархический путь есть путь самоистребления личности, гибель человеческого я. Кто взрывает динамитом все возвышающиеся над ним реальности, все ценности и святыни, тот взрывает и себя, своё «я», тот губит свою личность и ввергает в пучину хаотического небытия. Человеческое «я», человеческая личность, человеческая индивидуальность реально существуют, если существуют реальности высшие, чем человек, чем его замкнутое «я». Человек до глубины есть, если есть Бог, и он гибнет, распадается, если нет Бога, если в нём гибнет Бог. Человек всегда держится тем, что выше его, что делает его собственную реальность бесконечно глубокой и бесконечно содержательной. Человек, в котором будет лишь плоскостное измерение и не будет измерения глубины, развеивается ветрами и теряет право на своё имя, данное ему от века Богом. Но знаете ли вы иное измерение человеческого существа, чем измерение на плоскости? Бунтует и восстает человек, ставший окончательно плоским. Реальности, превышающие человека и связывающие его с глубинной божественной действительностью, охраняют человека, его образ, его лик, его достоинство, препятствуют его растворению и гибели в темной бездне, в хаотической стихии. На дне анархизма всегда можно найти раскованную личность, потерявшую свой образ, свой духовный центр. Анархизм есть такое же человекоубийство, как и социализм. Вам, анархистам, некого освобождать. Вы не человека освобождаете, а освобождаете хаотическое небытие, в котором гибнет человек.

И те реальности, те силы, которые анархизм хочет низвергнуть, защищают человека от опасных для его образа стихий. Церковь со своим иерархическим строем охраняет образ человека, защищает личность человеческую от демонов природы, от со всех сторон обступающих его и угрожающих ему стихий. Государство со своим иерархическим строем охраняет образ человека от звериных стихий, от поднимающейся снизу тьмы, оно признает человека индивидуальным существом, защищает от переходящей все пределы злой воли. Право охраняет свободу человека от злой воли других людей и всего общества. Закон изобличает грех, ставит ему пределы и делает возможным минимум свободы в греховной жизни человеческой. Анархизм отрицает зло и грех, он считает человеческую природу естественно благой и безгрешной. Но именно этим анархизм не освобождает человека, а поработывает его ещё более. Этим анархизм ввергает человека в пучину, в звериный и рабский хаос, отдаёт личность человеческую на растерзание демонов. Анархизм утверждает свободу рабства у зла. Вы, анархисты-освободители, не знаете свободы нового Адама, во Христе рожденного. Ваша анархическая свобода есть последняя судорога старого Адама, ветхого природного человека. Истинно свободный духом не может быть анархистом, ему некого и нечего свергать. Анархическая настроенность – рабья настроенность. И истинно стремящийся к освобождению не может быть анархистом, – он прежде всего хочет освободить себя от своей собственной низшей природы, от власти над ним темных стихий. Анархизм хочет абсолютно освободить человека, не изменив и не преобразив его природу, оставив его рабом греха и страстей. Он хочет царства свободы без искупления. Но, поистине, Христос – освободитель, и свобода там, где дух Господень. Вы же не хотите знать Христа и духа Господня и мните себя свободными, оставаясь рабами. Свобода человека не достигается бунтами и восстаниями. Анархическая свобода – отрицательная свобода «от», а не свобода «для», свобода формальная, а не содержательная. Это – свобода детей, которые хотят иметь возможность делать всё, что им вздумается, но не знают ещё, что им вздумается. Задумывались ли вы когда-либо над тем, для чего вам свобода, как воспользуетесь вы своей свободой, каким положительным содержанием её наполните? Сомневаюсь, чтобы вы глубоко задумывались над этим. Вы хотите иметь возможность делать всё, что вам захочется. Но захотелось ли вам уже чего-либо по существу? Избрали ли вы уже путь ваш? Полюбили ли вы уже что-либо так, чтобы предмет любви наполнил жизнь вашу высшим содержанием? Об этом никто из вас ничего не говорит. Вы не имеете никакой цели. Ваши свободные анархические общины – идиллические мещанские утопии, лишённые всякого глубокого содержания. Средства, к которым прибегаете вы в борьбе, бросают на вас злое и нищотное черно-красное сияние и придают вам почти демонический характер. Но цели ваши жалки и ничтожны. Вы стремитесь страшными и преступными средствами к мещанской слащавой идиллии земного благоденствия, к естественному раю в маленьких домиках с садиками. Ваши страшные кровавые бунты и восстания должны окончиться ничем. Весь пафос ваш – в средствах, а не в целях борьбы. Анархическая свобода – пустая

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

свобода, свобода от всех связей бытия, от Бога, от космоса, от всех человеческих общностей. Но что будете делать вы на другой день после того, как все положительные связи, наполнявшие жизнь человека, рухнут? Вы сами не будете знать, что вам делать. Вы ощутите смертельную тоску и скуку пустоты, ужас небытия. Вы сами предпочтете рабство этой пустой свободе. И рабство не заставит себя долго ждать. Пустая, бессодержательная свобода мгновенно переродится в рабство. Вы будете рабами самих себя и подобных вам и всей непреобразённой и непросветленной природы. Анархизм не знает истинной свободы, как социализм не знает братства. Анархизм изобличает тайну всех отрицательных направлений, обожествляющих ветхого, естественного человека. Он лежит на дне всякого революционизма, социализма, демократизма. И ни одно из этих направлений ничего серьезно не может противопоставить анархизму, не может бороться с ним. Радикальное изобличение лжи отрицательных направлений есть заслуга анархизма.

Идеология анархизма в большинстве случаев имеет антирелигиозное обоснование и дышит пафосом атеистическим. Таков анархизм Бакунина, анархизм М. Штирнера, анархизм динамитчиков, анархистов действия. Анархизм, прежде всего, направлен против Царя Небесного, а потом уже против царей земных. Но идеология анархизма может обосновывать себя и религиозно, может выдавать себя за религиозное учение и во имя Бога отрицать всякую власть на земле. Таков анархизм Л. Толстого, анархизм Э. Карпентера, анархизм духоборов и сектантов, отрицающих всякое воплощение божественных начал в историческом процессе. Религиозный анархизм – явление совершенно особого порядка. К анархизму может вести лишь религия отвлеченной духовности и отвлеченного монизма. Отвлеченная духовность и отвлеченный монизм становятся во враждебное положение к историческим воплощениям и к исторической множественности. Это – не христианская религия, это – уродливое отвлечение и оскотление христианства. Это сектантское духоборчество, выдающее себя за христианство, соединяет крайний индивидуализм, отрицание всех церковных и всех мировых исторических связей человека, с крайним монизмом, с утверждением абсолютного тождества и безразличия. В этом отвлеченном религиозном индивидуализме и монизме отрицается органическое единство космической жизни и круговая порука и ответственность каждой личности человеческой за всех и за всё. Сектантско-духоборческий религиозный анархизм хочет сбросить с себя бремя мирового процесса, бремя исторической судьбы человечества и, выделив себя, от себя начать жить в абсолютной свободе. Этот религиозный анархизм хочет признавать лишь власть божественного закона в себе. Он отвращается от конкретной множественности и от связанной с ней трагической судьбы. Он мнит себя пребывающим в абсолютном единстве, в невоплощенной и невоплотимой духовности. Он не хочет мараить белых одежд святош анархизма прикосновением к историческим телам и воплощениям. Религиозный анархизм выключает себя из истории, не хочет участвовать в таком грязном деле. Религиозный анархизм есть крайний рационализм, он не верит в таинственную основу и таинственный смысл исторических воплощений и верит, что через индивидуальное сознание и обращение к божественному закону можно внезапно изменить весь мир и привести к новой жизни. Такова вера толстовцев, духоборов, духовных христиан, евангелических христиан. Евангелическое христианство отвергает не только всю мировую историю, но и всю религиозную христианскую историю. И это евангелическое христианство, в конце концов, вырождается в морализм и законничество. Самым крайним и типичным христианским анархистом был Л. Толстой. На нём можно изучать внутренние движущие пружины религиозного анархизма. Крайний спиритуализм толстовского анархизма соединяется с животнo-материалистическим пониманием содержания жизни; крайний индивидуализм соединяется с не менее крайним монизмом, совершенно отрицающим личность; безумное отрицание мирового и исторического процесса соединяется с крайним рационализмом, с грубым отрицанием всего чудесного и таинственного. Безумие анархизма есть всегда безумие рационалистическое, исступление рассудочное. Это верно и по отношению к анархизму религиозному, и по отношению к анархизму антирелигиозному.

Пафос анархизма есть пафос отрицания истории. И всякий отрицающий историю имеет в себе семя анархизма, хотя бы он и не сознавал себя анархистом. Так, в русской восточно-православной религиозности есть анархический уклон, нелюбовь к власти и организации. Анархический уклон был и у славянофилов. Он совместим и с самодержавием. Ибо анархическому духу противоположна организация человечества для исторической жизни. В католичестве нет никаких анархических элементов, хотя католичество и боролось против государственной власти. Православие было покорно государственной власти, но в нём возможны своеобразные анархические уклоны. Безбрежность и безграничность православной души на Востоке, недостаток формы и

предела, слабость самоорганизации располагают к благочестивой анархичности. Ошибочно думать, что анархизм есть проявление активности человеческого духа. Внешним шумом и внешними жестами вводите вы других в заблуждение и сами себя обманываете. Анархизм не только может быть проявлением пассивности, но он, в конце концов, всегда есть проявление пассивности духа. Анархизм не мужествен, он женствен. Мужественный дух оформляет, дисциплинирует, организует. Дух женственно-пассивный погружает в бесформенный, недисциплинированный и неорганизованный хаос. И все вы, самые страшные анархисты, бомбометатели и взрыватели старого мира, все вы люди не мужественно-активного, а женственно-пассивного духа. Вы не владеете собой и не владеете стихиями, вы в обладании неведомых вам стихийных духов. Анархисты – самые безответственные из людей, они ни за что не хотят брать на себя ответственности. А безответственность и есть явление не мужественного, пассивного духа. Мужественный дух берет на себя ответственность.

В основе религиозного анархизма можно открыть атрофию чувства личности. У толстовцев, духоборов и других религиозных анархистов личность задавлена. В совершенной безличности видят они выполнение божественного закона жизни, все хотят привести к совершенному тождеству и безразличию. Индивидуальный образ готов признать грехом религиозный анархист. Религиозный анархизм Толстого пошел от круглой безличности Платона Каратаева. Но если не знает личности религиозный анархизм, то ваш безрелигиозный анархизм уже окончательно не может произносить слово «личность», так как совершенно отрезан от этой реальности. Вы отрицаете всякую власть и низвергаете всякую власть с такой легкостью и безответственностью потому, что вы не знаете личности и не дорожите охранением её образа. Поэтому вас не страшит и даже притягивает погружение в безликий хаос. Притязание на безграничную свободу личности, не ведающей над собой никакой власти, разрушает личность и погружает её в безликий хаос. Это есть основной парадокс анархизма. Вы думаете, что вы восстаете и бунтуете во имя личности, во имя бесконечной её свободы и её обоготворения. Но это – страшный самообман. Бытие личности предполагает границы и различия, предполагает охранение от бушующего безликого хаоса. Свою окончательную свободу личность обретает не в произвольном снятии всех границ и различий; не в допущении в себя темного, всеразрушающего хаоса, а в космическом и историческом строе и ладе. Человеческая личность и человеческая свобода неразрывно связаны с иерархизмом. Вот истина, которая закрыта для всех вас, не только анархистов, но и социалистов, и демократов, и либералов, и всех плененных внешними позитивными политическими и социальными формами и идеями. Бытие личности связано с онтологическим неравенством.

Личность возможна лишь в космосе, лишь в космосе различимы лица, образы. Различение и есть установление различия. Космос же имеет иерархическое строение, в нём каждая личность имеет своё единственное место и единственное назначение, в нём всё единично, всё неповторимо. И всякое порабощение личности, всякое смешение её с безличным и насилие над ней безличного есть результат некосмического состояния мира, порабощения его хаосом, разделяющим и сковывающим. Личность невозможна в хаосе, в хаосе неразличим лик, образ. В хаосе всё смешано и спутано. В хаосе нельзя сохранить ничего сокровенного. Хаос ничего не признает неповторимым, единичным, различествующим от всего остального в своем качестве и своем назначении. Хаос не знает границ для своего разлива, для своего сокрушительного напора. Хаотическое состояние мира есть совершенно безличное состояние, в нём неразлично индивидуальное. В космическом строе есть уважение к неповторимо индивидуальному, к сокровенному, есть предохранение от всеобщего смешения. В хаотической стихии нет уважения ни к чему. Стихия эта признает всё своим, повсюду вторгается, всё собой пропитывает, всё вульгаризирует. Она не знает священных мест, не знает ничего неприкосновенного. Анархия и есть хаос, отрицание космического строя мира, всеобщее смешение, нарушение всех тех иерархических граней, которые охраняли бытие личности. И потому анархия несет с собой порабощение и истребление личности. В пределе своем, в разверзающейся над ней бездне, анархия истребляет все реальности, повергает в состояние небытия. И сладость анархии для соблазненных есть сладость небытия. Ибо мучительно трудно удержать бытие и умножить его богатства. Путь к вершинам бытия лежит через страдания. Вы же хотите мгновенно перескочить через страдания и срываетесь в царство небытия. В эпохи революций бывают мгновения торжества анархии. Хаотические стихии врываются в общественный космос и опрокидывают всякий космический строй и лад. Нарушаются все грани, всё смешивается. Безликий бог или демон торжествует в революциях. Имя этого бога с радостью готовы назвать

некоторые из вас. Это – бог Дионис. Он совершает свои оргийные празднества в стихии революции. Несет ли он с собой свободу, освобождает ли он личность, ведет ли он человека ввысь? Нет, неограниченное самодержавие этого бога разрывает личность, ввергает человеческий образ в темную, безликую пучину. И в древней Греции, на родине своей бог Дионис не был богом личности, богом человеческого образа. Не в религии Диониса рождалась личность, поднимался дух человеческий. В дионисических оргиях Грецию обступали и заливали хаотические стихии Востока, выступавшие из своих берегов, восстававшие против своих властителей. Лик человеческий подымался и выявлялся в религии Аполлона, бога формы и предела. Всё европейское человечество и европейская культура созданы аполлоническим оформлением дионисической стихии. Так выковывался образ человека. Анархия пытается разрушить долгую работу над освобождением человека от власти оргийных стихий, над выковыванием человеческого лика. Христианство освободило человека от древней демонологии и подняло личность человека. Анархия хотела бы вновь вызвать стихийных демонов природы и отдать им на растерзание человека. Анархизм не умеет и не хочет просветлять стихии. Он хочет верить в их естественную благость, он остается в неведении зла. Анархизм есть противоестественное и противоречивое сочетание дионисической стихийности с беспредельным рационализмом. Он верит в рациональность самой стихии. Так хаос принимает обличие нового разумного строя жизни и является уже злом, а не первоначальной стихией, предшествующей разделению на добро и зло.

Исторический иерархизм воспитывает человечество и человека, он делает возможным подбор качественных элементов и духовный расцвет жизни и творчества в избранной части человечества, в духовной аристократии. О, конечно, никогда положение избранного меньшинства, духовной аристократии в этом мире не было легким и удовлетворительным. Во всяком строе жизни путь этого меньшинства лежит через страдания, через непризнание и мучительную борьбу за свои идеи. Но в принципе существование этого меньшинства допускалось и охранялось от затопления хаотической человеческой массой. Всегда возможна была интимная, сокровенная жизнь, хотя бы и страдальческая, всегда возможен был эзотеризм в истории. Анархизм в принципе отрицает всякую эзотерическую, сокровенную жизнь, он восстает против нее, как против начала аристократического и иерархического. Он хотел бы задавить эту иерархически высшую жизнь стихийным хаосом. В ваших анархических движениях низы опрокидывают верхи. И это имеет смысл не только материальный, но и духовный. Иерархический строй космоса есть путь охранения и раскрытия по ступеням высшей сокровенной истины, источников света. Анархизм хочет выплеснуть всё сокровенное из священных сосудов в хаотическую, массовую стихию. И этим выплёскиванием особенно грозит анархизм религиозный и мистический. Анархизм метафизически и мистически противоположен иерархизму. Поэтому он стремится к вульгаризации, он предает качество количествам, он не признает никаких неприкосновенных святынь, никаких оград для храмов, никаких прикрытий для мистерий. Но, с другой стороны, анархическая настроенность поражает недостатком любви и снисхождения к людям, к человеческой массе. Анархическая идеализация неустроенности и хаотичности, анархическая вражда ко всякому жизненному порядку и строю несет за собой неисчислимое горе и страдание человеческой массе, среднему человеку. Но кто имеет право ввергать других людей, ближних своих, в хаос, беспорядок и нестроение всей жизни, в голод и холод, в необеспеченность элементарными жизненными благами и элементарными правами? Во всяком случае, такое отношение к людям недопустимо для христианина. И те, которые считают себя христианами, должны были бы об этом подумать. Организация человеческой жизни, не допускающая превращения её в ад, есть долг каждого христианина. В этом проявляется любовь к людям и снисхождение к слабости человеческой. И нет ничего безобразнее и безответственнее того мистического анархизма, который упивается бездной и хаосом, безбрежной стихийностью и изначальной природной тьмой, зовет к этому, мистически разукрашивает такие состояния народной жизни и именует «буржуазностью» всякую организованность, всякий строй, всякий жизненный порядок. И менее всего, конечно, можно найти в этом мистико-анархическом фразерстве дух любви. Духа любви больше в самой суровой государственности. В государственности есть снисхождение к человеческой греховности, к человеческой немощи, есть ответственное сознание зла жизни, есть ведение той тьмы, которая объемлет жизнь человечества. Ложью является и апокалиптическое истолкование и обоснование анархизма. В этом сказывается всё тот же не мужественный, безответственный пассивный дух. Отрицание начала власти и государства на том основании, что близится конец мира, что всё уже изжито и исчерпано в истории, есть религиозный соблазн, религиозный срыв. Нам не дано знать времен и сроков. Об этом говорит Христос. И во все времена мы должны

исполнять долг свой и проявлять дух мужественный и активный. С какой-то более глубокой точки зрения сама история совершается в вечности и во времени лишь проектируется. И в вечности ставится задача истории. Поэтому и апокалиптический анархизм не имеет оправдания. Он срывает историю во времени, как временный процесс. Он хочет выйти из времени, как раб времени.

Иерархическое начало власти, иерархический закон церкви, государства и права должны довести человечество до конца времен. Эти начала преодолимы лишь в измерении вечности, а не в измерении исторического времени. Но и в вечности, и в жизни небесной начало власти будет существовать в преображенном виде. И там не будет анархии. Власть может перестать действовать как начало принуждающее и насилующее, ибо она действует так лишь в материализованной и темной среде, но она не может прейти. Она действует и в небесной иерархии, и в небесном космосе. Начало власти – вечное начало, а не временная лишь реакция на зло. Претензия анархизма направлена на разрушение космоса, и потому хотела бы уничтожить власть, управляющую космосом, держащую его и регулирующую его. Анархическая свобода не вмещает мира и Бога. Узка эта свобода, и в пустоте её нет места ни для каких богатств. Анархизм совсем не хочет сделать человека подлинно свободным, – он хочет лишь, чтобы несвободный был признан свободным, насколько не изменив своей природы, т. е. хочет подмены и обмана. Анархическая свобода – не реальная свобода. Анархическое сознание не знает истины, ведомой мудрецам человечества, – той истины, что человек – микрокосм. Если бы вы знали эту сокровенную истину, то прекратили бы ваши внешние бунты и восстания. Сознавший себя микрокосм не может бунтовать против космоса. Он освобождает себя раскрытием в себе космоса. Вот в чем высшее достижение человеческой свободы. Невысокое вы имеете представление о природе человека, о чине человека. А хотите сделать каждого человека безгранично свободным и самодержавным властелином. Какая жалкая, пустая претензия! Какое самохвальство! Внутренняя диалектика анархизма убивает его, ведет его к самопожиранию и к самоистреблению. В этой диалектике – рок анархизма. Диалектика анархизма истребляет свободу, истребляет личность, истребляет всякую реальность. Анархизм несет смерть, а не жизнь и не воскресение. Пустое бурление анархических страстей есть лишь великое испытание для человеческого духа. На этом пути человек многому негативно научается. Изобличается меоническая ложь всех отрицательных «левых» направлений. Анархизм внутренне скрыт и в либерализме, и в радикализме, и в демократизме, и в социализме. Что могут противопоставить анархизму все эти направления, какие самостоятельные онтологические начала в них есть? Неубедительно всё, что говорят они против анархизма. Анархизм должен придти в конце, как внутренняя кара, как конец всего пути, отпавшего от духовного центра. И, поистине, в анархизме есть какой-то предельный соблазн. Преодолев его, человечество окончательно выйдет к истинной жизни. Пределом анархизма может быть лишь самая страшная деспотия, лишь самодержавие какого-то ложного бога, который восстанет над поднявшимся хаосом.

Появлению этой деспотии будет предшествовать царство хамов, господство неблагородных, понижение духовного типа человека и человечества. Неблагороден тип анархической настроенности. Тип этот отрицает благое рождение, благое происхождение, принадлежность к благому роду. Он не знает никакого рождения и никакого происхождения, он не связывает себя ни с каким родом. Поэтому анархистами так легко делаются все, чувствующие себя отбросами и вместе с тем жаждущие жить с массами и в массах. Люди уединенные и одинокие, непонятые, но сосредоточенные, углубленные, созерцательные, не дорожащие жизнью с массами и в массах не делаются анархистами. Анархизм – один из способов делать карьеру в массах. Этот путь невозможен для благородных. К неопределенному анархизму легко примыкает литературно-художественная богема. Но это не подымает душевного типа анархизма. Ибо в литературно-художественной богеме обычно бывает утерян духовный центр и глубокая связь с истоками жизни. В анархически настроенной богеме нет подбора качеств, нет душевного аристократизма, нет сознания высшего достоинства человека как сына Божьего, нет мужественного духа. Анархическая богема есть пассивная среда, послушная господствующим течениям; она готова исполнять заказы хозяина жизни, она готова поклониться разным богам. И духовная среда, благоприятная для анархизма, всегда бывает развинченной, в ней теряются строгие очертания образа человека. Через соблазн анархизма темные силы, темные духи хотят обезоружить человека в самый ответственный час мировой истории, когда необходим рыцарский закал духа. И это не случайно, в этом есть какой-то внутренний план и внутренний смысл. Хаос хочет опрокинуть космос, являясь в облики добра, в облики духа свободы. И чтобы противостоять обманам и иллюзиям анархизма, необходимы мужество и зрелость духа, необходимы глубина знаний и ясность созерцания. Не творческий дух подымается в анархизме. И подлинное

Письмо одиннадцатое

О войне

Жизнь в этом мире есть борьба. Борьба – дитя греховного раздора, она происходит от неполноты. Но через борьбу преодолевается этот раздор и происходит восполнение жизни. Война – одна из благородных, хотя и ужасных форм борьбы. Война – антинормальна по своей природе, она есть осуществленное противоречие. Во имя жизни ведется война и служит она полноте жизни. И война сеет смерть. Цель войны – мир и объединение. Войны были могущественнейшим средством объединения человечества. Народы братались в кровавых распрях и в столкновениях. С древних времен через войны объединялись человеческие общества в большие исторические тела, в огромные империи; через войны разливались народы по поверхности земли, и этим путем уготовлялись единое человечество и единая всемирная история! И война же была выражением самого кровавого раздора в человечестве, взаимной ненависти народов и жажды истребления. Война есть тьма и свет, ненависть и любовь, животный эгоизм и высшее самопожертвование. Война не может быть только добром или только злом, в ней есть и великое добро, и великое зло. Война – порождение греха и искупление греха. Война говорит о трагизме жизни в этом мире, о невозможности в нём окончательного устройства, спокойствия и бесконечного благоденствия и благополучия. Война наносит самые страшные удары мещанству, мещанскому покою и удовлетворенности. Демон войны всегда увлекал человечество вдаль, отрывал его от мещанской прикованности и ограниченности. Война всего более говорит об иррациональных, демонических силах в человеке, об огне, который всегда может вспыхнуть и сжечь все человеческие интересы. Война есть опытное опровержение рационалистического взгляда на историю. Ибо, поистине, народы должны периодически сходить с ума, чтобы воевать. Между интересами отдельных людей и целых народов и войной существует иррациональная несоизмеримость. Страшные жертвы войны не оправдываются никакими интересами. Эти страшные жертвы требуют сверхразумной санкции, требуют веры в цель и смысл, лежащие за пределами этого эмпирического отрывка земной жизни. Если, по мнению остроумного социолога В. Кидда, разум не может одобрить целей прогресса, не может дать санкции для жертвы индивидуальными интересами во имя далеких интересов социального организма и потому требуется санкция сверхразумная, религиозная, то особенно верно это по отношению к войне. В войне падают жертвой не только отдельный человек, но и целые поколения. Можно ли оправдать такое самопожертвование интересами отдельных людей и целого поколения? Необходимо отречься от своего малого разума, чтобы оправдать такое самопожертвование. Рациональное оправдание войны какими бы то ни было интересами – нелепо и невозможно. Вот почему рационалисты и позитивисты бывают в принципе против войны, они обычно склоняются к пацифизму. Люди же религиозные легче принимают войну с её ужасами и не восстают принципиально против войны, хотя и сознают её зло.

Вы, пацифисты-гуманисты, восстающие против войны и призывающие к вечному миру, вы не верите в высший смысл человеческой жизни, не верите в вечную жизнь. И вас убийство на войне более страшит, чем верующих христиан, принявших в сердце своё заповедь божественной любви. Это понятно, это может удивлять лишь тех, которые не вникают глубже в смысл жизни. Вы очень поверхностно смотрите на жизнь человека и видите лишь отрывок этой жизни на плоскости. И вы хотите, чтобы отрывок этой жизни на плоскости был устроен как можно спокойнее, удовлетвореннее и приятнее. Дальше, выше и глубже для вас уже ничего не существует. Вас страшит физическое убийство так, как не страшит оно христиан, знающих жизнь бесконечную, ибо с физической смертью для вас всё кончается. И вы не задумываетесь над тем, что убийство духовное в тысячу раз страшнее убийства физического. Между тем как мирная жизнь наша наполнена духовным убийством. Без всякой войны убиваем мы ближних наших нашими чувствами и мыслями, пускаем во все стороны человекоубийственные токи, отравляем страшными ядами души людей. Наша мирная жизнь полна ненависти и злобы, и эта ненависть и злоба убивает людей. В Евангелии сказано, что убивающих душу нужно бояться больше, чем убивающих тело. И вот в самые мирные, не воинственные времена идет война, убивающая души, отравляющая и растлевающая души людей. Почему это не пугает вас? Почему это пугает вас менее, чем физические убийства на войне? Всякое убийство по внутренней своей сущности есть убийство духовное, а не физическое. Убийство не есть передвижение атомов материи. Убийство есть акт воли, направленный на

отрицание и истребление человеческого лица. И на войне с более глубокой точки зрения не происходит такого убийства.

Ибо физическое убийство во время войны не направлено на отрицание и истребление человеческого лица. Война не предполагает ненависти к человеческому лицу. На войне не происходит духовного акта убийства человека. Воины – не убийцы. И на лицах воинов не лежит печати убийц. На наших мирных лицах можно чаще увидеть эту печать. Война может сопровождаться убийствами как актами духовной ненависти, направленной на человеческое лицо, и фактически сопровождается такими убийствами, но это не присуще войне и её онтологической природе. Зло нужно искать не в войне, а до войны, в самых мирных по внешнему обличению временах. В эти мирные времена совершаются духовные убийства, накаплиются злоба и ненависть. В войне же жертвенно искупается содеянное зло. В войне берет на себя человек последствия своего пути, несет ответственность, принимает всё, вплоть до смерти. Ибо, поистине, не бесконечная благополучная жизнь на земле является последствием всех этих земных устроений без Бога, во имя своё, а смерть. Война – великая проявительница. В ней проецируется на плоскости то, что происходит в глубине. И совершенные раньше духовные убийства в ней появляются в плане физическом. Война не столько зло сама по себе, сколько связана со злом и является последствием зла более глубинного. И в духовной природе войны есть своё добро. Не случайно великие добродетели человеческого характера выковывались в войнах. С войнами связана выработка мужества, храбрости, самопожертвования, героизма, рыцарства. Рыцарства и рыцарского закала характера не было бы в мире, если бы не было войн. С войнами связано героическое в истории. Я видел лица молодых людей, добровольцами шедших на войну. Они шли в ударные батальоны, почти на верную смерть. Я никогда не забуду их лиц. И я знаю, что война обращена не к низшим только, а и к высшим инстинктам человеческой природы, к инстинктам самопожертвования, любви к родине, она требует бесстрашного отношения к смерти. Не следует забывать, что на войну люди идут умирать, а не только убивать. И потому война, при духовно должном отношении к ней, облагораживает и возвышает человеческую душу. Ваш пессимизм имеет мещанскую природу. Ваш идеал внешнего мира – буржуазный идеал земного благоденствия, под которым будет клочкотать человеческая ненависть и злоба. Для греховного человечества пацифизм есть ложь и неправда, внешний обман. Ваша боязнь физического насилия происходит от неодухотворенного отношения к жизни, от слишком исключительной веры в материальный мир. Но физического насилия не существует как самостоятельной действительности, оно есть лишь выражение духовного состояния человека и мира. Всё материальное имеет лишь символическую, значковую природу. Вы же хотите устранить последствие, оставив причину, уничтожить внешнее выражение, не изменив внутреннего существа. И ещё в пацифизме вашем есть сторона, неблагоприятная для характеристики вашего отношения к жизни. Война говорит о самобытной исторической действительности, она дает мужественное чувство истории. Пацифизм есть отрицание самостоятельности исторической действительности и исторических задач. Пацифизм подчиняет историю отвлеченному морализму или отвлеченному социологизму. Он срывает историю до её духовно-реального конца.

Очень интересна психология войны. В ней следует искать разгадки психологии народных масс, она является самым сильным опровержением рационалистического обоснования общественности. Если вообще нельзя построить общество на разумном общественном договоре, то всего менее можно построить на нём войну. Война всегда имеет иррациональные основы и предполагает покорность человека целям, стоящим выше его постижимых интересов. Воевать нельзя во имя рассудочных, утилитарных, слишком понятных и взвешенных целей. Безумно воевать во имя разумных целей, и в высшем смысле «умно» воевать лишь во имя целей безумных. Это основной парадокс психологии войны. Всякая рационализация войны есть её убиение, всякая попытка сделать слишком понятными цели войны подрывает её пафос. Нельзя воевать за «землю и волю», как нельзя воевать во имя отвлеченной пользы государства, во имя «проливов» и т. д. Хорошо воевать можно лишь во имя безрассудных целей, таинственных, далеких и непонятных целей жизни, по иррациональным инстинктам, без рефлексии и рассуждения, за «веру, царя и отечество», за народные святыни, из любви к родине, превышающей все интересы. Войну нужно брать в её таинственной органичности и оставаться в ней покорными святыням, не переводимым ни на какие интересы. Демократическое требование, чтобы цели войны и смысл войны были понятны всем участникам войны, чтобы война была проведена через всеобщее избирательное право, чтобы каждый солдат свободно и разумно решал, хочет ли он воевать и имеет ли смысл война, есть революционно-рационалистическая нелепость, чудовищное непонимание природы войны и природы войска. Большевики тоже

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

заставляют народ воевать во имя непонятного и безумного, во имя всемирной социальной революции, третьего интернационала и т. п., и потому только они и могут воевать. Массы всегда должны участвовать в войне во имя непонятного, таинственного и иррационального. И чем непонятнее, таинственнее, иррациональнее цель войны, чем больше священного трепета и священной покорности вызывает война, тем лучше организовано и дисциплинировано войско, тем лучше оно воюет. Человеческая масса может быть организована и дисциплинирована лишь иррациональными и непонятными для нее началами, воспринятыми как святыня. Начала слишком близкие и понятные дезорганизуют. Вы пробовали организовать и дисциплинировать русскую армию во время революции на рационально-демократических началах. Вы, безумцы или преступники, вообразили, что армия может существовать без иерархического строя. И вы вынули душу из армии, вы истребили её и направили её воинственную энергию на те цели, на которые влекли её иные стихийные инстинкты, иная иррациональность масс. Гражданская война, социальная война классов оказалась возможной, потому что в ней бушевала иррациональная стихия, её направляли звериные инстинкты. Но рационально-демократическая национальная война была невозможна. В эпоху французской революции армия хорошо и победоносно воевала потому, что она была покорна таинственному инстинкту любви к отечеству, её направляла создающаяся нация. Войну решает и воевать хочет не эмпирический народ, а сверхэмпирическая нация.

Армия есть мистический организм. И хорошо воевать может лишь тот, в ком личность в её отдельности угашена в этом мистическом организме. Не может воевать тот, в ком есть личная рефлексия и личное рассуждение. Лишь таинственное преодоление своей отдельности, своей особи делает возможным принятие ужаса войны. Перед этим ужасом нельзя чувствовать себя отдельной рассуждающей личностью. Вне иерархического соподчинения невозможен никакой акт войны. Иерархическое начало в армии и есть начало, для личности иррациональное. Война есть выражение иррациональности жизни, она громко говорит о невозможности рационализировать жизнь без остатка. Демократизация армии и есть её рационализация, т. е. убиение единой души армии, распадение её на атомы. Рациональная и моральная критика войны предполагает распыление всех таинственных духовных реальностей. Душа масс распадается, атомизируется, когда массы выпадают из покорности таинственным священным целям жизни. И бесконечно выше тот, кто воюет во имя таинственной и священной цели жизни, чем тот, кто воюет во имя цели слишком понятной и близкой. Война, как и все жертвы истории, совершается и во имя Иванов и Петров, покорных и не понимающих цели войны. Масса Иванов и Петров может пережить значение для себя войны лишь бессознательно, в таинственной глубине своей, в смирении своем перед святынями. Весь мировой и исторический процесс со своими жертвами и страданиями совершается для каждого Петра и Ивана, для его вечной судьбы. Но это непостижимо рационалистически и позитивно-эмпирически, это предполагает осуществление целей жизни за пределами земной жизни. Вот почему христианство принимает войну с её ужасами и страданиями. И её с трудом принимают те, которые отрицают бессмертие, для которых всё исчерпывается этой жизнью. Когда погибла вера в высшие реальности, когда всё расплылось, тогда нельзя более воевать, тогда лучше кончать войну.

Войне народов противопоставляете вы войну классов, и все жертвы этой войны представляются вам оправданными. Вас ужасают убийства, совершенные на войне, но вы не боитесь совершать убийства в своих классовых, революционных войнах. Ваши гуманистические декламации прекращаются, когда речь идет о ваших революционных войнах. Когда нация с нацией ведет войну, вы делаетесь кроткими вегетарианцами, вы боитесь крови, вы призываете к братству. Но когда удастся вам превратить борьбу наций в борьбу классов, вы становитесь кровожадными, вы отрицаете не только братство, но и элементарное уважение человека к человеку. В исторических войнах народов никогда не бывает такого отрицания человека, как в революционных войнах классов и партий. Война имеет свою обязательную этику отношения к противнику. Доблестного врага хоронят с воинскими почестями. В революционных классовых войнах всё считают дозволенным, отрицается всякая общечеловеческая этика. С врагом можно обращаться, как с животным. Война не нарушает космического иерархического строя, она соподчинена ему. Нарушает его лишь «гражданская война». Война подобна дуэли. Двум народам тесно жить на свете, они чувствуют себя оскорбленными друг другом, и они грудью встречают друг друга, признавая друг друга достойными борьбы. И война нравственно выше, духовнее социальной борьбы, «гражданской войны», которая не есть война. Война основана на признании реальности целости, общностей, духовных организмов. Социальная борьба, гражданская война отрицает все целости, общности, духовные организмы, она

распыляет их, атомизирует их. Социальная борьба знает лишь общность или противоположность интересов, она не знает общности или противоположности духа. Гражданская война не может не вести к озверению. Не таинственные цели, не исторический рок народов порождает гражданские войны, а цели, для рассудка понятные, цели, связанные с выпадением человека или человеческих групп из организма, с осознанием интересов. Империалистические войны по природе своей всё-таки выше войн социальных. В них есть органическая идея, возвышающаяся над расслоением человеческих интересов, которой люди покорны, в них есть исторический рок народов, побеждающий ограниченность человеческого кругозора. Империалистические войны с древних времен имели своей целью универсальное единство. Через великие войны смешивались и соединялись расы, племена, национальности, объединялось человечество на поверхности земного шара. Война не отрицает реального единства, рожденного не из интересов, а из самих недр бытия. Но она говорит об иррациональной и антиномической жизни в иерархически реальных единствах.

Ложна та философия и та мораль войны, для которой война враждующих народов есть борьба Ормузда и Аримана, света и тьмы, добра и зла. Никогда в войне свет и правда не могут быть исключительно на одной стороне, а зло и тьма на другой. Такое элементарное морализирование над войной упрощенно переносит на историческую действительность категории личной морали и, в конце концов, ведет к аморальным последствиям. Когда народ мой воюет с вражеским народом, то нравственно предосудительным самохвальством было бы представлять себе свой народ перлом совершенства, вражеский же народ рисовать себе черным злодеем. В борьбе народов должно иметь свою «идею» и желать как можно сильнее отпечатлеть эту идею на мировой жизни. «Идея» моего народа не есть единственная, имеющая право на существование. У других народов есть другие «идеи», и они имеют своё оправдание. Происходит соревнование таких «идей», как бы естественный подбор могущественнейших идей. И Бог предоставляет народам своим свободу такого соревнования. В борьбу за свою «идею» народ вкладывает совокупность своих духовных сил. В столкновении народов моральная правота на одной стороне может быть относительной. Война не есть борьба за моральную правду и справедливость. Трудно даже понять, где справедливость в великом историческом столкновении народов. Почему справедливо, чтобы греки победили персов или персы греков, римляне галлов или галлы римлян, Наполеон весь мир или весь мир Наполеона? Почему может быть справедливо усиление одних империй или разрушение других? Справедливо ли разрушить турецкую империю или сохранить её? Все эти вопросы неразрешимы, потому что неверно поставлены. Война есть борьба не за справедливость, а за онтологическую силу наций и государств. Тут скорее уместен критерий биологический, чем этический. Можно видеть правду в победе духовно и материально сильных и жизненных наций, находящихся в периоде расцвета, над нациями слабыми, разлагающимися и отцветающими. В войне происходит состязание духов народных, испытание их сил. Война есть борьба за осуществление своего назначения в мире. Народ, почувствовавший себя избранным, движимый демоном призвания, не может остановиться в пути своем. Но его ждет имманентная кара, если на пути своем он принужден совершать слишком большие насилия, если несет в мир слишком много горя и страданий.

Войны бывают очень разнокачественные по своему характеру. Бывают войны более или менее равных по своей силе и по своей культуре народов. В этом случае происходит напряженное соревнование и состязание, которые должны решить, кому должно принадлежать преобладание в мире, чей дух будет ближе запечатлен на дальнейшей истории. Бывают войны народов могущественных и высококультурных против слабейших и малокультурных. В этом случае целью войны может ставиться колонизация, насаждение и распространение более высокой культуры. Первый тип войны представляет осуществление империалистических задач. Бывают войны народов угнетенных за своё освобождение, внешне более слабых, но внутренне ещё сохранивших свою духовную силу. Эти войны имеют своей целью не осуществление универсального единства, а отстаивание индивидуализации. Они не могут осуществляться самими слабыми и малыми нациями, в них принимают участие более могущественные нации, которые берут под свою защиту более слабых во имя своих мировых задач. Наконец, бывают войны, в которых сильные, варварские, некультурные народы заливают и порабащают народы высшей культуры, но уже дряхлеющей и изнеженной, подточенной внутренней нравственной болезнью. Таковы были в своё время нашествия мира германского на Рим и мира мусульманского на Византию. Эти нашествия могут носить очень дикий и разрушительный характер. И всё же имеют они какой-то внутренний смысл, скрытый от нашего поверхностного взора. Культурной Европе могут ещё грозить воинственные нашествия мира

монгольского. Но какой бы характер ни носила война, она является показателем напряженного динамизма истории. Пацифизм же приводит к статическому взгляду на историю. Ваши пошлые революционно-демократические формулы, отрицающие «аннексии», и означают отрицание динамизма истории, неосмысленное и неосуществимое требование останова истории, победы статики над динамикой. Динамика истории есть сложный ряд аннексий. К этим аннексиям на протяжении всего исторического процесса очень трудно было бы применить категорию справедливости. Справедливость – статическая, а не динамическая категория. Она требует мирового экилибра (равновесия), а не динамического процесса, всегда протекающего в трагических столкновениях и муках. Динамический процесс истории есть столкновение и взаимодействие рас, племен и национальностей, их усиление и ослабление, их передвижение по поверхности земного шара, присвоение или утрата ими земель, перераспределение их роли и места на земле. Нет такой статики в земном существовании народов, которая на веки веков определила бы справедливые границы для них. Самые устойчивые и закреплённые места на земле приобретены путем динамики. И аннексии прошлого, которые мы воспринимаем в кристаллизованных результатах, не более справедливы, чем направленные против них аннексии будущего.

История ещё не окончилась. Динамизм истории не ослабевает, а усиливается. Мир не приближается к земному благоденствию, к земному раю, к идиллии вечного мира. Всё принуждает нас думать, что мир идет к страшной борьбе, ко всё новым столкновениям исторических сил, к новым испытаниям мужества духа, рыцарского закала духа. Поверхность земного шара ещё не устроена. Ещё много исторических задач остались неразрешенными. Восточный вопрос неразрешим мирно. Вы же хотите обессилить и ослабить внутренние народы ко времени страшной борьбы, когда силы их духа будут подвергнуты страшным испытаниям. Демократическое и социалистическое отрицание войны в принципе есть очень хитрое обезоружение христианских народов, разоружение старых армий для образования новой интернациональной армии земного царства. Социалистический дух интернационализма подменяет христианский дух вселенскости. И христианство желает мира всему миру и братства народов. Но оно хочет, чтобы это был подлинный внутренний мир и подлинное внутреннее братство. В христианском мире и христианском братстве будет побеждено зло. В вашем же мире и в вашем братстве зло навеки остается непобежденным. Ваш пацифизм есть отрицание зла, нежелание знать зло, желание устроиться со злом так, как будто бы зла нет. И потому, никогда вы не достигнете ни всемирного братства, ни вечного мира. Пацифизм ваш окончательно истребляет рыцарские начала, рыцарски-воинствующую борьбу со злом.

Ваша идея вечного мира народов – буржуазная идея. Вы хотите внешнего спокойствия и благополучия, не искупив греха, не победив внутреннего зла. Вы хотите продолжать совершать духовные убийства, отстраняя от себя внешние их последствия, не испытывая ужасов физического убийства. Вы хотели бы притвориться, что народы замиренны, что злая вражда в них побеждена. Вы хотите создать внешнее обличье братства народов, без той внутренней любви, которая только и могла бы его создать. Вы хотите идти от внешнего к внутреннему и по пути совсем забываете о внутреннем. Истинный же путь есть путь от внутреннего к внешнему. Ищите Царства Божьего, и всё остальное приложится вам. Вы же думаете, что Царство Божье приложится ко всему остальному. Вот почему вы никогда не придёте к братству людей и народов. Братство нельзя создать на началах экономических и юридических, оно не вытекает ни из каких интересов и не может быть гарантировано никаким правом. Оно есть царство Духа. Истинный, онтологически реальный мир должен быть космическим миром, и истинное, онтологически-реальное братство должно быть космическим братством. Война ведётся не только на ограниченных пространствах земли, не только в плане физическом. Она ведётся во всех планах бытия, во всех иерархиях, она ведётся и на небесах. В высших иерархиях ангелы Божьи воюют с ангелами сатаны. Но орудия их войны более тонки и эфирны. Взор ясновидящего повсюду в мироздании, в самых глубоких и самых далеких его пластах должен обнаружить войну. Видимая материальная война есть лишь выявление невидимой духовной войны. И как плоски, как жалки по сравнению с этой подлинной жизнью мира все выдуманные вами интернационалы, вечные миры и т. п.

Христианские апокалиптические пророчества не говорят нам о том, что под конец не будет войн, будет мир и благоденствие. Наоборот, пророчества эти говорят о том, что под конец будут страшные войны. Апокалиптическое чувство истории противоречит вечному миру. Все утопии земного рая, мира и благоденствия на земле разбиваются об апокалипсис. Апокалиптическое чувство истории – трагично. Оно

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

научает нас той суровой истине, что в мире возрастает не только добро, но и зло, что самая страшная борьба ещё впереди. Впереди, в плане духовном, предстоит ещё самая страшная война, война царства антихриста с царством Христовым. Война Христа и антихриста, верных Христу и соблазненных антихристом и будет последней войной. Эта страшная духовная война будет иметь и свои материальные явления. Война была в самом истоке человеческой культуры. Она была могущественным двигателем культуры. Война идет и в самом конце человеческой культуры, на самой её вершине. Буржуазный и социалистический «вечный» мир не предотвратит этой последней войны и войн, предшествующих этой последней войне. Предстоит ещё столкновение мира арийско-христианского с монгольским Востоком. Апокалиптическая война переведет материальное столкновение в план духовный. И она бросает обратный свет на всё прошлое человечества, на духовную подкладку всей материальной борьбы. Внешний, экономически и юридически обусловленный мир прикрывает духовную глубину жизни, скрытый в ней огонь. Но прикрытие это не может быть вечным.

В пацифизме, гуманитарно-демократическом и интернационально-социалистическом, есть лицемерие, желание избежать последствий зла, а не самого зла. Война – антиномична по своей природе, и она сопротивляется всем гладким рационалистическим учениям. Глубоко антиномична война и для христианского сознания. Война вызывает трагический конфликт в душе христианина. Не добро и зло, не правда и ложь сталкиваются в этом конфликте, а два добра, две правды. Вам незнакома эта трагедия. Вы хотите знать лишь столкновение отвлеченного добра с отвлеченным злом. Но бесконечно сложнее и запутаннее жизнь человека. Трагедия человеческой жизни коренится в столкновении ценностей разного порядка, в неизбежности свободного выбора между двумя одинаково дорогими ценностями и правдами. Отечество есть непререкаемая ценность, и патриотизм есть высокое состояние духа. Но любовь к отечеству может столкнуться с любовью к другим, столь же несомненным ценностям, например с любовью к человеку и человечеству, к высокой культуре, к духовному творчеству и т. п. И войну можно принять лишь трагически. Греховно только желать войны и упиваться войной. Это – безбожно. Нужно желать и мира, нужно чувствовать скорбь и ужас войны. Любовь должна победить зло и раздор. Но любовь действует и на войне, преломленная в темной стихии. По учению Я. Беме, Божественная любовь, преломленная во тьме, превращается в гнев. То же происходит в стихии войны. В этом правда войны. Но война есть смешанная действительность, в ней действуют и другие начала, и начала злой ненависти и злой корысти. И потому не может она не вызывать скорби. Война ставит человека лицом к лицу со смертью, и это прикосновение к тайне смерти человека углубляет человека.

Но война может внутренне разлагаться и вырождаться, она может терять свою идею и свой смысл. Это и произошло с мировой войной нашего времени после катастрофы с Россией. Мировая война не разрешила никаких задач и кончилась дурным миром. Внутренне война продолжается. У наших союзников не было положительной идеи войны, сознания миссии, связанной с этой войной. Союзническая идеология была гуманитарно-пацифистская, руководящей идеей тут была идея масонская. Но масонство, в конце концов, хочет ослабить все нации, лишить их индивидуального характера, подменить Церковь Христову ложной гуманистической лжецерковью, конкретное всеединство человечества – абстрактным единством. Старая христианская Европа погибает от вражды, от продолжающейся внутренней войны Франции и Германии. Германия облагорожена поражением и заслуживает иного отношения, чем то, которое было к ней во время войны. Силы, враждебные христианству, разложили войну и лишили её внутреннего смысла. Тогда вступает в свои права правда мира. Бывают периоды в истории, когда война становится безусловным злом, когда здоровый духовно-религиозный инстинкт должен требовать мира для всего мира. И если тогда мира не будет в Европе, то Европе грозит гибель, грозит торжество монгольского Востока. Но нельзя обольщать себя оптимистическими надеждами. Духовный раздор Европы дает основания для пессимистических предчувствий.

Письмо двенадцатое

О хозяйстве

Наша историческая эпоха окрашена в цвет экономизма. На всем лежит печать экономизма, экономизм придавил высшую жизнь. Никогда ещё не сознавалось так значение хозяйства в человеческой жизни, никогда ещё человек не ощущал такой

зависимости от экономики, никогда ещё не ставилась так высоко экономическая производительность и не превращалась в столь самодовлеющую цель. Не случайно в нашу эпоху была создана теория экономического материализма. Эта теория лишь отражала состояние европейского общества. Духовная жизнь человека попала в рабство к жизни материальной. И это явление действительности пассивно отразилось в мышлении как теория экономического материализма, для которой вся духовная жизнь есть лишь надстройка над экономикой. «Идеологические надстройки», которые ныне изобличают экономические материалисты и социалисты, и были признаком благородства человеческого духа, потребности в священной санкции жизни. Эти благородные «надстройки» начали изобличать и материалистически объяснять, когда произошло низкое возобладание материальной жизни над духовной. Не случайно, с противоположного полюса духа, в наше время, христианский мыслитель С. Н. Булгаков создал своеобразную хозяйственную религиозную философию в своей «Философии хозяйства» и в ней провозгласил софийность хозяйства. Многие идеологические течения нашего времени определены гнетущим влиянием экономизма. И более глубокие из этих течений готовы увидеть в экономике почти метафизическое глубинное начало бытия. И Л. Толстой всегда был рабом хозяйственности и всему своему христианству придал хозяйственный характер. Хозяйственность есть и в «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова. Никогда ещё ужас перед нуждой, перед необеспеченностью жизни не достигал таких подавляющих размеров. Никогда ещё человек не чувствовал такой тесноты и сдавленности со всех сторон, такой покинутости на произвол судьбы. Гнет экономизма явился результатом потери всякой священной санкции хозяйственной жизни. Что-то страшно обострилось в человеческой жизни за XIX и XX век. Всё труднее и труднее становится человеческая жизнь. От экстенсивного труда человек переходит к интенсивному труду, от экстенсивного душевного типа к интенсивному душевному типу. Ни в чем уже нет шири для человека, всё сдавлено. Тесно человеку на земле. Рост народонаселения и рост потребностей приковали человека к экономике. Вхождение машины в человеческую жизнь было одной из самых радикальных революций человеческой истории, потрясшей все вековые основы человеческого быта. Изменился ритм человеческой жизни. Всё более и более теряется ритм, общий с ритмом природы. Человеческая жизнь делается всё менее и менее природной, естественной. Человек проходит через расщепление и дисгармонию. Что такое нужда, определяющая власть экономики в человеческой жизни? Нужда есть выражение некосмического состояния мира. Окончательное преодоление нужды предполагает наступление космической гармонии, преодоления материального состояния мира, которое означает некосмическое, разодранное и скованное его состояние. Существование законов материальной природы, жизнь в нашем физическом теле, связывающая нас с физическим телом всего мира, предполагает несовершенное, ущербное, нуждающееся состояние человека и человечества. Безумны те из вас, которые думают достигнуть социального рая и блаженства, совершенной свободы и неведения зла и страдания, оставаясь в физическом теле, оставаясь подданными царства материальной природы и её законов. Это природное материальное царство требует от человека хозяйственности, хозяйственного труда, хозяйственной заботы. Евангельские слова о беззаботности птиц небесных и лилий полевых обращены к внутреннему, духовному человеку, но совершенно неприменимы к внешнему плану жизни, не переводимы прямо на него.

Вы, социалисты, выдумали, что нужда есть порождение неравенства и что нужда прекратится, когда будет установлено царство равенства. С хозяйственной точки зрения, это одно из самых нелепых рассуждений, какие можно себе представить. На эту тему декламируют социалисты в угаре революционных страстей, в плане агитации. Но в плане познания, в более спокойном состоянии мышления этого не утверждают даже и более вдумчивые социалисты. Прежде всего, у самого Маркса можно найти опровержение того лжеморалистического положения, что всё зло происходит от неравенства. С хозяйственной точки зрения неравенство было не только необходимо, но и благостно. Благодаря неравенству был возможен максимум достижений в хозяйственной жизни, максимум преодоления нужды. Не неравенство создает нужду, а нужда создает неравенство, как спасительное приспособление, как выход, предотвращающий хозяйственное и культурное понижение и гибель. Это подтверждает ход русской революции. Неравенство есть могущественнейшее орудие развития производительных сил. Уравнение в бедности, в нищете сделало бы невозможным развитие производительных сил. Неравенство есть условие всякого творческого процесса, всякой созидательной инициативы, всякого подбора элементов, более годных для производства. Неравенство создает социальную обстановку, в которой могут жить и удовлетворять свои потребности народы и при невысоком развитии производительных сил. Ваше социалистическое отношение к неравенству и разделению труда есть совершенно некритическое смешение категорий экономических с категориями моральными. И лишь в силу этого смешения

отождествляете вы социальное неравенство с эксплуатацией чужого труда, формы труда с нравственными преступлениями. Поистине, существует эксплуатация чужого труда и нравственно преступное отношение классов имущих к классам неимущим. Но это суждение принципиально иного порядка, чем суждение об организации хозяйственной жизни. Вы гордитесь Марксом как самым объективным и научным умом, для которого познание не было ничем субъективным замутнено. Но вся теория прибавочной ценности у Маркса была основана на смешении экономических и моральных категорий, замутнении объективного субъективным. Теория прибавочной ценности и сделалась источником субъективно-морального пафоса революционного социализма. Если более чем сомнительны научные качества теории трудовой ценности и она уже была смешением разных категорий, то та дедукция, которую сделал из нее Маркс в своем учении о прибавочной ценности, превратилась в декламацию революционной морали против злодеев-эксплуататоров. Это субъективно-моралистическое, революционно-классовое учение находится в разительном противоречии с другой стороной учения Маркса, в которой признается объективное преобладание в хозяйстве момента производительного над моментом распределительным и потребительным. Если форма распределения, если социальная структура общества определяется формами производства, необходимой на данной ступени развития организацией производства, то падают все пошлые декламации о неравенстве и эксплуатации как источниках всех зол и бедствий. И самое рабство может быть признано для своего времени относительным благом в организации хозяйства.

Хозяйственная задача, стоящая перед человеком, есть прежде всего задача овладения природой и регуляции её стихийных разрушительных сил. С этой точки зрения и социализм может быть оправдан лишь как известная форма организации производства, регуляции стихийных сил. И марксизм ведь оправдывает социализм, прежде всего, как организацию производства, повышающую производительность труда на известной ступени развития. Социализм, который понизил бы производительность труда и мешал бы развитию производительных сил, был бы реакционным. Таков русский социализм, хотя бы он и связывал себя с марксизмом. Он ведет к бедности и нищете, он истребляет материальные ценности. Рост производительности, овладение стихийными силами природы есть необходимое условие победы над нуждой, бедностью и голодом в плане материальном. Неисполнение этого основного условия, этой заповеди производительности труда и ожидание социального благополучия есть требование социального чуда, есть вымогательство чуда теми, которые чудес не признают и духовно недостойны их. В вашей социальной настроенности всегда преобладают идеалы потребления над идеалами производства. У вас потребительское, а не производительское отношение к жизни, и вы хотели окончательно укрепить такое отношение в рабочем классе, отрицая долг труда и духовную дисциплину труда. Вы представляете себе социальный рай как максимум потребления и минимум производства. И вы хотели бы совершенно уничтожить тот класс людей, который заинтересован в усилении производительности, в производственной инициативе и производственном плане. Ваш потребительский идеал жизни – предельно мещанский идеал. В нём нет никаких творческих задач. «Сознательный» социалистический рабочий – прежде всего хочет быть потребителем и ведет борьбу за интересы потребления, а не интересы производства, «сознательность» освобождает его от всех обязанностей и внушает ему бесконечную притязательность. «Буржуа» может быть в тысячу раз более всякого рабочего поглощен самыми звериными интересами потребления, но в этом нет никакого «идеала» – это просто низкое, греховное и преступное состояние человека, скотоподобное существование, вообще преобладающее над существованием человекоподобным. «Сознательный» же рабочий имеет идеал земного потребительского рая и этим отличается от рабочего-обывателя, от всякого обывателя, с его нуждами, горестями и законными мечтами о лучшей жизни. Потребительские социалистические идеалы разрушают хозяйство, мешают человеку овладеть силами природы. Максимальное народное богатство и преодоление нужды достигается тогда, когда целое ставится выше части, когда целью ставится не потребительское благо и удовлетворение людей, а благо и ценность государства, нации, культуры. Этим не исключается то, что интересами государства, нации и культуры могут лицемерно прикрываться интересы классов и отдельных людей.

Но потребительский социальный идеал ведет к нищете.

Хозяйственная, материальная жизнь не может быть противоположаема жизни духовной, не может быть от нее совершенно отвлечена и оторвана. Дуалистическая социология, разрывающая дух и материю в жизни социальной, – ошибочна и иллюзорна. Вся материальная жизнь есть лишь внутреннее явление жизни духовной и в ней

коренится. Частичная правда экономического материализма может быть перевернута и с более глубокой точки зрения, материальная жизнь может быть понята как производная от жизни духовной. Значение духовной дисциплины личности и народа для жизни хозяйственной огромно. Дисциплина труда, организация труда и производительность труда зависят от духовных факторов. В конце концов, дух побеждает природу и овладевает стихийными силами природы. Хозяйство, как претворение природных сил, как их организация и регуляция, есть акт человеческого духа. И от качеств духа зависит характер хозяйства. Хозяйство не есть явление мертвой, материальной природы, оно насквозь пропитано духовными энергиями человека и предполагает общение между человеком и природой, их взаимопроникновение. Труд есть явление духа, а не материи, он имеет духовные основы. Рост материальных производительных сил предполагает целесообразную энергию, творческую инициативу человека в отношении к природе. И материальное потребление не может быть единственной целью хозяйства. Им движет и созидательный инстинкт человека. Социальный организм не может быть дуалистически разорван, и нельзя в нём материальную сторону мыслить отвлеченно. Такое отвлечение материальной жизни и обездушивание её порождает целый ряд болезненных явлений. На этой почве происходит и непомерное преувеличение значения народного хозяйства, господство экономики над всей жизнью, и непомерное пренебрежение к хозяйству, третирующее его как чего-то низменного и недостойного. И в том и в другом случае хозяйство делается давящей бездушной силой. Забывают, что хозяйство есть обнаружение силы человеческого духа и что через него осуществляется миссия царственного призвания человека в природе. Хозяйственная жизнь не может быть ни господствующей, ни самодовлеющей. Она должна быть подчинена высшим началам жизни. Тогда лишь хозяйство осуществляет свою миссию регулирования стихийной природы. Хозяйство не допускает смертоносного торжества стихийных сил, оно ограничивает власть смерти в природном порядке. В хозяйственном акте есть мистериозная сторона, которая мало сознается в наш секуляризованный век. Добывание из природы хозяйственных благ есть духовное действие, в котором недра природы раскрываются для приходящего владеть ею мужа.

Но дух человеческий по-разному может быть в рабстве у материальной жизни, у им же создаваемого хозяйства. Дух человеческий может быть в рабской зависимости не только от природной среды, но и от социальной среды. Капитализм и социализм представляют отвлеченные начала, которым не соответствует никакая простая действительность. В действительности не существует и не может существовать в чистом виде никакого капитализма и социализма. Но эти два начала можно мыслить как две формы рабства человеческого духа у экономики, у им же создаваемого хозяйства. В чудовищном капиталистическом хозяйстве дух человеческий вызывает и развивает силы, которые им же овладевают и порабащают его. Человек не может справиться не только с стихийными силами природы, но и с стихийными силами хозяйства, которые живут и действуют по собственному закону. Духовный центр утрачивается, и происходит смещение иерархических ступеней жизни. Тогда на смену капитализму приходит социализм со своими притязаниями урегулировать стихийные силы хозяйства, рационализировать хозяйственный хаос. И человеческий дух попадает в новую форму рабства. Мы уже видели, что несет с собой в мир социализм. В пределе своем он окончательно должен истребить человека. Регуляцию стихийных сил хозяйства социализм хочет купить ценою обобществления человека без остатка, превращения его в экономическую категорию. Но процесс этот начался ещё в капитализме. И противопоставить рабству капиталистическому и рабству социалистическому можно лишь внутреннюю свободу духа от гнета материальной жизни. Хозяйство изнутри полагается как явление и средство духовной жизни. И можно установить два духовных отношения к хозяйству: оно может быть основано на труде подзаконном и освещено правдой ветхозаветной и может быть основано на труде творческом и освещено новым религиозным светом.

Поистине, революционный переворот, не в поверхностном, а в более глубоком смысле слова, произвела в хозяйстве машина. И проблема машины принадлежит к глубоким метафизическим проблемам. Многих благородных мыслителей XIX века ужасало победное шествие машины, и они чувствовали глубокую противоположность между машиной и духом, видели в её завоеваниях материализацию и механизацию духовной жизни, угашение духа. Так чувствовали и многие русские писатели и мыслители, из самых лучших. Я не вполне разделяю этот взгляд и думаю, что он не идет в самую глубь вопроса. Хотя и я чувствую опасности, связанные с властью машин, и испытываю смертельную тоску от их дыма и шума. Поистине, машина есть как бы распятие органической природы. Она разрушает органический ритм нашей природной жизни, она разрывает всякую органическую целостность. Механизация нашей жизни и есть прохождение через расщепление, выход из первоначальной целостности родовой

жизни, в которой дух и материя связаны неразрывно, в которой дух пребывает и ещё в самых недрах органической материи. Хозяйственные победы человека над природой должны вести к отрыву человека от природы, к расщеплению целостности и раздвоению. Человек выходит из недр природы, из её стихий и хочет быть господином природы, хочет владеть природными стихиями. И природа отходит от человека, она морщится и иссыхает вокруг него. Победное явление машины и есть самый важный момент борьбы человека с природой. Машина косит всё живое в природе. Она несет смерть животным и растениям. Повсюду, где распространяется власть машины, отцветают цветы. Машина должна разрушить одно из самых совершенных явлений органической природы – человеческое тело, она должна заменить тело. В победном шествии своем машина несет гибель античной красоте. Это явственно видно на футуризме, который есть рабское отражение механизации жизни. Гордая мечта человека о власти над природой ведет к уродству, к смерти красоты, к разрушению цветущей жизни. Вы допустили какую-то неправду в самой постановке задачи овладения природой и властвования над ней. Вы разобщены с душой природы. Вы хотите не брачно владеть природой, владеть не соединяясь, а разобщаясь с ней. И потому горьки и некрасивы плоды вашей власти над природой.

Но ошибочно было бы думать, что машина убивает дух. Не дух, а органическую материю, плоть мира убивает машина. Она несет с собой смерть не духовной жизни, по существу неистребимой, а органическому жизненному укладу, родовому быту. Вхождение машины в нашу жизнь вызывает у многих благородных душ романтическую тоску по утерянной цельности и органичности, по старому бытовому укладу. Но этой щемящей романтической тоской прошлого не вернешь. Духовная жизнь человека на иных путях должна искать цельности и красоты. Победа машины и произведенные ею опустошения вызывали вражду к цивилизации, изобличение её лжи и неправды, идеализацию варварства, мучительные потуги вернуться к первобытной цельности. Но в этой направленности духа чувствуется бессилие и бесплодность. И для того, чтобы дух почувствовал себя легче и свободнее, необходимо понять двойственный и антиномический характер появления машины в мире. Машина не только угнетает дух человеческий, но и освобождает его, она как бы железными клещами высвобождает его из органической материи, в которой он сначала дремал, а потом стал пробуждаться. Машина порождает расщепление и раздвоение, которые очень усложняют нашу духовную жизнь и делают возможными тончайшие её явления. Первоначальная органическая целостность груба, утонченно лишь романтическое отношение к этой органической целостности в эпоху, когда она разрушена. Первоначальная органическая целостность – бедна познанием. Познание обострено и углублено, когда прошел уже человек через расщепление и раздвоение. И более глубокое отношение к машине не так прямолинейно и просто, как это представляется романтикам прошлого. Мир должен пройти через торжество машины, и дух человеческий должен устоять в этом процессе, должен окончательно освободиться и прийти к высшей цельности. Хозяйство не может развиваться без машины. Нельзя отрицать машину во имя более отсталых форм хозяйства. И отрицание машины есть отрицание хозяйственного процесса, есть возврат человека к первоначальной, рабской зависимости от стихийных сил природы. Народнический идиллизм и утопизм, в конце концов, утверждает рабскую зависимость человеческого духа от материальной природной и социальной среды, так как отрицает, что дух может сохранить свободу и при переходе к более сложным формам хозяйства. Так дух человеческий ставится в исключительную зависимость от бытового уклада, от отсталых форм хозяйствования. В этом отношении марксизм более прав, чем народничество. В машине есть и начало темной магии. За современной техникой скрыта та же психология, которая была у черных магов, та же корыстная жажда власти над природными силами с помощью внешних средств. Но через технику раскрывается возможность и более светлой магии, основанной на большей любви к внутреннему существу природы. На историческую роль машины нужно смотреть диалектически, о ней нельзя сказать просто «да» или «нет».

Цели и смысл хозяйственной жизни лежат глубже и дальше, чем это представляется обычному хозяйственному сознанию. Эти цели и этот смысл могут быть осознаны лишь в сознании, выходящем за пределы хозяйства. Хозяйственный акт должен победить тяжесть и скованность материального мира, должен овладеть хаотическими стихиями. Но победа над хаотическими стихиями природы и овладение человеком давящей его материальностью не может ограничиться небольшой частью природы, окружающей человека на земле. Наше планетное хозяйство окружено со всех сторон опасностями, оно подвержено воздействию космических сил. Наша агрикультура находится во власти космических сил, и мало ещё сделано для регуляции тех стихийных сил, которыми она окружена. Перед человеком стоит задача создания космического

хозяйства. Космическое хозяйство не есть утопия райского блаженства, перенесенная с нашей земной планеты на небесные пространства. Само задание космического хозяйства определяется истинно реалистическим, не отвлеченным отношением к природе. Человек всё ещё недостаточно сознает глубину своей связи с космической жизнью. Некогда он непосредственно чувствовал глубину этой связи и ощущал себя пребывающим в самых недрах космической жизни. Потом освободился человек от власти демонов природы, ушел от Великого Пана и начал чувствовать природу далеким себе и давящим механизмом. Сознание же новой связи и общности человека с космосом было лишь достоянием немногих. Человек не вошел ещё вглубь природы, для того чтобы владеть и управлять стихиями, а не быть в их власти и не управляться ими. Человек остался на поверхности природы и на поверхности ведет своё хозяйство. На поверхности много фикций представилось ему и много фикций им создано. Много фиктивного, не подлинно реального есть и в технической власти современного человека над природой, которой он так гордится. Всё ваше техническое могущество, все ваши социальные регуляции не идут вглубь природной жизни. Как жалко всё ваше техническое могущество и как умеренны все ваши утопии по сравнению с «проектом» Н. Ф. Федорова, раскрываемым в его «Философии общего дела». Н. Федоров ставит дерзновенную задачу создания космического хозяйства, регуляции всей природы, победы над смертоносными её силами. Н. Федоров выявляет пределы хозяйственной задачи человека. Поистине, хозяйство должно быть победой жизни над смертью. Но кто из вас думал над тем, что хозяйство должно победить смертоносные силы, что в нём должна обнаружиться сила воскрешающая? Ваша техника и ваш социализм узаконяют смерть, покорны закону смерти и не хотят воскресения. Для того, чтобы дело жизни победило дело смерти, необходим ключ к раскрытию космической жизни, в которой всё неразрывно связано и ничто не может быть отделено и изолировано без смертоносных последствий.

Маги всех времен искали ключа к тайнам космической жизни и хотели насильственно вырвать у природы её секреты, оставаясь далекими и чуждыми самой душе природы. Черные маги были насильниками и властолюбцами. Но некоторые секреты внутренней жизни природы им всё-таки удалось узнать. Вся наша позитивная наука и техника имеет большую связь с магией, чем это представляется вашему сознанию. Вы забыли своё происхождение и своё родство. Техника и есть современная магия. Она хочет насильственно узнать секрет природы и властвовать над природой для корыстных человеческих целей, оставаясь чуждой внутренней жизни природы. И техника должна, в конце концов, переродиться в магию, обнаружить свою истинную природу. В технике есть элемент черной магии, и она освобождает силы, действие которых ещё неизвестно и не так безопасно, как это кажется. Элемент черной магии есть и в современном капиталистическом хозяйстве. Так, власть денег над жизнью, поистине страшная власть, есть форма черной магии. Деньги оторвались от всякой онтологической основы, в них нет подлинного бытия, они ведут фиктивное призрачное существование. И в них есть магия власти и могущества. Задача создания космического хозяйства, победы над смертоносными стихиями природы и регуляции этих стихий – магическая задача, она не может быть лишь задачей позитивно-технической. Но магия может быть также и светлой. Темная магия окончательно поработает человека. Светлая магия, подчиненная началам религиозным, освободит человека. Расширение и углубление хозяйственной проблемы есть и в книге Булгакова «Философия хозяйства». В ней религиозно осмысливается хозяйство. Но сама религия получает слишком хозяйственный характер. Булгаков признает хозяйство софийным. Этим он хочет связать его с душой мира. Книга Булгакова – симптом углубления проблемы хозяйства, осознания его космического характера. Но есть опасность в таком охозяйствовании Софии – Премудрой Девы, не рождающей и не устроющей. Всё яснее и яснее становится, что победа над социальным злом и нуждой есть космическая задача, – она невыполнима в пределах ограниченной земной общечеловечности. Прав Н. Ф. Федоров, и ему принадлежит последнее слово в том, что вы называете «социальным вопросом»: корень зла не в бедности и нужде, а в смерти; бедность и нужда – производное от смерти, «социальный вопрос» в мировом смысле разрешим лишь путем победы над смертоносными силами. Одни экономические средства тут не помогут. На вашей поверхности жизни, в ваших сдавленных перспективах разрешимы лишь социальные вопросы, а не мировой социальный вопрос. Социализм, выставивший пустую претензию разрешить мировой социальный вопрос, хочет лишь равномерно распределить власть материи над человеком. Потребительски-распределительный хозяйственный идеал социализма по существу не духовен и антирелигиозен, это рабский идеал.

Совершенное питание с религиозной точки зрения – евхаристическое питание. В евхаристическом питании человек соединяется с космосом во Христе и через Христа. Тогда потребление и творчество совпадают, человек впитывает в себя космическую

Хозяйство есть иерархическая система. Его нельзя мыслить себе атомистически. Оно не может быть ареной борьбы всех против всех. Всякое хозяйство есть организованный труд, есть регуляция стихийных сил. Хозяйство есть взаимодействие рациональных и иррациональных сил. Это верно и по отношению к тому капиталистическому хозяйству, которое социалисты любят называть анархическим. Анархическим капиталистическое хозяйство можно назвать лишь в очень условном и относительном смысле. Зло капиталистического хозяйства связано с духовной жизнью людей этой эпохи, с их религиозным и моральным падением, а не с экономической стороной капитализма самой по себе. Именно потому, что хозяйство есть иерархическая система, а не механизм, слагающийся из атомов, в основе его лежит личность с её качествами и способностями, с её дисциплиной труда. Для хозяйства имеет значение аскетическая дисциплина личности, и известного рода аскетика необходима для хозяйственного труда. При полной распущенности личности разрушается и хозяйство. Революции – не благоприятны для хозяйства. И революционными путями нельзя реформировать и улучшить хозяйство. Не такова природа хозяйственного процесса. Восстания и бунты могут иметь лишь разрушительное влияние на хозяйство. Разрушение дисциплины труда отбрасывает хозяйство назад. Все опыты социальных революций уничтожают свободу лица в хозяйственной жизни. Лицо перестает быть вменяемым и ответственным, оно не имеет ни прав, ни обязанностей. Все хотят возложить на коллективы, образовавшиеся революционным путем из хаоса атомов. Но с свободой хозяйственной жизни, с свободой лица в хозяйственной жизни, с его свободной инициативой связана свобода человека. Утверждение значения личности в хозяйственной жизни не означает непременно экономического индивидуализма. В хозяйственной жизни возможны сложные пути и совместимы разные начала. Но полное подчинение хозяйственной личности общественному коллективу или государству разрушает хозяйство и порабощает личность. Свободное существование личности в материальном мире предполагает свободу хозяйствования, свободные и ответственные акты человека в отношении к материальной природе. Вот почему «социализм» может быть лишь одним из методов организации хозяйственной жизни, и он должен быть лишь средством для обеспечения за лицом свободы хозяйствования. Каждое хозяйственное лицо принадлежит к хозяйственному организму, к хозяйственной иерархии. Но это и значит, что лицо свободно. Органический член иерархии свободен. Порабощен же член коллектива, который не есть иерархический организм и имеет строение однородное, механически смешанное и уравниваемое, в котором есть лишь количество и нет качества. Вы и хотели бы превратить общество человеческое в такой однокачественный и уравниваемый хозяйственный коллектив и поработить ему окончательно человеческое лицо. Хозяйство есть организм разнокачественного, иерархического строения, а не коллектив однокачественного, механически уравниваемого строения. Против этого невозможны никакие революции, желающие заменить организм и личность, сотворенные Богом, коллективом, созданным человеческим производом. Углубление проблемы хозяйства должно связать хозяйственный организм с организмом космическим. Уже идеологи капитализма не хотели видеть в хозяйстве организма, и идеологи социализма лишь продолжали их дело разрушения идеи хозяйственного организма. Поэтому и те и другие враждебны человеческому лицу. Хозяйственный универсализм одинаково должен быть противоположен и капитализму, и социализму.

С принципом органической иерархичности в хозяйственной жизни неразрывно связан принцип частной собственности. Но принцип собственности давно уже обездушен и извращен. Социалисты лишь доканчивают то разрушение духовных основ собственности, которое началось давно. Буржуазно-капиталистическая эпоха уже оторвала собственность от онтологических её корней. Превращение собственности в орудие корысти, наживы и угнетения ближних духовно разрушает собственность и готовит почву для социалистического её отрицания. Социалистическое отношение к собственности и есть предел недохотворенного, морально неоправданного и исключительно потребительски-корыстного отношения к собственности и к предметам материального мира. Социализм обобществляет собственность и все предметы материального мира, потому что он не допускает никакой духовной ценности и никакого нравственного смысла в индивидуальном отношении человеческого лица к предметам материального мира, к природе. Для социалистического сознания все хозяйственные акты совершенно бездушны, не освящены, аморальны, определяются гольми интересами и потому в них не может быть закреплено ничто духовно ценное и нравственно осмысленное. Все вы, социалисты, помешаны на экономике и находитесь в рабстве у экономической действительности, но, в сущности, вы презираете хозяйство и видите в нём лишь предметы для расхищения и раздела. Вы не знаете

Божественного хозяйства, не имеете религиозного оправдания хозяйственного акта. Для вас не существует таинственной стороны хозяйственного действия человека на природу. Вот почему вы с такой легкостью отрицаете собственность. В этом вы плоть от плоти и кровь от крови тех буржуа, которые давно отвергли все святыни и занялись расхищением природы для приятной и благоустроенной жизни. Вы желаете для всех совершить такое расхищение, для всех устроить приятную и благоустроенную жизнь, свободную от всякой тоски и печали по святыням. Хозяйственное отношение к природе без прав и обязанностей собственности для человеческого лица есть циническое отношение к хозяйству и к природе, есть превращение всего материального лишь во временное, быстротечное, корыстное средство и орудие. Это и есть исключительно потребительская идеология, взгляд на весь материальный мир исключительно как на средство удовлетворения потребностей.

Собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное. Она предполагает не только потребление материальных благ, но и более устойчивую и преемственную духовную жизнь личности в семье и роде. Начало собственности связано с метафизической природой личности, с её внутренним правом совершать акты, преодолевающие быстротечное время. Собственность родилась в борьбе человеческой личности со стихийными силами природы. Свободный дух человека налагает свою волю на стихийную природу, и от этого акта рождаются неотъемлемые права и обязанности. Связь лица с собственностью одухотворяет его отношение к материальной природе, делает его не исключительно потребительским. Начало собственности связано также с отношением к предкам. Собственность есть воплощенная связь отцов и детей. Право отцов передавать свою собственность детям, внукам и правнукам есть обнаружение акта любви и материально ознаменовываемой связи. Такое же проявление акта любви и материально ознаменованной связи есть и в праве передачи собственности всякому любимому и близкому существу. Хозяйственные акты человека по метафизической его природе распространены за пределы эмпирической его жизни, они преодолевают время. Начало собственности связано с бессмертием человеческого лица, с правами его над материальной природой и после его смерти. Коллективизм, отрицающий всякое право собственности, есть рабство личности у стихийных сил природы. Поэтому он свойствен первым ступеням развития человеческого общества. Но он хочет и на вершинах этого развития подчинить человеческое лицо хозяйственной жизни. Он отрицает за человеческим лицом право совершать акты, свидетельствующие о его власти над материальной природой. Частная собственность на землю есть более одухотворенное отношение к земле, чем национализация и социализация земли. Частная собственность на землю делает возможной любовь к земле, к полю и лесу, вот к этому дереву, около которого сидели деды и прадеды, к дому, к воспоминаниям и преданиям, связанным с этой землей и её прежними владельцами, она поддерживает связь времен и поколений. Национализация и социализация земли вызывает исключительно потребительски корыстное отношение к земле, грубо материалистическое, лишенное всякой душевной теплоты, она сделает невозможной интимную связь с прошлым, с предками, убьет предание и воспоминание. Отношение к материальным предметам делается безличным, исключительно утилитарным. Это верно и по отношению ко всякому хозяйственному делу. Более одухотворенное и личное отношение к хозяйственной деятельности предполагает частную собственность, устойчивую перспективу, переходящую за пределы эмпирической жизни людей. Христианское же преодоление всякой собственности и всякого богатства есть уже явление духовной, а не хозяйственной жизни. Христос не отрицал частной собственности в плане материальном, когда он предлагал раздать имение своё бедным, он даже этим утвердил существование собственности. Если совершенно уничтожить собственность хозяйственно-принудительным путем, то для христианского подвига отречения не останется места, он будет не нужен и невозможен. Культ бедности св. Франциска не был отрицанием собственности в объективно-хозяйственном порядке, он даже предполагал существование собственности. В коммунистическом строе св. Франциск невозможен и невозможен никакой культ бедности. Но начало собственности подвержено гниению и разложению. Великие злоупотребления возможны в связи с собственностью. И собственность не может быть признана абсолютным и высшим началом. Она должна быть ограничена и подчинена более высоким началам. Социальное реформирование общества и предполагает такое ограничение собственности и подчинение её иным началам, связанным с космической жизнью. Власть человека над природными стихиями должна иметь онтологическую силу и основу. Мещанское обоготворение собственности и злоупотребление ею в хозяйственной жизни извращает эту онтологическую основу, делает человека рабом призрачных благ и затрудняет подход к образу человека. Это такой же соблазн, как и соблазн коллективизма, который окончательно истребляет образ человека. И отношение человека к производственному хозяйственному процессу

может принимать ложное направление в две противоположные стороны: или отрицается долг хозяйствования, императив производительности, или человек порабощается хозяйству, обоготворяет экономику. Духовное отношение к хозяйству предполагает аскетику, ограничение похоти жизни. Безграничный рост потребностей и рост народонаселения создал индустриально-капиталистическую цивилизацию, которая чревата великими потрясениями и катастрофами и обозначает убыль духа в европейском человечестве. И если народы хотят духовно возродиться, то им придется вступить на путь аскетического самоограничения и одухотворения хозяйственной жизни.

Письмо тринадцатое

О культуре

В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество обществности. Давно уже происходящая в мире демократическая революция не оправдывает себя высокой ценностью и высоким качеством той культуры, которую она несет с собой в мир. От демократизации культура повсюду понижается в своем качестве и в своей ценности. Она делается более дешевой, более доступной, более широко разлитой, более полезной и комфортабельной, но и более плоской, пониженной в своем качестве, некрасивой, лишенной стиля. Культура переходит в цивилизацию. Демократизация неизбежно ведет к цивилизации. Высшие подьемы культуры принадлежат прошлому, а не нашему буржуазно-демократическому веку, который более всего заинтересован уравнивающим процессом. В этом плебейском веке природы творческие и утонченно культурные чувствуют себя более одинокими и непризнанными, чем во все предшествующие века. Никогда ещё не было такого острого конфликта между избранным меньшинством и большинством, между вершинами культуры и средним её уровнем, как в наш буржуазно-демократический век. Ибо в прежние века конфликт этот ослаблялся более органическим складом культуры. Но в культуре, утерявшей «органичность», отступившей от иерархического своего строения, в культуре по своему строению «критической» этот конфликт становится невыносимо мучительным. Он вызывает невыразимую печаль лучших людей нашей эпохи. Вам, людям демократического духа, незнакома эта печаль и непонятно это зловещее чувство одиночества в современной культуре. Для вас культура – лишь средство вашей политики и экономики, лишь орудие благоденствия, лишь культура для народа. Вы не в силах преодолеть своего исконного утилитаризма. И сколько бы вы ни пробовали украшать себя культурой, слишком видно и ясно, что никаких ценностей культуры для вас не существует. Вам нужна цивилизация, как орудие вашего земного царства, но культура вам не нужна. Культура и цивилизация – не одно и то же. Культура родилась из культа. Истоки её – сакральны. Вокруг храма зачалась она и в органический свой период была связана с жизнью религиозной. Так было в великих древних культурах, в культуре греческой, в культуре средневековой, в культуре раннего Возрождения. Культура – благородного происхождения. Ей переданся иерархический характер культа. Культура имеет религиозные основы. Это нужно считать установленным и с самой позитивно-научной точки зрения. Культура – символична по своей природе. Символизм свой она получила от культовой символики. В культуре не реалистически, а символически выражена духовная жизнь. Все достижения культуры по природе своей символичны. В ней даны не последние достижения бытия, а лишь символические его знаки. Такова же и природа культа, который есть прообраз осуществленных божественных тайн. Цивилизация всегда имеет вид рагвену. В ней нет связи с символической культурой. Её происхождение мирское. Она родилась в борьбе человека с природой, вне храмов и культа. Культура есть явление глубоко индивидуальное и неповторимое. Цивилизация же есть явление общее и повсюду повторяющееся. Переход от варварства к цивилизации имеет общие признаки у всех народов, и признаки по преимуществу материальные, как, например, употребление железа и т. п. Культура же древних народов на самых начальных ступенях своих очень своеобразна и неповторимо индивидуально, как культура Египта, Вавилона, Греции и т. п. Культура имеет душу. Цивилизация же имеет лишь методы и орудия.

Благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами. Культура основана на священном предании. И чем древнее культура, тем она значительнее и прекраснее. Культура всегда гордится древностью своего происхождения,

неразрывной связью с великим прошлым. И на культуре почитает особого рода благодать священства. Культура, подобно церкви, более всего дорожит своей преемственностью. В культуре нет хамизма, нет пренебрежительного отношения к могилам отцов. Слишком новая, недавняя культура, не имеющая преданий, стесняется этого своего положения. Этого нельзя сказать про цивилизацию. Цивилизация дорожит своим недавним происхождением, она не ищет древних и глубоких источников. Она гордится изобретением сегодняшнего. У нее нет предков. Она не любит могил. Цивилизация всегда имеет такой вид, точно она возникла сегодня или вчера. Всё в ней новенькое, всё приспособлено к удобствам сегодняшнего дня. В культуре происходит великая борьба вечности со временем, великое противление разрушительной власти времени. Культура борется со смертью, хотя бессильна победить её реально. Ей дорого увековечение, непрерывность, преемственность, прочность культурных творений и памятников. Культура, в которой есть религиозная глубина, всегда стремится к воскресению. В этом отношении величайшим образцом культуры религиозной является культура древнего Египта. Она вся была основана на жажде вечности, жажде воскресения, вся была борьбой со смертью. И египетские пирамиды пережили долгие тысячелетия и сохранились до наших дней. Современная цивилизация не строит уже пирамид и не дорожит тем, чтобы памятники её имели тысячелетнюю прочность. Всё быстротечно в современной цивилизации. Цивилизация, в отличие от культуры, не борется со смертью, не хочет вечности. Она не только мирится со смертоносной властью времени, но и на этой смертоносности временного потока основывает все свои успехи и завоевания. Цивилизация очень приятно и весело устраивается на кладбищах, забыв о покойниках. Цивилизация футуристична. В цивилизации есть хамизм зазнавшегося *parvenu*. Этот хамизм сообщается и культуре, которая хочет быть окончательно безрелигиозной.

В культуре действуют два начала – консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и создающее новые ценности. Но в культуре не может действовать начало революционное, разрушительное. Революционное же начало по существу враждебно культуре, антикультурно. Культура немыслима без иерархической преемственности, без качественного неравенства. Революционное же начало враждебно всякому иерархизму и направлено на разрушение качеств. Дух революционный хочет вооружить себя цивилизацией, присвоить себе её утилитарные завоевания, но культуры он не хочет, культура ему не нужна. И не случайно вы, революционеры, так любите говорить о буржуазности культуры, о неправде, в которой родились все культуры, и с таким пафосом декламируете против слишком дорогой цены культуры, против неравенства и жертв, которыми она покупается. Никто из вас внутренне не дорожит культурой, не любит её интимно, не чувствует её своей собственной ценностью, своим собственным богатством. Культура творилась людьми чуждого вам духа. Ничто в великих памятниках культуры не вызывает в вас священного трепета. Вы с легкостью готовы разрушить все памятники великих культур, все творческие их ценности во имя утилитарных целей, во имя блага народных масс. Пора окончательно разоблачить ваше двусмысленное отношение к культуре. Новой культуры вы не можете создать, потому что вообще нельзя создать новой культуры, не имеющей никакой преемственной связи с прошлой культурой, не имеющей никакого предания, не почитающей предков. Идея такой новой революционной культуры есть *contradictio in adjecto*. То новое, что вы хотите создать, не может уже именоваться культурой. Вы много говорите о революционной пролетарской культуре, которую несет в мир ваш класс-мессия. Но до сих пор нет ни малейших признаков возникновения пролетарской культуры, нет даже намеков на возможность такой культуры. Поскольку пролетариат приобщается к культуре, он целиком заимствует её у буржуазии. Даже социализм он получил от «буржуазии». Культура раскрывается сверху вниз. «Пролетарская» настроенность и «пролетарское» сознание по существу враждебны культуре. Воинствующе сознавать себя «пролетарием» – значит отрицать всякое предание и всякую святыню, всякую связь с прошлым и всякую преемственность, значит не иметь предков, не знать своего происхождения. В таком душевном состоянии нельзя любить культуры и творить культуру, нельзя дорожить никакими ценностями, как своими собственными. Рабочий может участвовать в жизни культуры, если он не будет сознавать себя «пролетарием».

Социализм не несет с собой в мир никакого нового типа культуры. И когда социалисты говорят о какой-то новой духовной культуре, всегда чувствуется ложь их слов. Социалисты даже сами чувствуют неловкость при разговоре на эту тему. И те социалисты, которые искренне хотели бы новой культуры, не понимают, что они безнадежно начали путь свой не с того конца. На этих путях не творится культура. Нельзя делать культуру приложением к какому-то существенному, основному делу, чем-то вроде воскресного развлечения. Культуру можно творить лишь тогда, когда

она сама считается существенным, основным делом. Социалисты хотят направить волю и сознание человека исключительно на материальную, экономическую сторону жизни. А потом делают вид, что они не против культуры, что они жаждут новой культуры. Но из какого источника произойдет эта новая культура после того, как в душе человеческой иссякнут все творческие источники и дух будет угашен и задавлен социальной материей? Уже демократия понизила качественный уровень культуры и умела лишь распределять, а не творить культурные ценности. Социализм же понизил этот уровень ещё более. Раздел и распределение культуры не ведет к тому, что бóльшее количество людей начинает жить подлинными интересами культуры. Наоборот, этот раздел и распределение ещё более уменьшает количество людей, отдающих жизнь свою высшей культуре. И не удивляйтесь этому. Раздел и распределение вы совершаете не во имя самой культуры, не по творческому духовному мотиву и порыву, а исключительно из интересов экономических и политических, из соображений утилитарных, во имя земных благ. Но высшая духовная жизнь не прилагается тем, которые целиком направили свою энергию на интересы жизни материальной. Вы, которые учите о культуре, как надстройке над материальной, экономической жизнью общества, можете лишь разрушать культуру. Ваше отношение к культуре не может быть до глубины серьезным. Демократизация и социализация человеческих обществ вытесняет высший культурный слой. Но без существования такого слоя и без уважения к нему культура невозможна. Это нужно сознать и сделать отсюда все неотвратимые выводы.

Демократическим путем не могут создаваться «науки» и «искусства», не творится философия и поэзия, не появляются пророки и апостолы. Закрытие аристократических источников культуры есть иссякновение всяких источников. Придется духовно существовать мертвым капиталом прошлого, отрицая и ненавидя это прошлое. И сами источники культуры в прошлом всё более и более теряются, отрыв от них всё более и более углубляется. Вся европейская культура большого стиля связана с преданиями античности. Настоящая культура и есть античная греко-римская культура, и никакой другой культуры в Европе не существует. Эпоха Возрождения в Италии потому и была глубоко культурной эпохой, в отличие от эпохи реформации и революции, что она не только не совершила революционного разрыва в преданиях культуры, но возродила предания античной культуры и на них воздвигла свой небывалый творческий подъем. Духовный тип Возрождения есть культурный и творческий тип. Духовный тип реформации означает разрушение церковных и культурных преданий, начало революционное, а не творческое. Античная культура вошла в христианскую церковь, и церковь была хранительницей преданий культуры в эпоху варварства и тьмы. Восточная церковь получила предание античной культуры через Византию. Западная церковь получила предание античной культуры через Рим. Культ церковный насыщен культурой, и от него и вокруг него творилась и новая культура старой Европы. Европейская культура есть прежде всего и более всего культура латинская и католическая. В ней есть неразрывная связь с античностью. По ней можно изучать природу культуры. Если мы, русские, не окончателно варвары и скифы, то потому лишь, что через православную церковь, через Византию получили связь с преданиями античной, греческой культуры. Все революции направлены против церкви и хотят порвать связь с преданиями античной культуры, в церковь вошедшими. И потому они представляют варварское восстание против культуры. Борьба против благородной культуры, против культурной символики началась ещё с иконоборчества, с борьбы против культа. Это – духовный источник культуроборства.

Всякая культура имеет периоды своего цветения, своего высшего подъема. В начале развития культуры – варварство, в конце этого развития – упадочничество. Варварство и упадочничество с противоположных концов угрожают культуре. Всякая культура исчерпывает себя, иссякает и склоняется к упадку. На вершине своей культура отрывается от онтологических своих основ, отделяется от жизненных своих истоков, утончается и начинает отцветать. Осень культуры – самая прекрасная и утонченная пора. Поздние цветы культуры – самые изысканные её цветы. В это время в культуре достигается наибольшая острота познания и наибольшая сложность. Раздвоение упадочной культуры открывает многое, закрытое для более цветущих и здоровых культурных эпох. Эпохи утонченного декаданса культуры не так бесплодны, как это представляется на первый взгляд, – в них есть и своё положительное откровение. Цветущая органическая цельность не дает знания противоположностей, она пребывает в одном и счастливо не знает другого. Слишком большое усложнение и утончение культуры нарушает эту цельность, выводит из счастливо неведения противоположностей. В искусстве, в философской мысли, в мистической настроенности раскрываются две полярные бездны. Приобретается более острое знание и добра, и зла. Но воля к жизни, к её устройению и развитию не имеет

прежней цельности. Появляется утонченная усталость. Нет уже веры в прочность культуры в этом мире, в достижимость совершенства и красоты цветущей культуры. Возрастает недовольство этим миром, тоска по мирам иным. Культура внутренне перегорает. В ней образуются материалы для нового мира, готовится новое откровение, новое пришествие. Так было в период упадка великой античной, греко-римской культуры. В этом упадке приоткрылось что-то новое, неведомое эпохе расцвета цельной и замкнутой античной культуры. В здоровые, цветущие, цельные эпохи высокого подъема культуры всегда есть и какая-то ограниченность и самодовольство, довольство этим замкнутым миром. Мистическую тоску по мирам иным античный мир до глубины изведаль лишь в период эллинистического упадочничества. Тогда началось мучительное искание искупляющих мистерий, тогда появились такие течения, как неоплатонизм и неопифагорейство. Тогда в искусстве обнаружили прорыв за пределы классического совершенства этого земного мира, придавленного замкнутым куполом небес. И навстречу этой глубокой тоске, которой заболела культура, пришло христианское откровение из самой глубины жизни, из таинственных её недр. Культурному античному миру христианство должно было представляться варварством. Откровение его света не имманентно культуре, а трансцендентно ей и должно восприниматься замкнутым культурным миром как прилив варварства. Этот новый свет гасит иссякающий свет дряхлеющей культуры и вначале многими воспринимается как тьма.

Склоняется к западу, иссякает и вся европейская культура, и ей не дано бесконечно развиваться. Она отходит всё дальше и дальше от своих творческих источников, делается всё более и более отвлеченной, всё менее и менее онтологической по своему характеру. Приток религиозного питания европейской культуры всё уменьшается. На вершине своей великая латинская культура Западной Европы пережила утончение и упадок. Во Франции дала она последние цветы и пленила прелестью осеннего увядания. Но упадок и увядание европейской культуры вызывает чувство смертельной тоски и печали. Античная культура была спасена для вечности христианством, христианской церковью. Ныне и само христианство стареет, в нём нет уже творческой молодости. Нового же религиозного света ещё не видно. В истории происходят периодически приливы варварства, внутреннего и внешнего. Эти приливы варварства имеют не только отрицательное значение, они обновляют дряхлеющую и холодеющую кровь старого мира. К культуре приобщаются новые стихии и дают ей новые жизненные соки. В характере культуры есть опасность окостенения, застоя и самодовольства. Культура может обоготворить себя, и тогда-то она теряет свой божественный смысл, свою связь с божественными истоками жизни. Культуртрегерство может превратиться в лицемерную ложь. Культура создана творческими порывами, но в своем самодовольстве и окаменелости она может стать врагом всякого творческого порыва. Тогда восстание варварства является естественной карой и может вывести на новые пути. И ныне европейской культуре грозит напор варварства изнутри и извне. Это почувствовалось уже, когда началась мировая война, и чувство это достигло особенной остроты, когда разыгралась русская революция. Но весь ужас в том, что внутреннее варварство, которое грозит европейской культуре в революционном демократическом, социалистическом и анархическом движении, не может быть приливом к культуре, вечной по своей природе, свежих сил, могучих жизненных стихий из недр бытия, сил и стихий, ещё не испорченных в своей природности и устремленных к свету. Смысл того, перед чем стоит Европа, совсем иной. Внутреннее революционное варварство бурно вступает в культурный мир уже глубоко испорченным лживыми антихристианскими идеями, искаженным рассудочным полупросвещением, с извращенной «пролетарской» психологией, с заглушенным и парализованным чувством тайны жизни, с претензиями какой-то ложной полукультуры. Никакой непосредственности, природной цельности, близости к природно-божественным тайнам в этом революционном варварстве нет. Оно прошло через фабрики и фабричную переработку, оно само есть продукт безбожной цивилизации, восставшей против высшей культуры. Извне же грозит европейской христианской культуре монгольский Восток, имеющий свою антихристианскую идею, свою враждебную нам и непонятную нам цивилизацию. И от этого варварства нельзя ждать притока творческих сил. Европейская культура подходит к какому-то страшному пределу.

В культуре всегда действовало два начала – классическое и романтическое, и в разные эпохи преобладало то одно, то другое начало и создавало преобладающий стиль культуры. Греция явила высочайшие образы культуры классической. Но и в Греции была уже культура романтическая. После Ницше невозможно этого отрицать. Классическое и романтическое переплетаются, борются друг с другом и взаимодействуют. Классическая культура есть культура имманентная, осуществляющая совершенство в пределе, замкнутое и завершённое совершенство на земле. Она

стремится к строгим формам, не допускающим прорывов, в ней не раскрываются беспредельные дали. Романтическая культура есть культура с трансцендентными прорывами, осуществляющая совершенство в беспредельности, размыкающая и не допускающая совершенства на земле. Формы её не столь строги, и в ней всегда есть прорывы, всегда раскрываются за ней беспредельные дали. Классическая культура не знает иного мира за своими пределами и ничего не говорит о нём. Романтическая культура вся есть о мире за пределами, вся устремлена к совершенству в вечности и безмерности. Христианская культура по принципу своему романтична, а не классична, хотя принцип классицизма и в ней действует как одно из вечных начал. Классическая культура означает довольство культурой. Это довольство невозможно в христианском мире. Христианский мир заболел трансцендентной тоской. И тоска эта отпечатлелась на его культуре. Совершенство на земле, в культуре, для этого мира невозможно. Готический склад души и готический склад культуры очень характерен для христианского мира. И никогда не было возможно в христианском мире вполне удавшееся и вполне завершённое Возрождение. Итальянское Возрождение было бурной борьбой языческих и христианских начал. Христианская церковь приняла в себя античную культуру и пронесла через тьму. Но она претворила её и сообщила ей свой символизм. Христианская церковь разомкнула языческое небо и открыла верхнюю бездну. И в отношении подлинного христианского мира к культуре всегда была раздвоенность. Проблема культуры для христианского общества – трагическая проблема. Такой трагедии культуры не знал классический языческий мир. Трагедия культуры есть отрицание самозамкнутости и самодовольства культуры. Совершенная культура так же невозможна, как невозможно и совершенное общество. Совершенство возможно лишь в ином мире, в ином плане, в благодатном, а не природном порядке. Культура имеет религиозные основы, она полна религиозной символики, и в ней не достигаются онтологически реальные результаты. Наука и искусство, государство и семья, право и хозяйство – не последние реальности бытия, не онтологические достижения познания и красоты, власти и любви, общения людей и регулирования природы, а лишь знаки, лишь символы этих реальных достижений. Невозможна и низка совершенно безрелигиозная культура, но невозможна и онтологически-религиозная культура. Культура явилась дифференциацией культа, она явилась уже в результате выделения из храма, отделения от религиозного центра. И процесс секуляризации культуры – неотвратимый и роковой процесс. Секуляризация и есть внутренняя трагедия культуры. Через секуляризацию, через расщепление и дифференциацию, через отдаление от религиозного центра и полную автономию проходит и философия, и наука, и искусство, и государство, и семья, и право, и хозяйство. Культура религиозна по своему происхождению и религиозна по своему заданию. И в самых классических и совершенных своих достижениях, в самых строгих своих формах она теряет религиозный свой характер. Но романтическая стихия в культуре напоминает о происхождении культуры и о задаче её и готовит кризис культуры, хотя сама по себе бессильна.

Давно уже на вершинах культуры начался кризис культуры. В самых утонченных плодах культуры чувствуется недовольство культурой, недостаточность культуры, болезненный в ней надлом, искание путей к бытию сверхкультурному. Кризис культуры и искание нового бытия, превышающего культуру, совершается в том избранном меньшинстве, которое познало культуру до конца и изжило пути культуры, в высшем культурном слое. Этот процесс познали такие люди, как Ницше и Ибсен, как Гюисманс и Л. Блуа, как Достоевский и Толстой. Для огромного большинства никакого кризиса культуры не существует. Огромное большинство должно ещё приобщиться к культуре и пройти пути её. Кризис культуры, по характеру своему, есть кризис аристократический, а не демократический. Вы, демократы и социалисты, вы, революционеры, никакого кризиса культуры не пережили и даже не подозреваете о нём. Ваша вражда к «буржуазной» культуре никакого кризиса культуры не означает. Она означает лишь некультурность, лишь зависть к культуре и культурным, а не внутреннюю в ней трагедию. Применение к культуре чисто экономических категорий и чисто экономических оценок мешает войти внутрь культуры и узнать таинственную её жизнь. Вопрос ваш, обращенный к культуре, всегда ведь очень элементарный вопрос, в нём нет никакой сложности, нет проблематичности, нет глубины. Революционные демократические и социалистические движения отбрасывают назад в сфере культуры, понижают качественный уровень культуры и ослабляют интерес к проблеме культуры. Ваши «пролеткультуры» означают лишь то, что культура пролетает мимо вас и вы мимо нее. Вас интересует лишь революционное «просвещение» масс. Но и более высокое «просвещение», «просвещение» XVIII века шло мимо подлинной культуры и готовило падение культуры. Что делать вам с проблемами Ницше и Достоевского и что делать проблемам Ницше и Достоевского с вами? Для вас не существует ничего

проблематического, вы чувствуете себя для этого слишком «просветителями». Ваше «полупросвещение», самодовольное и наглое, ни перед какими святынями не трепещущее и не склоняющееся, глубоко противоположно культуре, оно понижает культуру и громит её, но никакого внутреннего кризиса культуры не сознает и к углублению этого кризиса не ведет, так как не ведет ни к какому углублению. Вы хотите только, чтобы культура была популярнее, доступнее, демократичнее, дешевле, чтобы из нее исчезло всё аристократическое, малодоступное, слишком сложное и глубокое. Вы хотите упрощенного правописания, упрощенного языка, упрощенной мысли. Вот что означает ваша не «буржуазная» культура. Вы очень скромны в делах культуры, вы – минималисты, а не максималисты, люди середины. Но кризис культуры ощутили и сознали лишь те, которые были максималистами, а не минималистами в делах культуры. Кризис культуры в упрощенном правописании невыразим. Вы ещё плохо знаете таблицу умножения, в то время как на вершинах в таблице умножения уже усомнились. Но вам необходимо её ещё изучить. Революция временно ослабляет кризис культуры.

Поистине, кризис культуры совершается иерархически, как и всё, что подлинно, а не призрачно в мире совершается. Кризис этот по природе своей ничего общего не имеет с тем, что вы называете «революциями». Это – духовная и аристократическая революция, и происходит она в другом измерении. Кризис культуры совершается в глубинном измерении, а не в измерении плоском, как все ваши дела и движения. Что означает кризис культуры? Кризис этот есть острое переживание и острое сознание на вершинах культуры внутренней противоположности и внутренней несоизмеримости между культурой и бытием, между культурой и творчеством. Когда культура доходит до своих пределов, до последних утончений и усложнений своих проблем, начинают сознавать, что высшие достижения культуры не есть новое бытие, новая жизнь, что высшие продукты культуры несоизмеримы с творческим порывом, с творческим заданием. [2 – См. мою книгу «Смысл творчества».] Ибо, поистине, заданием творческого акта было новое бытие, новая жизнь, онтологическая истина, онтологическая правда, онтологическая красота. Но творческий порыв, направленный ввысь, пресекается тяжестью этого мира и направляется вниз. Создаются ценности культуры вместо нового бытия, книги, картины, учреждения вместо новой жизни, вместо иного мира. В культуре, в книгах, в картинах и учреждениях происходит как бы умаление самой жизни, иссякание бытия. В формальной, современной, классической культуре, в её науках и искусствах, в её государственных учреждениях и правовых институтах раскрывается бездна, полярно противоположная бездне самой жизни, бездне самого бытия. Это не может быть создано в той середине, в которой живет масса не только некультурных людей, но и культурных, это раскрывается лишь в пределах и концах культуры, лишь на вершинах творческих достижений. Там охватывает смертельная тоска небытия, жажда подлинного бытия, жажда преображения мира, жажда нового неба и новой земли. Трагическая неудовлетворенность культурой и всеми её достижениями охватывает творцов культуры. Но она ещё не чувствуется потребителями культуры. Вот почему мировой кризис культуры совершается не в демократическом движении, не в массовых революциях, а в движении аристократическом, во внутренних революциях духа. Кризис культуры ясно обнаруживает, как жалки и плоски все вульгарные противоположения между «революционным» и «реакционным», между «левым» и «правым». Эти противоположения импонируют лишь на поверхности, в глубине же все реальные противоположения – иные и вся шелуха эта отпадает. В мире вечно остается трагический конфликт и трагическое непонимание между меньшинством, живущим творчеством, духовными исканиями, идеями, поэзией жизни, и большинством, живущим интересами, аппетитами, прозой жизни.

Самые творческие люди вершин культуры могут переживать глубокую неудовлетворенность культурой и сознавать глубокий кризис её. Но люди средней культуры или совсем некультурные не могут сделать отсюда никаких выводов против культуры, не могут идеализировать на этом основании состояние некультурности или докультурности. Трагедия культуры и кризис культуры, жажда лучших людей перейти к состоянию сверхкультурному, к новому бытию, к новой земле и новому небу, не могут быть аргументами в пользу скифской варварской идеологии. У русских, да и славян вообще, есть подозрительное и двусмысленное отношение к культуре. Мы любим говорить о «буржуазности» культуры и очень легко признаем себя стоящими выше культуры. Уклон к отрицанию культуры, в которой видят отпадение от изначальной цельности, от высшего жизненного типа, идеализация первоначальной, целостной народной жизни, предшествовавшей культуре, характерны и для самых замечательных и оригинальных русских мыслителей. У русских есть соблазн почествовать себя скифами и противоположить себя эллинам. Скифская идеология народилась у нас во время революции. Она явилась формой одержимости

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

революционной стихией у людей, способных к поэтизированию и мистифицированию этой стихии. Скифская идеология – одна из масок Диониса. В борьбе своей против серединности и умеренности всякой культуры она устремляется не вверх, к верхней бездне, а вниз, к нижней бездне. Современные скифы поют гимны не сверхкультурному, а докультурному состоянию. Менее всего устремлены они к новому небу и новой земле, к преображению мира. Они – язычники, в них клокочет кровь людей, не приобщенных к тайне искупления. В России скифская идеология есть своего рода языческий национализм, переходящий в нехристианский и антихристианский мессианизм. Скифы должны искупить грехи свои подчинением культуре и её суровой школе.

Культура есть неотвратимый путь человека и человечества. Нельзя миновать его. Необходимо изжить пути культуры, чтобы выйти за пределы культуры, к высшему творческому бытию. Лишь на вершинах культуры творческое дерзновение может разбить цепи культуры, приковывающие к этому миру. Есть ещё путь святости, путь, для немногих существующий. Но и этот путь есть путь высшей культуры духа. Он лежит в глубочайшей основе христианской культуры. Два явления выходят за пределы канонических норм культуры – святость и гениальность. Но святость и гениальность – величайшие явления духовной культуры, истинные её двигатели. Человечество обречено культуре. Но в нём действуют и силы, враждебные путям свершения культуры, силы нигилистические и анархические. Нигилистическое и анархистское восстание против культуры никогда не ведет к выходу за пределы культуры, оно лишь отбрасывает назад и требует новой работы культуры. Высшая культура нужна лишь немногим. Для средней массы человечества нужна лишь средняя культура. Это и говорит об иерархическом строе культуры. Высшие цели мировой и исторической жизни связаны с тем, что понятно и существенно нужно лишь немногим. Но этим нужным и понятным лишь немногим духовно держится весь мир и вся история. В культуре есть эзотерика и экзотерика. Понятное лишь на высших ступенях имеет существенное значение для самых низших ступеней. Философия нужна для техники. Кризис культуры совершается на самых высших ступенях творческой жизни. Но это имеет мировое значение. Сверху идет духовная волна до самого низа. Революционное же разрешение кризиса культуры снизу есть великая бессмыслица. Цели обществу внутренне подчинены целям культуры. Все вы, общественники, недостаточно сознаете это, и потому для вас закрыты цели жизни, сознание ваше заполнено лишь средствами борьбы. Но и цели культуры не могут быть конечными целями. Дальше и глубже лежит искание Царства Божьего. Вы, культурники, недостаточно сознаете эту религиозную даль. Потому и для вас закрыты цели жизни. Культура не последнее, культура – предпоследнее. Это сознают те творцы, которые переживают кризис культуры. Они стоят перед последней задачей претворения культуры в новое бытие. Так подходим мы к апокалипсису культуры.

Письмо четырнадцатое

О царстве божьем

Вся история наполнена исканием Царства Божьего. Искание это есть сокровенная душа истории, её святое святых. Все цели истории относительно по сравнению с этой абсолютной целью, все цели превращаются лишь в средство. Самая история, по сокровенному своему смыслу, есть лишь движение к Царству Божьему. Но ограниченное сознание человеческое ищет Царства Божьего в самой истории. Это и есть основное противоречие религиозной философии истории. Царство Божье – цель истории, конец истории, выход за пределы истории. Поэтому Царство Божье не может быть в истории. Искание Царства Божьего в истории, в земной исторической действительности, есть иллюзия, обман зрения. Царство Божье за историей и над историей, но не в истории. Оно есть всегда четвертое измерение по сравнению с тремя измерениями истории. Нельзя искать четвертого измерения внутри трех измерений пространства. Так и Царства Божьего нельзя искать внутри истории. История имеет абсолютный смысл, абсолютный источник и абсолютную цель. Но само Абсолютное не вмещается в ней. Историческая действительность вмещается в абсолютном, божественном бытии, но абсолютное, божественное бытие не может вмещаться в ней. Относительное есть явление внутри Абсолютного, но Абсолютное не может полностью пребывать в относительном. История есть лишь ступень абсолютной действительности. Но абсолютная действительность не может никогда полностью изойти в историю. «Всё преходящее есть лишь символ». История имеет прежде всего символическое знание, она полна знаками иной, божественной действительности. Символизм истории свидетельствует о невозможности Царства Божьего внутри самой

истории, царства абсолютной жизни на какой-либо из ступеней исторического свершения. Царство Божье есть абсолютное духовное царство, оно не может быть явлением в материальном мире, оно предполагает победу над материальным миром и переход в мир иной. Абсолютная жизнь есть переход в иной план, иное измерение бытия. Всякое достижение абсолютной жизни есть прорыв за пределы природного и исторического порядка. В природном же и историческом порядке не может быть вмещена абсолютная жизнь. От вхождения Абсолютного расступается всякая природная и историческая жизнь, расплавляется, теряет свои границы, исходит в беспредельность.

Прорыв Абсолютного в наш природный и исторический мир и прорыв к Абсолютному из нашего природного и исторического мира говорит о том, что никакого замкнутого, изолированного и самодовлеющего «мира сего» не существует. В «мир сей» могут входить силы иных, высших миров, энергии онтологические, равно как из «мира сего» могут быть выходы и прорывы в иные, высшие миры. В нашем мире, в нашей природной и исторической жизни возможно чудесное, возможно благодатное перерождение, возможно освобождение от тяжести мира, от бремени истории, возможен разрыв железной цепи закономерности. Историческая действительность не есть замкнутая действительность, не есть тюрьма под железными затворами. Существуют прорывы в исторической действительности в высшую духовную действительность, переливы энергии трех измерений в четвертое измерение. Эти прорывы нарушают все рационалистические учения об историческом процессе, разбивают все закономерности рациональной социологии. В мировом и историческом процессе действуют не только имманентные ему духовные силы, но и силы таинственные и мистические, не поддающиеся никакому учету: и благодатные, и темные силы. И высшие творческие достижения исторического процесса были прорывом из мира иного и в мир иной. Несоизмеримость между Абсолютным и относительным, между Царством Божиим и историей нельзя мыслить как замкнутость сферы относительного, как изолированность истории от высших реальностей. Относительное является в самом Абсолютном, оно полагается самим Абсолютным. На этом основано оправдание относительного и права относительного. Относительное внутренне необходимо для раскрытия полноты Абсолютного. Поэтому не может быть относительное оторвано от Абсолютного и противопоставлено ему. Нельзя мыслить внеположность мира относительного миру абсолютному. В какой-то неизъяснимой глубине исчезают все противоположности и все внеположности, снимаются все антиномии. Вовне же направленное, к миру обращенное сознание наше всегда натывается на ряд непреодолимых антиномий. Эти антиномии как бы охраняют сокровенность и таинственность жизненной глубины. В глубине духовной (не душевной) жизни человека дается и раскрывается Абсолютное, мы погружены в абсолютную действительность, мы не рабы мира, не во власти царства относительного. Лишь в проекции нашей жизни вовне представляемся мы безраздельно принадлежащими царству относительного. В нашей обращенности к глубине мы принадлежим иной действительности, мы сопричастны Царству Божьему. Тайна отношения двух миров в человеке и человечестве есть тайна Христа, тайна Его явления в этом мире. Явление Христа в мире и было единственной и неповторимой точкой прорыва самого Бога в этот природный мир. С этим прорывом несравнимы и несопоставимы все другие творческие прорывы, к которым применима категория множественности и повторяемости. В Христе полнота божества пребывает духовно и телесно. Но явление Христа не было явлением Царства Божьего на земле, в материальном мире. Оно было лишь обетованием Царства Божьего. Христос учил, что Царство Его не от мира сего. И мир сей не может вместить Его Царства, он должен преобразиться, стать иным миром, выйти из себя. Искание чувственного Царства Христова на этой земле, в этом ограниченном материальном мире есть один из соблазнов, один из миражей религиозного сознания. Это соблазн еврейский, это явление юдаистического духа внутри христианства.

Ожидание чувственного Царства Божьего на земле есть еврейский хилиазм. Евреи ждали Мессию – земного царя, который устроит на земле блаженное царство Израиля. И они отвергли Мессию, который явился в образе раба и учил, что Царство Его не от мира сего. Мессия-Распятый есть вечная противоположность мессии, осуществляющему Царство Божье на земле, приносящему земной рай. Утопия социального земного рая есть переживание еврейского хилиазма. Материалистический её характер не должен закрывать от нас её старых религиозно-юдаистических истоков. Христос-Распятый противится хилиастической утопии, проникшей в христианский мир, и отвергает её. Весь мир должен пройти через распятие, через Голгофу, прежде чем наступит Царство Божье, Царство Христово. Без свершения до конца тайны искупления человечество и мир не войдут в Царство Божье. А это и значит, что Царство Божье в этом мире, в материальном природном порядке –

невозможно. Царство Божье есть совершенное преображение мира, переход в иное измерение бытия. Еврейский хилиазм хочет Мессию-Царя, который осуществит Царство Божье на земле без креста и распятия, в ветхой ещё природе. И еврействующий христианский хилиазм забывает Христа-Распятого и хочет перескочить через искупление в чувственное тысячелетнее царство Христово, на старой ещё земле, под старым ещё небом. Социализм и есть секуляризованный, оторванный от своих религиозных корней хилиазм. Утопия социального земного рая, земного совершенства и земного блаженства, земной абсолютности и есть забвение Христа-Распятого, нежелание разделить с ним Голгофу, отхождение от тайны искупления. В первооснове утопий земного рая лежит отрицание бессмертия, неверие в бессмертие, жадность к этому урывку земной жизни и похотливое отношение к её благам. Утопия Царства Божьего на земле, в материальной природе есть противление божественному миропорядку. Царство Божье подменяется безбожным царством.

Переход из плана исторического в план апокалиптический представляет неразрешимую для разума антиномию. Разум склонен мыслить этот переход, как совершающийся в самой истории, как последний, завершающий период истории. Но это-то и есть оптический обман. Можно говорить об апокалиптической эпохе всемирной истории, об апокалиптических её знаках, но это не означает ещё перехода из истории в апокалиптический план. С другой стороны, нельзя мыслить конца, совершающегося в апокалиптическом плане, совершенно трансцендентно, относить его целиком к потустороннему миру. Апокалиптический план, к которому мы относим наступление конца мира, разрешение всемирной истории, нельзя мыслить ни совершенно имманентно, ни совершенно трансцендентно, ни исключительно поюсторонне, ни исключительно потусторонне. Это и есть антиномическая для нашего рационального сознания проблема отношения времени и вечности. Так, например, мыслить бессмертие как загробную, потустороннюю жизнь, в отличие от жизни земной, поюсторонней, есть рационалистическая ограниченность. Бессмертие раскрывается и в глубине каждого мгновения земной жизни. Так и внутри самой истории, в глубине её раскрывается конец, дан апокалипсис, как иное измерение её. Свершение же во времени есть лишь проекция того, что дано в глубине. Конец истории и преодоление истории не будет в истории, конец времени и преодоление времени не будет во времени. Но это не значит, что мы на веки веков обречены быть во власти дурной бесконечности исторического процесса, временного потока. Для христианского сознания есть всеразрешающий конец, есть победа над властью времени. Для христианского сознания предельная проблема человеческого общества упирается в эсхатологию. Но христианская эсхатология не может быть материализована. Хилиазм и был всегда материалистической эсхатологией. Это не значит, что христианское сознание принимает спиритуалистическую эсхатологию. Царство Христово будет не только на небе, но и на земле, оно будет не только духовным, но и телесным царством. Но это будет иная, преображенная земля и иное, преображённое тело. Сошествие небесного Иерусалима на землю не может мыслиться как его материализация. И оно никогда не произойдет в пределах истории трех измерений, оно есть четвертое измерение истории. Прославленная в Царстве Христовом телесность не есть уже материальная, физическая телесность. Сеется тело душевное, встает тело духовное. История во времени есть проекция на плоскости совершающегося в глубине, в вечности. И разрешающий конец в этой временной истории есть всегда неразрешимая антиномия, есть всегда обман зрения для рационального сознания. Новая жизнь, новый мир есть царство Божественной Истины, вечное, а не будущее, противопологающее себя прошедшему.

В христианском догматическом сознании, в христианской философии проблема эсхатологии не получила ясного и общеобязательного разрешения. Вокруг этой проблемы всегда раскрывались разные возможности. В истории христианства апокалипсис не вмещался полностью и тема об апокалипсисе всегда была темой о новом откровении в христианстве. Так стояло это некогда для Иоахима Флорского, так стоит и для многих религиозных мыслителей нашего времени, настроенных пророчески. «Откровение св. Иоанна» было признано канонической книгой священного писания и внесено в Новый Завет. Но церковь не сделала такого применения из этой священной книги, как сделала из других священных книг. «Откровение св. Иоанна» не стало творческим источником ни для церковного догмата, ни для церковной практики христиан. Книга эта осталась таинственной, запечатанной под семью печатями. До времени так и должно было быть. И в наше время, которое мистически чуткие люди называют апокалиптическим временем, безответственное злоупотребление апокалипсисом производит неприятное впечатление. Предсказание наступления конца мира к определенному времени явно противоречит словам Христа, что о дне и часе этом никто не знает. Ожидание конца

мира послезавтра утром снимает с людей всякую ответственность и делает их пассивными. В этих ожиданиях всегда чувствуется смешение разных планов, грубая материализация христианских тайн, духовная незрелость. Вступление христианской абсолютности в историческую относительность порождает ряд иррациональных антиномий. «Апокалиптическое» сознание может давать слишком грубые и насильственные разрешения этих антиномий. Внутри самого христианства очень сложно столкновение и взаимодействие абсолютного и относительного, вечного и исторического. Западный папощезаризм и восточный цезарепапизм и был исканием абсолютного в относительном, вечного в историческом. На этой почве создавались все опыты земных теократий, священных царств. В них Царство Божье давалось лишь символически, а не реально-онтологически. Церковь не есть Царство Божье на земле, и существование в истории церкви Христовой, которой не одолеют и врата ада, не говорит о возможности Царства Божьего на земле. Отождествление церкви с Царством Божиим, с Градом Божиим было ошибкой, допущенной бл. Августином, которая повлияла на католическую концепцию церкви. Церковь не есть теократия. Все внешние теократические притязания разрушены историей. Роковой процесс секуляризации не одолел и не одолеет святыни церкви Христовой, но он одолевает теократические притязания, он разбивает великие религиозные утопии священных царств. Царство Божье приходит неприметно. Незримо оно входит в мир и овладевает миром. Из глубины идет это царство и к глубине обращено оно. И слишком приметное, слишком зримое царство не есть ещё Царство Божье. Теократические иллюзии и были иллюзиями материализованного Царства Божьего, Царства Божьего в непреображённой природе, в трех измерениях земной жизни. И самую церковь можно брать в измерении историческом, в её явлениях на плане материальном, и в измерении глубины, в её сокровенном бытии. Есть церковь экзотерическая, демократическая, водительствовавшая массой человечества и религиозно воспитывающая её для высшей жизни, и есть церковь эзотерическая, сокровенная, в которой для более высокой иерархии раскрываются более глубокие тайны и более глубокое общение. Не может быть никакой противоположности между этими двумя пониманиями церкви. Единый, цельный мистический организм церкви, иерархической по своему строению, имеет ступени выявления, своё ядро и свою периферию. Демократизм исторического христианства охраняет аристократизм сокровенного христианства. Иллюзии Царства Божьего на земле основаны на том, что сокровенное мыслится окончательно выброшенным на поверхность, что эзотерическое становится совершенно экзотерическим, что духовное вполне материализуется. Но Царство Божье принадлежит сокровенной глубине бытия, а не поверхности его, не приметной и зримой его оболочке. Царство Божье неприметно, Царство Божье не от мира сего. Царство Божье есть совершенное преображение мира. Христианское общение не может быть внешней материальной теократией. Христианская общественность есть таинственное общение в духе, в любви Христовой. Она несоизмерима ни с какой подзаконной общественностью. Все попытки сопоставить и сблизить христианское общение в Духе с демократическими, социалистическими течениями есть религиозная ложь и обман. Свобода христианского общения в Духе не имеет ничего общего с «свободой» анархической, и братство христианского общения в Духе не имеет ничего общего с «братством» социалистическим. Христианское общение – благодатное общение, общение в любви Христовой. Анархическое и социалистическое общение целиком принадлежит к царству природной необходимости, к царству кесаря. Такую же религиозную ложь представляют все связывания христианской общественности с старым языческим государством или с отсталым натуральным хозяйством. Царство Божье и царство кесаря разделены Христом, и не может Царство Божье вписаться ни в какое царство кесаря, в старое или новое, реакционное или революционное. Братское общение во Христе есть уже таинственное вхождение в Царство Божье. И это братство Христово неприметно приходит в мир. В Царстве Божьем нет никаких коллективов, в нём есть только личности, оно все состоит из личностей разных иерархических ступеней. И в Царстве Божьем будет «иная слава солнца, иная слава луны, иная звезда; и звезда от звезды разнится во славе».

В братстве Христовом нет никаких внешних социальных признаков, и не может быть никаких социальных для него критериев. В духе св. Франциска не было ничего связанного с социальным царством, в нём Царство Божье неприметно пришло в мир. Всё социальное связано с относительными средствами жизни, а не с абсолютными целями. Абсолютная социальная цель немыслима, абсолютная цель – религиозна, а не социальна. Все внешне социальное имеет в себе материальную относительность. И Царство Божье отодвигается, когда его начинают мыслить социальным царством, когда его считают осуществимым на земле, во времени. Тяжесть мира сковывает дух, когда относительное абсолютируют. Но пафос всех социальных утопий и есть такая абсолютизация относительного. Вы спорите – «правое» или «левое» Царство Божье. Но кощунственно применять к Царству Божьему эти жалкие мерилы. Всё «правое» и

всё «левое» преходит, когда вы прикасаетесь к тайне Царства Божьего. Против социальных утопий, выдающих себя за Царство Божье, необходимо утвердить здоровый социализм и аскетическую суровость. Этот пессимизм по отношению к миру и ко всему, что от мира, есть в Евангелии и Апокалипсисе. О нём вам следует чаще напоминать. И малые апокалипсисы Евангелия, и Апокалипсис св. Иоанна не предсказывают победы и торжества любви Христовой и правды Христовой на земле.

Христианские пророчества говорят о пришествии антихриста, о победе князя мира сего, об иссякании любви. И все утопии земного блаженства, земного совершенства, окончательного торжества правды на земле находятся в непримиримом противоречии с христианскими пророчествами. То, что говорится в Откровении св. Иоанна о тысячелетнем царстве Христовом, остается сокровенной тайной. И все попытки раскрыть эту тайну, переведя её на рациональный язык земных утопий, – не религиозны, в них искания царства мира сего сильнее исканий Царства Божьего. Апокалиптическое тысячелетнее царство Христово и есть чудесное преодоление антиномии времени и вечности, земного и небесного, посястороннего и потустороннего, имманентного и трансцендентного. И потому невыразимо это царство на языке одного из полюсов этой антиномии, непереводаемо в плоскость временного, земного и посястороннего. Таинственность Апокалипсиса связана с тем, что язык этой книги – не наш язык. Поэтому постижима она лишь символически. Символ – время и вечность, мир земной и мир небесный. Царство Божье раскрывается нам символически. Это и есть радикальное возражение против всех попыток превратить Царство Божье в земную утопию. Вступая в атмосферу апокалиптическую, мы подвергаемся опасности подмен и двоений. Вся таинственность, неразгаданность, антиномичность, иррациональность Апокалипсиса связана с этой возможностью подмен и двоения, предоставленной свободе человеческой. В Апокалипсисе не может быть евангельской ясности и простоты. В нём раскрывается предельное духовное раздвоение, в нём является предельная ложь, обратное подобие Христа. В Евангелии всё совершается в атмосфере солнечной ясности, божественной простоты, Логос является во плоти, и ослепительно светлые лучи его проникают в души людей. В Апокалипсисе всё совершается в атмосфере смешанной и сложной, – в атмосфере этой всё раздваивается, в ней всё пропитано яростью и столкновением полярно противоположных начал. Солнечный луч от Лица Христова падает уже не на девственную почву душевной простоты и цельности, а на души страшно сложные, раздвоенные, утомленные и истерзанные долгой историей, поставленные перед совершенно новыми проблемами. Мы уже вышли из евангельской атмосферы и вошли в атмосферу апокалиптическую. Наша духовная атмосфера не походит на атмосферу первохристианскую. Лик Христов перестают ясно различать, Его смешивают с обратным подобием. Лик Христов двоится для современного человека. Страшно зыбка современная душа, двоится для нее добро, двоится для нее зло. Зло воспринимается ею в обманчивых образах добра. Антихристов дух и есть дух лжи и подмены, двусмысленный дух, неуловимый в своей внутренней сущности, ибо сущность эта – в небытии.

Утопия социального рая на земле есть одна из антихристовых подмен и обманов, из обратных подобий Царства Божьего. Безбрежная социальная мечтательность душ разрыленных, потерявших всякую аскетическую дисциплину самоограничения, оторвавшихся от духовного центра жизни – благоприятная почва для антихристовых соблазнов. Антихрист прельщает осуществлением Царства Божьего на земле, социального блаженства. Он обещает осуществить то, чего не осуществил Христос-Распятый. После пришествия Христа в мир правда не победила на земле. И это многих соблазняет. Это соблазнило еврейский народ. Это вводит в соблазн и современных искателей земной правды. Будет выше Христа тот, кто осуществит правду на земле, или тот будет Христом Грядущим, кто осуществит эту правду, прекратит муку и страдания человеческие. Но Христос не только не осуществил правду и блаженство на земле, Он и не обещал этого осуществления. Он звал взять крест свой и идти за ним. Он учил, что жизнь на земле, в этом мире есть крест, что путь Царства Божьего лежит через Голгофу. И больше должен прельщать тот, кто обещает Царство Божье на земле без Голгофы и искупления.

Социалистическое и анархическое движение в мире имеет огромное религиозное значение, ибо движение это обостряет для христианского сознания проблему антихриста. Это движение подводит к пределам, оно переходит уже в душевную атмосферу Апокалипсиса. Современное сознание перестало ясно видеть зло и отличать его от добра. Происходит какая-то декристаллизация. Духовная жизнь мутна, в ней нет уже чистых кристаллов, нет той жемчужины, за которую человек готов отдать все блага мира. Личность в современном человеке расплывается и

декристаллизуется, теряет ясность очертаний, твердость границ. Эта почва очень благоприятна для всякого рода воздействий темных сил. Личность находится в обладании каких-то неведомых ей сил. Не сама личность действует, а «нечто» в ней действует. Все антихристовы подмены и обманы основаны на отрицании личности, на разрушении личности. Личность, сохранившая свою крепость, свой образ, свои границы, может падать, грешить, делать зло, но она не поддастся соблазнам и прельщениям двоящихся образов антихристового духа. И противодействие антихристову духу есть прежде всего укрепление личности, духовная дисциплина личности, охранение в личности человеческой образа и подобия Божьего против наступающих на нее стихий «мира сего».

Стихийные вихри хотят растерзать личность и подготовить почву для земного царства Антихриста. И личность должна укрепить себя во Христе, чтобы противиться этим вихрям, противостоять этим стихиям. В нашу эпоху зло является по-новому украшенным. Не элементарное зло соблазняет, а зло сложное и запутанное. Пленяет неясность и мутность, влечет нарушение всех границ, всех межей, всех различий. Это верно для интимной жизни человека, но верно и для жизни общественной. И в жизни общественной хочет человек броситься в бездну, отдаться стихиям в надежде, что обретет он новую землю, что достигнет Царства Божьего. На этом пути теряет человек свою личность, но надеется приобрести блаженство. Современные люди живут иллюзиями более, чем люди прежних эпох, они менее реалисты в истинном смысле этого слова, более оторваны от реальностей и отданы воле ветров. Иллюзии прогресса, всеосвобождающей революции, социалистического земного благополучия и т. п. бесконечно далеки от онтологического реализма. Революционные иллюзии идеологически начинаются с рационализма и кончаются иррационализмом. Восстает человеческий разум против истории, верит, что своими силами он может устроить человеческую жизнь на земле, рационализировать её без остатка, не оставить места для действия сил таинственных и сверхразумных. Но кончается рационалистическая революция тем, что расковывается хаос и начинают господствовать силы иррациональные и темные. И революционный рационализм, и революционный иррационализм одинаково разлагают все онтологические реальности, одинаково отрицают и смысл истории, и её таинственную иррациональность. В истории действуют оккультные силы, как организованные, так и не организованные. И те, которые находятся во власти этих сил, часто сами не знают об их существовании. Действие сил совершенно иррациональных вырабатывает совершенно рационалистическое сознание. Это одно из парадоксальных противоречий общественной и исторической жизни.

Когда люди религиозного сознания стремятся к Царству Божьему, они предчувствуют, что пришествие Царства Божьего в мире есть новое откровение. В христианстве с самого начала была пророческая сторона, было устремление к неведомому грядущему, лишь в символах и знаках раскрытому в священных письменах. Но возможно ли допущение нового откровения для тех, которые остаются верными вечному христианскому откровению? Это – одна из антиномий христианского религиозного сознания. Христианство есть не только откровение, но и прикровение. Царство Духа остается прикровенным, оно открывается в творческой жизни духа, в свободном пророчестве. Творчество человека не могло быть открыто в священном писании, оно свободно открывается самим человеком. Но подлинное религиозное творчество возможно лишь для человека, исполняющего правду закона и правду искупления, укрепляющего дух свой через Христа и во Христе. Творчество против Христа, творчество, восстающее против закона и искупления, есть творчество небытия, творчество иллюзорное, призрачное. В нём не приходит Царство Божье. Творчество светской культуры с религиозной точки зрения лучше, чем сектантское религиозное творчество, разрушающее вечные святыни церкви. Леонардо, в известном смысле, с религиозной точки зрения лучше Лютера, Гёте лучше Л. Толстого. Лютер и Толстой – религиозные разрушители. Леонардо и Гёте – творцы новых ценностей. Они в другом и о другом. Менее всего можно видеть зачатки нового откровения и нового творчества в сектантстве и протестантстве. Этим зачаткам больше в светской творческой культуре, в гениальной избыточности. Религиозное творчество человека может быть лишь откровением человеческой любви к Богу, отвечающим на откровение Божьей любви к человеку. В таком лишь творчестве приходит Царство Божье, которое есть Царство Богочеловечества. Динамизм религиозной жизни определяет искание Царства Божьего. Ибо, поистине, никогда не должно оставлять нас чувство зла и негодности этого мира и жизни в нём. Мы должны уметь бороться за всё ценное в мире и должны уметь отказываться от всего во имя Царства Божьего. Религиозное творчество человека есть не право и не притязание, а религиозный долг человека, долг избыточной его любви. Апокалипсис может постигаться пассивно и активно.

Бердяев Н. Философия неравенства filosoff.org

Апокалиптическое сознание в России в большинстве случаев есть мистическая пассивность, ожидание, переживание ужаса, а не активность и творчество. Активное отношение к Апокалипсису было лишь у Н. Ф. Федорова. Апокалиптическое сознание – опасное сознание. Оно может ложно унижить человека и ложно возвысить его. Апокалиптическое сознание – сокровенно. Царство Божье не может быть результатом ни эволюции, ни революции, – оно есть чудесное преображение. В православии было великое ожидание и великое терпение. Но наступает час раскрытия пророчески-апокалиптической стороны христианства для борьбы с силами возрастающего в мире антихристового духа. Нельзя окончательно предоставить этот мир злым силам. Цельность в грядущем земном обществе невозможна уже, разделение неизбежно. Поэтому невозможна земная теократия. Но должно быть сосредоточиванье и объединение сил Царства Божьего. Ищите Царства Божьего, и всё остальное приложится. Для христианина это остается последней религиозной истиной, перед которой меркнут все остальные истины. Всё непрочно и всё неверно, кроме Царства Божьего, всё лишь для него должно быть исполнено и сотворено. Царству Божьему должно уступить место и государство, и хозяйство, и культура, и весь мир. В вечности, а не во времени, может быть побеждено время и может наступить Царство Божье. Но воля к наступлению Царства Божьего в вечности может быть раскрыта в каждом мгновении нашей жизни, в её глубине. Да придет Царствие Твоё!

Послесловие

Книга моя «Философия неравенства» написана летом 1918 года в атмосфере страстного духовного противления торжествовавшей коммунистической революции. В книге этой, быть может, слишком отразились негативные чувства, которые сейчас уже не владеют мной. Для меня тогда ещё не наступил духовный катарсис, я не пережил ещё тогда до глубины духовный опыт революции и не осмыслил его до конца в религиозном свете. Я разделяю и в 1923 г. основные иерархические социально-философские мысли, выраженные в 1918 г., но настроенность моя более очищенная и освобожденная от власти отрицательных чувств, от всякой ненависти, хотя бы она возгоралась во имя истинной идеи и правой веры. Революцию, безбожную и сатаническую по своей природе, нужно пережить духовно углубленно и религиозно просветленно. И тот не духовно и не религиозно пережил революцию, кто вынес из нее только чувство злобы и ненависти и кто жаждет только реставрации породившей революцию старой жизни со всей её неправдой. Не пережил духовно-религиозно тот, кто пережил её корыстно. Не пережил духовно революции тот помещик или фабрикант, который прежде всего жаждет возвращения себе отнятых поместий и фабрик и возмездия тем, которые их у него отняли. Не пережил духовной революции тот политик, который прежде всего злобствует на то, что не его политическая партия и не его политическая идеология победила, и ждет часа, когда он станет у власти и расправится с теми, которые вместо него торжествовали в революции. Не пережил духовно революции тот идеолог и мыслитель, который полон злобы за то, что его идеи гонимы, и готов соединиться со всякой силой, которая отомстит за эту его непризнанность и это крушение его идеи. Не пережил духовно революции тот обыватель, который видит в революции лишь нарушение его интересов и привычного ему бытового строя жизни и ежедневно ждет восстановления этих его интересов и этого утерянного бытового строя. Духовно пережил революцию лишь тот, кто увидел в ней свою несчастную судьбу и несчастную судьбу своего народа, кто ощутил в ней расплату за грехи прошлого, кто прошел через покаяние, через обличение не только революционной, но и дореволюционной неправды, кто сознал необходимость просветления и преображения жизни. Тот становится уже не революционным и не дореволюционным, а пореволюционным человеком, человеком новой эпохи. Контрреволюционность наша должна быть пореволюционной, а не дореволюционной, утверждающей начала, которые не похожи на те, которые торжествовали во время революции, ни на те, которые торжествовали до революции и к ней привели. Духовное переживание революции не может привести к жажде реставрации, т. е. к восстановлению старого мира со всей его неправдой. Ведь неправда старого мира привела к неправде революции, и возврат к ней есть безумие, обречение жизни народной на безвыходное кружение. Необходимо выйти из этого безвыходного злобного кружения революции и реакций к какой-то новой жизни, перейти к творчеству. Антихристовой неправде коммунизма нельзя противопоставить правду «буржуазную», ибо в «буржуазности» так же нет Христа, как и в коммунизме, и одно безбожие порождает другое безбожие. Коммунизм есть только последовательно доведенная до конца безбожная неправда буржуазного мира.

Революция не есть внешнее для меня событие, она есть лишь отображение чего-то во

мне и со мной происходящего, моей вины, моей духовной немощи. Если бы я, каждый я, был достаточно духовно силен и имел настоящую мощь веры, то революции не произошло бы, произошло бы просветление и преображение жизни. Пусть я – «реакционер», у меня есть реакция, глубокая духовная реакция против неправды и лжи, против бесчеловечья и безбожья революции. Но нужно понять смысл этой «реакционности». Моя «реакционность» не «дореволюционная», а «пореволюционная». Это – реакция против революции тех духовных достижений, которые явились в результате внутреннего осмысливания опыта революции, внутреннего углубления от этого опыта. Эта «реакция» не ведет к реставрированию дореволюционного строя жизни, дореволюционного состояния духа. Революция случилась, она так же отвратительна, как и всякая революция, но нужно идти к тому, что возможно после нее, а не к тому, что было до нее. До нее и было то, что к ней привело. Будем стремиться к тому, что не приведет к ней. Революция сама себя должна изжить и прикончить, её нельзя прикончить извне.

«Правый» я или «левый»? Вопрос, который может интересовать лишь тех, у которых внешняя плоскостная точка зрения на жизнь, которые не признают измерения глубины. Поистине, «правость» и «левость» получаются от передвижения по поверхности. Всякое движение ввысь или вглубь не может быть ни «правым», ни «левым». Внешнее движение к поверхности жизни, отпадение от глубины довело уже народы до кровавого раздора и до неслыханных катастроф. И я хотел бы, чтобы началось движение вглубь и ввысь. Почему я совершенно не «правый» и совершенно не «левый». Мысли мои нельзя втиснуть в эти старые и негодные категории. Различие и противоположения между «правостью» и «левостью» лишь углубляют раздоры в человечестве и питают злобные чувства. Нужно искать истины и правды, Бога, а не «правости» и «левости», не «правых» и не «левых» интересов. Истина не знает категорий «правости» и «левости», она не потворствует тем злобным инстинктам, которые вокруг «правости» и «левости» разгораются. В мире должна произойти великая духовная реакция против власти и господства политики, против похоти политической власти, против ярости политических страстей. Политика должна занять своё подчиненное, второстепенное место, должна перестать определять критерии добра и зла, должна покориться духу и духовным целям. Господство политики, как и господство экономики, есть извращение иерархического строя жизни. Люди бывают добрыми или злыми, преданными Божьей правде или отпавшими от нее совсем не потому, что они монархисты или республиканцы, аристократы или демократы, сторонники буржуазного строя или строя социалистического. На поверхности жизни разыгрывается борьба страстей и интересов, обнаруживает себя похоть к политическому преобладанию и устанавливаются внешние критерии и оценки. Но, поистине, более глубокие, более духовные критерии оценок должны занять преобладающее место и подчинить себе, оттеснить на второй план господствующие политические критерии оценок, должна быть в мире преодолена диктатура политики, от которой мир задыхается и исходит кровью. Поистине, объединение должно происходить в мире по другому принципу, по другому критерию. Духовная жизнь должна вновь занять подобающее ей иерархически преобладающее место. Люди должны соединяться прежде всего по духовным, а не по политическим признакам и принципам. И тогда только в мире произойдет духовное возрождение. Власти внешней общественности над человеческой душой должен быть положен предел.

Все эти мысли выстраданы мной за эти годы, и я счел нужным формулировать их в послесловии, чтобы идеи моей книги были поняты в истинном свете. Ни для каких злобных политических целей идеями этими воспользоваться нельзя. Человеческое общество имеет вечные основы, и основы эти говорят о вечном, а не слишком временном и тленном в прошлом и настоящем. Духовное осмысливание событий, происходящих в мире за последние годы, подтверждает истину исторического пессимизма, который имеет твердые основы в христианских пророчествах и который я давно уже исповедую. Этот суровый исторический пессимизм освобождает нас от всяких земных утопий и иллюзий совершенного общественного устройства. Но он не освобождает нас от долга всеми силами осуществлять Христову правду. Не легко победить радикальное зло человеческой природы и природы мира, и окончательная победа над злом есть преображение мира, «новое небо» и «новая земля». Но отсюда не следует, что мы должны соглашаться на власть зла и на злую власть, что воля наша не должна быть направлена к максимуму правды в жизни.

29 марта 1923 года

Берлин.

Бердяев Н. философия неравенства filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!